

25 AVRIL 1938.

LES COSAQUES LIBRES

XIe Année

25 АПРЕЛЯ 1938 г.

240

25 КВІТНЯ 1938 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ XI-й.

РІК ВИДАННЯ XI-й.

El. Tourn

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК:

Београд. Не в. казаку. Участие именующего себя «Кубанским представительством» к организации «2-го Кубанского действа» для нас бесспорно. Неизвестно пока, принадлежит ли инициатива самому Н., а С. был только исполнителем и инспиратором Г., или инициатива и главная роль принадлежит самому С., а Н. дал лишь свое на все согласие. Во всяком случае, «вторая лента» (см. «К. К.» № 141, стр. 2) скоро тоже отыщется еще при жизни г. Науменко, чего он так боится и хочет, чтобы

суд истории о его злодеяниях перед Казачеством состоялся тогда, когда его уже не будет... Слава Казачеству!

Ромба. И. Б. Получено. Привет.

Шато Еребу. К. Получено. Привет.

Крезо. Г. и С. Получены те и другие. Привет.

Ганновер. П. Л. Ответ — письмом. Привет.

Берлин. В. Б. Ответ — письмом. Привет.

Тропез. И. С. Журнал Вам посылается исправно. Привет.

ВСЕМ КАЗАЧЬИМ ПАТРИОТАМ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

А ВСЕМ ТЕМ, КТО ПОЗДРАВИЛ МЕНЯ С ПРАЗДНИКОМ СВЕТЛОГО ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ, ШЛЮ ОТВЕТНОЕ

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!
ПОХОДНЫЙ АТАМАН И. БИЛЫЙ.

РУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НЕ МОГУТ ПУСТИТЬ

КОРНЕЙ В КАЗАЧЬЮ ЗЕМЛЮ.

В московской «Правде» 1-го апреля с. г. помещена корреспонденция с Терека под заголовком «Враги орудуют в Наурском районе», из которой можно судить о судьбе русских переселенцев в Казачьих Краях.

Вот характерные выдержки из этой корреспонденции:

В Наурском районе «совпали» две сельскохозяйственные кампании: весенняя посевная и... «уборка» хлопка урожая прошлого года. В семи колхозах значительная часть полей еще не освобождена от хлопка.

Сев колосовых затягивается также из-за вопиющей расхлябанности. В одном колхозе только 28 марта, в разгар сева, «вдруг» обнаружили, что участки, намеченные под овес, в действительности заняты люцерной.

— Где теперь сеять? — вопрошают беспечные руководители колхоза.

И предлагают... заарендовать земли соседних колхозов, хотя отлично знают, что аренда земли запрещена законом.

Затяжка с уборкой хлопка, незнание полей приводят к массовому нарушению севооборотов. Чтобы как нибудь выйти из положения, распахивают и засевают первые попавшиеся участки, не считаясь с предостережениями, игнорируя требования агротехники...

Как известно, на Северном Кавказе не мало поору-

довали правотроцкистские бандиты. Они пытались разложить колхозы, не гнушались никакими способами, чтобы вызвать недовольство среди колхозников.

Одной из форм вредительской работы было искусственное разжигание вражды между коренным населением и приехавшими на Терек переселенцами из центральных областей Союза. Особенно ярко это проявилось в Наурском районе, где вредители засорили руководящие кадры колхозов враждебными элементами.

Пролезшие в правление вредители умышленно ставили переселенцев в тяжелые бытовые условия, травили их, издевались над ними, несмотря на протесты колхозников из коренного населения.

В колхозе «Сталинец» за одинаковую работу переселенцам начисляется меньше трудодней, чем своим «станичникам». Руководители районных организаций, в частности секретарь Наурского райкома партии Ларин проявили редкую политическую слепоту, не разглядев во всем этом вражеской работы.

Райком партии остался равнодушным даже тогда, когда больше четырехсот переселенцев, преимущественно ударники, подали заявление о выходе из колхозов. Секретарь райкома Ларин поведал кулацким сказкам, будто выходы из колхозов объясняются непривычными якобы для переселенцев «климатическими условиями».

Реклама и действительность

14-го сего апреля в «Последних Новостях», в отделе хроники, под заголовком «От казачьих общественных организаций», напечатано такое извещение: «17 апреля, в 8 ч. вечера, на 27, авеню Ла Тур-Мобур, состоится открытое собрание, устраиваемое двенадцатью казачьими общественными организациями. Собрание посвящается вопросу о выборах донского атамана на трехлетие 1938-1941 г. г. Приглашаются казаки всех казачьих войск. Метро Ла Тур-Мобур».

Извещение это прочитано было многими казаками не только в Париже или во Франции, но, без сомнения, и в других странах, куда проникают «П. Н.» (а проникают они во многие страны). И, вероятно, те казаки, которые живут далеко от Парижа, прочитав о собрании здесь целых 12-ти общественных казачьих организаций, подумают (а может быть и позавидуют!) — вот где казачья жизнь бьет ключом!... Подумать так они могут совсем легко, так как «Париж» (казачий Париж) играл руководящую роль прошлый раз в выборах Граббе, хочет играть такую же роль и в выборах теперь. (А что «Париж» решит, так оно и бывает).

Что же было на самом деле? А на самом деле было так:

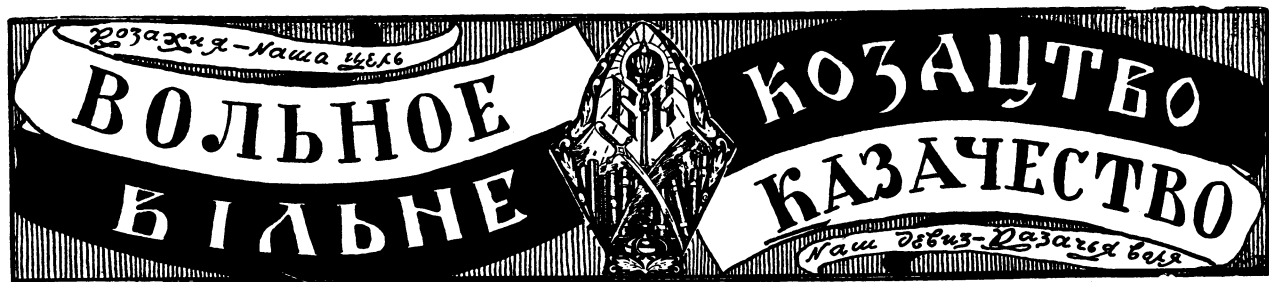
На собрание 12-ти общественных казачьих организаций, со всеми приглашенными казаками других

Войск, и вместе с самими устроителями собрания, пришло ровно 25 (двадцать пять) человек, из которых человек 7-8 было просто любопытных. (Один из устроителей собрания «плакался» потом, что казаки в таком «важном» деле проявляют полную инертность...).

На собрании выяснилось, что устроено оно «Комиссией» «Президнума Д. В. Круга». Но, несмотря на настойчивое желание некоторых присутствовавших, выяснить, какие же именно 12 казачьих общественных организаций приняли участие в созыве собрания, так и не удалось. Ясное дело, что в действительности никаких 12 организаций не было, а господа устроители просто позволили себе «предвыборный трюк», не имевший, все же, никакого успеха в самом Париже. Но, вероятно, некоторое психологическое действие на казаков, далеких от Парижа, такие приемы оказывают и в глазах их роль «Парижа» в решении казачьих дел увеличивают.

Были на собрании и «прения» — самые беспорядочные, ибо устроители не поставили перед собранием ни одного ясного вопроса, подлежавшего разрешению. Начатое вообще «обменом мнений», собрание так и закончилось ничем.

Председательствовал И. П. Буданов. Главными «ораторами» устроителей были: Исаак Ф. Быкадоров и А. И. Бояринов.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16°)

№ 240.

Понедельник, 25 апреля 1938. — Понеділок, 25 квітня 1938.

№ 240.

Александр КИСЕЛЕВ.

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Христос Воскрес! Шумит листва древес —
Христос Воскрес! Щебечут птицы.
И радостны знакомых лица:
Христос Воскрес! — Воистину Воскрес!

Христос Воскрес! То чудо из чудес —
Восстал из гроба Он живой...
Так ветер шепчется с травой:
Христос Воскрес! — Воистину Воскрес!

Христос Воскрес! Журчит в лесу ручей,
Но я не весел. Как то больно
И грустно мне. Слеза невольно
Предательски катится из очей.

Христос Воскрес! То с голубых небес
Несется жаворонка песнь.
Сердца волнует эта весть —
Христос Воскрес! — Воистину Воскрес!

Всем вольным казакам — Христос Воскрес!
Всем вам, в рассеянии сущим,
И вам на родине несущим
Страданий тяжкий крест, — Христос Воскрес!

ХОДЬКЕВИЧ-САПСАЙ.

СТАВАЙТЕ УСІ ПІД НАШ ПРАПОР

Гей, Козацтво, куйте зброю
Та ставайте всі до строю
Під наш прапор у ряди!
Підем Край наш рятувати,
Козакию визволяти
Із неволі та біди!

* * *

Увесь світ в газетах пише
Що Москва на ладан дише,
Що підходить їй кінець;
Бо усі там комисари
Добули од Бога кари, —
Пішли в пекло навпростець.

* * *

Тільки звисний всім диктатор,
Той Російський Гладіатор
Сидить цілий ще в Кремлі;
Та й тому не жити в світі:
Вороги його неситі
Закопають у землі.

Тоді підем всі до бою
Із безбожною Москвою
У погожу темну ніч;
Сили й мочі у нас хвате, —
Скинем ми ярмо трикляте
Із козацьких наших пліч.

* * *

Діждем щастя і пригоди:
Вийдуть разом всі народи
Із Російської тюрми;
Оживе стара надія:
Стане вільна Козакія, —
Будем добре жити й ми!

* * *

Куйте ж добру, хлопці, зброю,
Та ставайте всі до бою
У козацькій ряди;
Підем Матір рятувати,
Козакию визволяти
Із проклятої біди!

Андрей ПОНОМАРЕВ.

БРАТЬЯМ

Вспомни, Казачество, Родину милую,
Вспомни станицы, поля, хутора,
Песню раздольную — песню родимую,
Полную чашу хозяйства-добра.
Нам наступила жизнь здесь иная —
Новая жизнь: на такси, у станка,
В шахтах, бараках, в депо у трамвая —
Всюду возможно найти казака.
Только, как глянешь назад, да подумаешь,
Что же мы сделали здесь для себя?
Где же все милое сердцу казачьему,
Что так хранили мы прежде, любя?

Нет ничего... И житье беспросветное
Все тяжелей с каждым днем.
Новое нечто, как кризис всесветный,
Все поглощает кругом.
Будет же, братья, в сторону жаться --
Вспомним мы наших отцов:
Все они стойко умели стражаться
И защищали казачий свой кров.
Время и нам сбросить иго чужое,
Снять со креста нашу Родину-Мать.
Все там нам близкое, наше родное —
Все продолжает нас ждать...

ВМЕСТО ОТВЕТА

НА ВОПРОС :

ВЫБИРАТЬ ИЛИ НЕ ВЫБИРАТЬ ДОН. АТАМАНА?

Тди года назад, в номере 171 «ВК» (25-го марта 1935 г.), по поводу выборов Донского Атамана, мы писали так:

...«До сих пор мы, самостийники, не вмешивались намеренно в дело выборов заместителя ген. Богаевского. Мы имеем свою цель и идем своей дорогой. Мы имеем свое решение Казачьего Вопросы. Этой основной своей задачей мы подчиняем все остальное, в том числе и... вопрос о выборе заграничного Д. Атамана.

Преследовали мы и еще одну цель, когда решили не мешать этим выборам. Мы хотели, чтобы лидеры нынешней казачьей старшины и русских казаков показали и доказали, на что они способны, чтобы они выявили себя в условиях наиболее для них благоприятных, когда им никто не мешает. И вот теперь предстали они перед казаками во всей их красе и силе. В предвыборной борьбе они дали максимум своего творчества, максимум своей политической мудрости.

И что же? — вся их политическая мудрость, весь их политический подвиг — это

служение государству Российскому, у одного, облегчение получения карт дидантите у другого, беспомощное молчание — у третьего.

Хотя мы и сказали уже, что мы не вмешивались до сих пор в дело русских казаков, но, если взглянуть на дело глубже, мы, конечно, старшинскому и русскому делу у казаков усиленно мешаем.... Мешаем — проповедью Вольноказачьей программы.

Не вмешиваясь формально и сейчас, мы всеми силами своими мешаем творить в казачьей среде не казачье дело. Ибо, наша конечная цель — достичь того, чтобы казаки творили только дело казачье.

Сейчас же мы позволим обратить внимание донских казаков, занятых вопросом о выборах зарубежного Д. Атамана, на уже подчеркнутый нами весьма существенный пробел в их поведении. Выбирая себе Атамана, они до сих пор не поставили самого важного вопроса — зачем его выбирать?

Мы смеем думать, что, не решив этого основного вопроса, донские казаки ничего не решат и своими выборами. Ни одна надежда их не оправдается и ждет их в будущем всего лишь одним разочарованием больше.

Только решив вопрос: зачем выбирать? — можно будет решить и дальнейшие вопросы: кого и как выбирать?

Без решения этих вопросов, донцы не выйдут из того политического хаоса, путаницы и неурядиц, в которые они уже попали. Без ясного решения этих вопросов выборы все равно никого не удовлетворят...

— «» —

Для того, чтобы решить вопросы: кого выбирать и зачем выбирать? — надо сначала ясно решить несколько иных, не менее существенных, вопросов. Надо решить сначала:

Кто мы и какие задачи стоят перед нами?

Мы смеем утверждать, что без предварительного решения этих вопросов, никто из казаков не может решить ни одного серьезного казачьего вопроса в казачьем духе и в казачьих интересах.

Позволим себе и мы в данном случае начать отсюда, начать с вопросов:

Кто же мы? какие задачи стоят перед нами? каково наше будущее и какова наша собственная роль в решении всех этих вопросов? — наконец, как понимаем мы, вольные казаки, казачий вопрос и как его решаем.

— «» —

Решение Казачьего Вопросы зависит от решения основного вопроса:

Кто мы — казаки или русские?

Если русские — все ясно.

Если казаки и желаем остаться казаками — тоже все ясно.

Неясно бывает только тогда, когда казаки хотят быть и казаками и русскими одновременно.

Все трагедии Казачества как раз и происходили потому, что казаки хотели иногда быть

и теми и другими — и всегда в таких случаях проигрывали.

Если казаки — русские, тогда все ясно. Тогда никакого Казачества. Тогда мы русские и судьба русских — наша судьба....

... Неясно, повторяем, тогда, когда казаки хотят сидеть на двух стульях — русском и казачьем. Такое сидение в прошлом кончалось всегда провалом и проигрышем казачьего дела и казачьих интересов.

Такое решение — утверждение о том, что мы и казаки и русские, или формулы: свободное (или не свободное) Казачество в свободной (или не свободной) России — такие решения ведут неизменно к уступке казаков русским, к постепенному поглощению казачьего начала началом русским, к ликвидации Казачества, как народа, к постепенному превращению остатков его в русских по паспорту, а потом и по духу....

....Судьба Казачества должна решиться не вмешательством в русские дела, а обособлением своего дела от дел русских. Для казаков есть единственный выход и только одно решение своего вопроса. Но для этого раньше надо сказать, что мы — казаки и желаем остаться ими навсегда. Как только мы это скажем, сразу все становится для нас ясным: ясно, кто мы; ясно, что нам делать; ясно, куда нам идти; понятно наше настоящее и ясна программа будущего; известны наши противники и известны наши союзники.

Вот мы, самостийники, и сказали уже, что мы — казаки и больше никто, казаки — и только; начинаемся казаками и кончаемся казаками.

И когда мы строим свою программу, программу казачьего освобождения, программу создания казачьего государства, делаем мы это потому, что не только на словах, но и на деле, мы навсегда хотим остаться казаками.

Казачество имеет для нас ценность абсолютную, имеет ценность само по себе, безотносительно к тому, нужно оно кому или не нужно, нравится оно кому или не нравится, любит ли его кто или ненавидит....

Мы не отделяем своей судьбы от судьбы всего Казачества, мы посвящаем ему на службу все наши силы и все наши помыслы, все наши способности и всю нашу энергию, ибо мы — сыны его!

Мы ищем казачье прошлое и строим казачье будущее. Ищем казачью метрику и ставим вехи по казачьей дороге в историческое будущее. Прошлое Казачества для нас важно, но важнее будущее. На прошлом мы учимся, в настоящем мы боремся, чтобы жить в будущем по казачьи....

....Придет время, когда усилиями казачьих историков будет полностью восстановлена подлинная история Казачества. Уже сейчас мы многое знаем. Уже сейчас мы знаем о прошлом Казачества столько, что этого знания достаточно, чтобы осветить им наш путь в будущее.

Казачество — не случайное явление чужой истории, не каприз, не искусственное создание

своего северного соседа как о том говорят иногда чужие или потерявшие свою метрику казаки.

Уже раскопанная часть нашей истории дает нам лишний исторический аргумент за то, чем мы чувствуем себя сами без всяких аргументов:

Мы — казаки и хотим остаться казаками.

А если мы только казаки и желаем ими остаться, не желаем исчезнуть с исторической сцены, желаем сохранить себя и свое имя, желаем жить и развиваться, как всякий иной народ, — мы должны стать самостийниками, должны создать свое казачье государство. Мы, вольные казаки, и поставили вопрос о создании казачьего государства — Казакия.

— * —

Чтобы создать казачье государство, надо сначала освободить Казачество, надо одновременно решить и ряд иных больших «попутных» задач.

Какие же это задачи, какие задачи вообще стоят сейчас перед Казачеством и как решаем их мы, вольные казаки?

Прежде всего — кто мы, зарубежные ныне казаки?

Мы — политическая казачья эмиграция, мы — не беженцы. Мы не та эмиграция, которая едет искать своего счастья за морем. Мы те, кто ушли в эмиграцию для того, чтобы продолжать раз начатую освободительную борьбу. Это на нашей совести лежит найти тот молот, каким можно будет разбить цепи, сковавшие наших братьев там, под оккупацией. В этом смысле — мы в походе. Мы — бойцы за освобождение всего Казачества. Эта наша задача кончится только тогда, когда мы вернемся — с боем или без боя, вернее с боем — опять домой.

Как политическая эмиграция, мы не только имеем право, но мы обязаны работать над достижением и осуществлением основной политической задачи: стоящей сейчас перед поработленным Казачеством. Эта задача, эта цель для нас — Казакия. А по дороге к ней — большие задачи внутренние и внешние.

К задачам внутренним относится прежде всего ясная формулировка казачьей освободительной программы и политическая и идеологическая подготовка к будущим событиям. Этой подготовки как раз не было у казаков в 1917—1920 годах и потому мы проиграли. И если тогда мы не были готовы и проиграли, нужно, чтобы мы были к будущим событиям готовы и — выиграли!

Но одной идеологической подготовки мало. Надо, чтобы все хорошо идеологически и программно подготовленные были и хорошо организованы. Политическую борьбу можно вести только политической армией, объединенной на ясной и понятной программе и скованной суровой дисциплиной.

Наша конечная цель — Казакия — объединенное казачье государство. Этой цели Казачество без борьбы не достигнет. Большую политическую борьбу выигрывают только те, кто хорошо знают свои цели и хорошо организованы. Всякая политическая борьба стоит тем дешевле — кровью и средствами, — чем лучше она подготовлена, чем лучше она организована, чем

лучше организована армия, ее ведущая. И, конечно, чем лучше использована внешняя обстановка.

Одной из главных причин поражения казаков в прошлой борьбе была казачья раз'единенность, отсутствие единого для всех казачьих Войск политического возглавления и единого командования их вооруженными силами. Надо, чтобы этой основной ошибки Казачество не повторило в борьбе грядущей. Вот почему следует теперь уже всем казачьим патриотам объединяться около одной программы под единым политическим возглавлением...

— « » —

Противники казачьей самостоятельности часто упрекают нас в том, что Вольноказачье движение возникло за границей. — Если бы даже это было так, то и то никакого греха, никакой вины нашей в том нет. Время возникновения освободительного движения не может быть ни пороком его, ни аргументом против него. Не в минус, а в плюс поставит нам казачья история нашу инициативу — при всяких обстоятельствах. Тем не менее, для восстановления истины, для восстановления правильной исторической перспективы в наше прошлое, мы должны напомнить тем, кто этого не знал, или плохо знал, или забыл, что ВК всего лишь продолжает то, что было начато, что было намечено еще там, дома, казачьими Конституциями и некоторыми иными решениями Верховной казачьей власти на Дону, на Кубани, на Тереке... Мы, вольные казаки, преемственно принимаем и продолжаем дело Юго-Восточного Союза 1917 года, дело казачьей конференции июня 1919 года, дело первого Верховного Круга Дона, Кубани и Терека начала 1920 года...

На протяжении почти трех лет Казачество искало своего объединения и столько же времени находились там тогда внешние силы, всячески казачьему объединению мешавшие.

Конечно, не все благополучно было и в среде самих казаков. Были тогда в казачьей среде не только противники казачьей самостоятельности, но и противники казачьего объединения. То же самое видим мы и сейчас. Может быть, это и понятно: то, что делалось 200 лет, не может быть изжито в два года. Чтобы Казачество все вышло на свой национальный шлях, казачьим патриотам, казачьим националистам придется поработать еще и много и основательно.

Сейчас, с национальной точки зрения, Казачество переживает момент переходной. Очень часто мы видим, как в его среде борются два начала: русское и казачье. Одно — отмирающее, другое — нарастающее. Одно — дело прошлого, другое — дело будущего. Казачьи патриоты должны этот процесс ускорить. Мы, вольные казаки, не сомневаемся в полном торжестве в казачьих рядах начала казачьего... Начало русское — привело казаков к катастрофе. Спасти их может — только начало казачье.

— « » —

Что же делать казачьей эмиграции? Что делать тем, кто есть и хочет быть только казаком? Что делать тем, кто не примирился и не примирится с теперешней оккупацией Казачьих Зе-

мель, кто не хочет и в будущем никакой иной оккупации, никакой и ничьей опеки над Казачеством?

Наш ответ ясен и краток: становиться под ВК самостоятельное знамя, признать единое политическое командование и, используя все представляющиеся к тому возможности, идти осуществлять ВК программу...

Нельзя отделять больше судьбы одного казачьего Войска от судьбы других Войск.

В чрезвычайных условиях нужны и чрезвычайные меры.

Решение вопроса о возглавлении казачьих самостоятельных сил должно быть подчинено основной политической цели Вольноказачьего движения.

А эта цель такова, условия ее достижения, окружающая обстановка и стоящие перед нами препятствия таковы, что властно диктуют нам избегать, многовластия, избегать распыления сил. Раз'единение погубило казачью борьбу в недавнем прошлом. Раз'единенная казачья эмиграция, существование нескольких атаманов за границей ни в какой мере не способствовали решению казачьего вопроса (ни там, ни здесь) в интересах Казачества. Наоборот, такое многовластие, отсутствие единого для всех казаков действительно казачьего Центра было всегда и есть на руку только противникам Казачества, которые достигают своих целей, сгибая каждый казачий палец в отдельности.

Нужно, в конце концов, показать всем нашим недругам и друзьям единый казачий кулак. Недругам — по соображениям одним, друзьям — по соображениям другим. Только сильного бояться враги, только сильным может найти себе союзника; со слабыми не разговаривают, слабым — диктуют.

— « » —

В казачьем прошлом, в условиях, аналогичных условиям нашим, казаки в походах, на чужбине, выбирали себе Походных Атаманов, ставили им конечные цели и снабжали их надлежащими полномочиями.

Правда, в прошлом задачи, стоявшие перед Казачеством, были проще, — на первом месте стояли обыкновенно задачи, решавшиеся самим походом и войной. Проще была и окружающая внешняя обстановка, в которой приходилось действовать казакам и решать свои задачи.

Теперь задачи, стоящие перед Казачеством, гораздо сложнее и гораздо труднее. Сложнее во много раз и та внешняя окружающая обстановка, в которой приходится нам теперь работать или придется бороться. Но, расширив, по сравнению с прошлым, содержание стоящих перед Казачеством сейчас задач, следует казакам оставить свою историческую форму возглавления, стоит сохранить свое историческое имя.

Основные задачи Возглавления ВК сейчас: возглавив казачье освободительное движение, заключив союз с соседями и найдя союзников во внешнем мире, при первом же представившемся удобном случае привести — с боем или без боя — казачью эмиграцию домой, принести туда решение

Казачьего Вопроса, довершить задачу освобождения и создать первый Верховный Круг Казакии для оформления создания самостоятельного и независимого объединенного казачьего государства.

— «» —

— Это и есть задача ВК. Это и есть ответ наш на вопрос: как решают вольные казаки казачий вопрос.

Для нас, для казачьих самостийников, есть только одно святое — казачье, и одна цель всей нашей деятельности — казачье государство.

Ибо: только тогда не будет больше казачьих эмиграций; только тогда Казачество станет господином своей исторической судьбы; только тогда казачья Степь будет принадлежать казакам и никому больше.

Все это стоит того, чтобы мы захотели его осуществить.

А чтобы это можно было осуществить наверняка, надо, чтобы и те казаки, которые сегодня еще не с нами, но которые хотят остаться казаками, — надо, чтобы и они стали в наши

ряды, стали казачьими националистами, стали активными казачьими патриотами.»

—«»—

Статья эта, повторяем, написана была три года тому назад. Пусть те, кто не был тогда с нами согласен, прочтут ее внимательно еще раз. Пусть поставят себе вопрос: что дали Казачеству выборы Граббе?

Сейчас, через три года, мы мало чего могли бы к ней добавить или изменить. Больше того: сейчас мы могли бы только еще больше подчеркнуть ее основные мысли.

После того, как она была написана, вольные казаки, верные своей программе, выборами Походного Атамана (в 1935 году), создали единое политическое командование, единое возглавление казачьего национально-освободительного движения. Отдельные Войсковые Атаманы, по крайней мере, здесь, за границей, стали не нужны. А кроме того, они до сих пор были главной причиной казачьего раз'единения, до сих пор они были и есть главными противниками казачьего национального дела.

Вот почему и на этот раз вольные казаки не примут участия в очередных «выборах» очередного Донского Атамана.

НИКОЛАЙ ЛАПКИН.

В Е С Н А

Пришла она, как и всегда. Пришла такую же, какой была и раньше. Так же щедро целует солнце росные травы, целует первые цветы, целует зеленые ковры полей, распускающийся лес и цветущие фруктовые деревья...

Закрываешь глаза и слушаешь: блеют ягнята, мычат коровы, гомонят люди. Одни спешат на выгон, другие — помочь матери-земле родить золотистую пшеницу, усатый овес, сердитый ячмень и все, все, что дает земля труженику-пахарю, кормящему целый свет. Воробьи уже не «хохочутся», как бывало зимой, а, чиркая, «жулики-мушны» лукаво поглядывают на прекрасный пол... Лес весь полон голосов. Перекидывается птичье царство, подчиняясь зову природы. Парят орлы в ясно-синем небе, гордо описывая круги, выглядывают добычу... Смотришь: повис один... Но вот раздается беспричинный клекот... крен влево и пулей несется молодой орел вниз... Нет, не добычу увидел он... Несется снова вверх «щеголем» — авось эта весна даст ему больше счастья!

Искрятся глаза у труженика-пахаря. Гордо, как будто бы и он возродился, режет он ровными полосами свое поле. Окрылен надеждой и тоже ждет счастья...

Все, все пробуждаешь ты к жизни, весна! Как люблю я тебя, окрылявшую и вдохновлявшую меня в дни моей юности, в дни моего коротенького личного счастья, в дни моей веры в людей!... Но, зачем, зачем бередишь ты теперь незаживающие старые раны в моем теле и сердце? Если нужно для счастья моего и моего народа тело, я его дам, — я калился в ужасах войны. Дам и душу. Дам и сердце, — ведь оно, бедное, живет только желанием покоя и счастья казачьему народу.

Но, зачем же так мучительны воспоминанья? — Сквозь тьму минувшего вижу я Тихий и родной Дон. Знаю, скоро разобьет и он оковы льда. Гулким эхом разнесется в задонских лесах его крик победы. Понесутся его воды, целую привольные луга. А после, когда успокоится мой кормилец (ласкавший меня своею волною и баюкавший ею, когда я блаженно засыпал на песке), побелеют леса от стыдливых ландышей и,

собирая их, казачьи девушки будут лить слезы радости, надежды и веры, будут искать тоже... счастья. Молодость победит, — она будет радоваться даже и беспричинно... природа возьмет свое.

Но, сколько душ теперь будут плакать, о, прекрасная весна, там, где так радостно текла жизнь!... Или ты, весна, будишь воспоминания лишь потому, чтобы не забыли такие, как я, в чем смысл нашей жизни?

Или, желая побороть инертность зимней спячки, ты вливаешь энергию проснувшейся жизни в обездоленные души для борьбы за лучшее будущее?

Если так, я благословляю тебя, моя весна, моя неизменная любовница, подруга дней моей жизни, дарившая в прошлом меня радостями, а теперь вдохновляющая меня к борьбе...

Благословляю тебя, весна! Но если бы ты знала, моя сладкая и любимая, что наделала осень жизни с такими, как я! Она украла часть и от веры, и от надежды, и от любви. Она, подарив нас ужасами, показав нам лицемерие, подлость, беспринципность жизни во всей наготу, осквернила наши души. Она, цинично вывернув наизнанку всю нашу жизнь, смеялась, видя наши страдания. Она издевалась над нашими мучениями, когда мы, окрыленные верою и высшею Христовой любовью, не шая самого дорогого для нас — жизни, шли вперед, ища счастья и себе, и «братьям». Она омрачила те наши дни... Когда же мы проснулись, наученные опытом, мы стали... стариками.

Теперь уже ничто не удивляет нас: мы узнали жизнь и людей с холодным рассудком, не возмущаясь, мы смотрим на безучастность и равнодушие других. Мы знаем, что свой своему брат, но мы знаем, что и Каин Авелю был тоже брат. Мы знаем глубину любви, но мы знаем и бездонность мщения. Мы знаем чистоту души, но мы знаем и безграничность порока. Мы знаем красоту подвига, но мы знаем и безобразие предательства. Ничто, ничто нам уже не ново...

Отдельные личности ищут счастья для себя и для своего народа. Ищем его и мы. Личности перевоплощаются, перевоплощая души своего народа, зажигая их желанием подвига. Делаем, по силе возможности,

это и мы. Мы разгадали жизнь, хотя есть еще многое, что скрыто от нас...

Мы верим, что национальное я в народе не умирает, хотя порою спит. Мы знаем, что народное самосознание, народная гордость достигают своего апогея в минуты опасности, в минуты страдания, в минуты обиды, тем более обиды незаслуженной, обиды глупой...

Перед нами метаморфозы с народами, вернее не метаморфозы, а пробуждение их национальной гордости, народной живучести, пробуждение вечного национального я, их подъем, их стремление вперед — к весне-жизни!

Недавняя, как-бы уснувшая и слабая духом и телом, Италия (носившая в себе дух гордого римлянина) проснулась. Заговорило национальное я, заговорила национальная гордость и вчерашний обыкновенный обыватель в обществе народов, стал гигантом, даже не заболел модною жидо-русской болезнью.

Затряслась в недавнем прошлом от этой русской язвы самурайская кровь японцев, но... воспрянув, забурлила для счастья своего народа.

Заболела Германия... Но, запрыгало сердце вчерашнего неизвестного героя из Австрии, носящего дух германского народа, отозвалась гулом динамическая сила любви к своему, крившаяся в народе и... отряхнула колосс...

Где то на Севере, в беспредельных степях, люди с психологией степных орлов, с доблестью несравнимой, тоже противопоставились большим желаниям «богоискателей» и хитроумным программам большевиков, пролили реки крови, но, будучи чистыми душою, не испуганными в «политике», глубоко веря «братьям»... потеряли все. Никто им не помог, а они не знали осени жизни. Они верили. Они были наивными... наивными до глупости... Сами себя эти люди считали отдельною единицею в обществе народов, но верхушка их, облагодетельствованная чужими, прививала сознанию своего народа то, что — он себе не принадлежит...

Народ, жизнью своею подчеркнувший свои, только ему присущие, особенности, не гнулся. Его протестующая душа рождала великанов **казачьего я**, но в «братском» русском море и в море предательства своих — тонули великаны, оставляя глубокие борозды в душе народа. Вспыхнули и в последней борьбе неугасаемыми огнями выразители народной Воли, но гробocopатели своего народа, в желании свести к нулю народную Волю, творили Каиново дело. Все же, видя плоды жертв мучеников, мы можем с радостью, сквозь слезы, сказать: гробocopатели пропали.

Казачество, умудренное опытом, переживает (хотя, к сожалению, и не все еще) весну, дожидаясь лета и жатвы. Но, нужно учиться и другому. Нужно драться оружием врага. Церемониться нечего. С верою в правду, с надеждою в силы и опыт — надо идти к борьбе. Подлость врага мы не только должны парировать, но и наносить ему удары, после которых бы он не делал больше подлости. Без жертв нам не обойтись, без жертв нам своего не добиться...

Жертвовать мы умели, нужно жертвовать и теперь. Ераг предпочитает подпольную борьбу. Мы должны бороться всячески. Заразившись энергией весны, мы должны показать свои силы. Уродов нашей семьи, не решающихся вступить в наши ряды, мы должны оставить в покое. С слюнявым благородством мы далеко не уйдем. На нас никто не обратит внимание, если не увидит наших жертв. Мы должны показать другим, что наша любовь, сильнее смерти. Мы должны доказать всем, кто нам полезен или вреден, доказать, что мы своего не дадим больше никому и никогда, если бы за него пришлось и умирать.

Мы должны знать, что наша смерть встряхнет казачий народ. Мы должны знать, а не верить, что наша смерть за свое пробудит тех, у кого есть казачья совесть. Мы должны понять раз и навсегда, что наших «братьев» нам любить не за что. Своими же чувствами любви к людям, желающим похоронить и память о казачьем народе (применяющих приемы, подобные случаю с Походным Атаманом, а их не один такой),

мы только подчеркиваем неуважение к себе, к казачьему народу и к прошлым жертвам...

Мир «белое» движение давно осудил. Осудил он и «красное» движение. Нас же, ищущих счастья казачьему народу, он не осудит. Видя же глубину наших чувств, он, мир, нас поймет. Но добиться осуществления своих идеалов, добиться помощи может только наша воля. Воля же — это весна человеческого я. Воля — это неумирающее в человеке качество, пока он жив, дающее импульс жизни. Воля, — говорит Шопенгауэр, — цели не имеет, но всякое природное явление имеет причину, которая ведет свое начало от Воли.

Как весна возрождает все на земле, так и Воля должна возродить нас, имеющих причины, право и желание на возрождение своей казачьей Родины. Идя же на борьбу за Казачью Долю, мы должны идти к цели прямыми путями, убирая все мешающее на пути. Никаких «перескакиваний» через преграды, ибо не всякий может перескочить. Путь надо очистить. Губить энергию на ненужное, тратить на то силы и время, — значит, обессилить себя. Без сомнения, страха и излишней «чистоплотности» — вперед!

Нас ненавидят, — мы должны ненавидеть вдвойне. Нас считают «изменниками» чужому делу, — мы должны быть врагами этому делу. Нас хотят загнать на общие базы, где двуногая скотина безропотно носит хомут, — мы должны приготовить налыгач для тех, кто его выдумал. Нас хотят уничтожить, — мы, в свою очередь, должны уничтожить тех, кто нам желает падения...

Имеем ли мы право любить свое больше чужого? Имеем ли мы право желать, во-первых, счастья своему народу? Имеем ли мы право любить безвестные и известные могилы наших близких? Имеем ли мы право, прежде всего, почитать своих великанов?

— Имеем!

Нужно ли нам вернуться туда, где мы оставили все? — Нужно. Должны ли мы идти опять теми путями, которыми мы шли и которые нас довели до положения париев, до положения людей, не имеющих своей родины, до положения батраков русских «белых» и «красных», приказывающих нам молчать и не рассуждать!

— Нет, мы идти теми путями не должны.

Нашли ли за 18 лет сами русские «белые» путь, который бы вел их и «русских казаков» к их лучшему будущему? — Некоторые скажут нет, а я скажу: да, нашли! Это путь через горсточку трупов русских идеалистов, через горы казачьих трупов, через горы трупов казачьей учащейся молодежи, через трупы М. Богаевского, Чернецова, Назарова, Каледина... Это путь компромисса с совестью.

Кто указал им этот путь? Заграничные цари, слюнявые «демократы», люди, загребавшие жар чужими руками. Это те, кто, когда горел пожар в пределах б. Российской империи, ничего своего не потеряли. Им наши страдания понятны столько же, сколько мертвому дождик.

По пути ли нам с ними и пойдём ли мы, казаки националисты, с ними по этому пути?

Нет! Мы, казаки, по этому пути, не пойдём. Мы издеваться над нашими героями не будем. Мы издеваться над самими собой тоже не будем. Мы кощунствовать над светлою памятью проливших свою кровь за Честь, Волю и Долю казаки, не можем.

Что же делать? — Поднимать бунт в родных душах казаков и... бороться, но не «любя», как многие из нас делали до его времени, а бороться, чтобы жить, не боясь умереть.

Весна идет. Природа возрождается, должны возродиться и мы и, заразившись энергией, бороться с удесатеренной силой. Или — опоздаем...

Наш долг дать Весну-Возрождение Казачеству. Ему там тяжелее, чем нам здесь.

Мы имеем больше возможностей и должны их использовать. Используем же их для себя, а не для других.

Так должно быть, так сделаем!

Каждый казачий патриот должен подписаться на жур. „ВК“

Николай ПОСОХОВ.

Казачьи недуги

1917 год дал сильный толчок к духовному пробуждению Казачества, когда казачий народ воспринял новый порыв, обрел сознание самого себя, своей прошлой славы, своих исторических особенностей и, отбросив от себя все чужое, навязанное ему извне, устремился по своему казачьему историческому пути. Казачество отбросило от себя коммунистическую, русско-большевистскую утопию, но борьба за свои вековые идеалы с русскими насильниками, воспринявшими эту утопию и силой навязывавшими ее Казачеству, задержали естественный ход казачьего возрождения, но не оставили и не прервали его.

Период борьбы Казачества 1917-1920 годов прошел и под знаменем борьбы в самом Казачестве между чисто казачьим и русским началами. Казачество не смогло тогда отбросить всех своих обрусевших «вождей», поддерживавших русские идеалы и тянувших его на борьбу за русские интересы. Казачье сознание того времени еще не пережило революции духа, свойственной каждому, возрождающемуся и освобождающемуся от чужого господства, народу. Только отбросив, оставив в стороне свои старые обрусевшие элементы (без различия чинов и культуры), только став на свой исторический путь, могли мы начать свою — и только свою! — новую казачью историю.

Систематически проводимая русским правительством политика освоения и руссификация Казачества, привела к тому, что мы лишились не только своей политической и экономической независимости, утраченных после упорных и кровавых войн с Россией, но, в результате этих войн и политики русского насилия и «расширения», казаки забыли свою историю. Казачьи верхи, обласканные Москвой, постепенно начали русскую историю принимать за свою. Насколько они, верхи, восприняв русскую идеологию, утратили чувство различия между казаками и русским народом, настолько казачья масса, под покровом кажущегося примирения со своей судьбой, накопила и сохранила в душе здоровое и глубокое понимание своей исторической особенности от русского народа. Однако, сознавая инстинктивно и чувствуя всю разницу между собой и русским народом, Казачество, благодаря отсутствию своей собственной писаной истории и вековому затемнению его национального сознания, в критические моменты своей истории не могло сразу освободиться от всего чужого наследия, прививавшегося ему за период зависимости, и, отбросив русскую историю, «восстановить» и продолжать свою собственную.

В критические моменты своей жизни Казачество имело своих казачьих пророков, способных указать ему свой национальный идеал и повести его по своему историческому пути, чтобы творить только свою казачью историю... В период своего национального пробуждения и кровавой борьбы 1917-20 годов Казачество тоже имело своих пророков, имело своих духовных национальных вождей, среди которых яркими звездами сияют бесстрашный Никола **Рябовол** и Алексей **Кулабухов**... Имена, идеи и дерзания этих пророков Казачьей Истины глубоко проникли и укрепились в казачьей народной душе... К несчастью своему, разрозненные по Войскам, ослабляемые внутренней борьбой со своими (заявлявшими руководящие посты) руссофилами, казаки не могли защитить и отстоять своих подлинных вождей от русского вероломства. Если бы тогдашние казачьи Атаманы могли подвергнуть строгому экзамену свои совесть, идеалы, веру, которыми жили и которым служили, методы, которыми правили Казачеством, могли бы преодолеть чужие идеалы и искать свои казачьи цели, если бы, созная прошлые свои ошибки, искали бы случая исправить их, Казачество теперь бы не переживало столь жутких дней.

Окидывая мысленно духовным взглядом многовековую историю Казачества, ставлю себе ряд вопросов и стараюсь ответить на них так, как мне подсказывает мое казачье сердце, мой ум и моя, страдающая в невольном и горестном изгнании, душа. А вопросы вста-

ют сами собой и рядом с вопросом: «Быть или не быть Казачеству?» — встает логически другой: «Что радостней и лучше: владеть ли свою судьбу и жизнь в чужом ярме, все равно каком — красном, черном или белом, или же добиваться и жить **своей** привольной, радостной, независимой государственной и экономической жизнью?»

Казачество с момента русской «безкровной», пройди тернистый путь борьбы, не прекращающейся и по сие время на нашей распятой Родине, испытав предательство русских «белых» генералов и своих обрусевших атаманов, вкусив ныне всех плодов изгнания, свидетельствует факт своей исторической живучести и не намерено умирать. Об этом свидетельствуют даже враги Казачества здесь и там, на Родине. Как ни стараются там задуть, уничтожить, перевоспитать, обрусить казаков, однако, к нам доходят свидетельства, что Казачество там живо. Оно угнетено и придушено, но с глубокой верой в торжество Божьей Справедливости, с нетерпением ждет часа своего освобождения. Казачество в эмиграции тоже заявляет, что оно не намерено умирать, а хочет жить и бороться во имя освобождения своей казачьей Родины...

Вполне естественно и логично, что Казачество, угнетаемое и уничтожаемое на Родине, жаждет избавления и освобождения от красного ярма. Вопрос: «Захочет ли оно, освободившись от одного ярма, сменить его на белое или черное и продолжать везти русский государственный воз, или же предпочтет свою самостоятельную государственную жизнь, вернувшись на свой исторический путь и обединившись в единое казачье государство Казакию?» — тоже, кажется, не подлежит большому сомнению... Кто станет отрицать, что жизнь хозяина в своем собственном доме куда лучше, прекраснее, спокойнее и благороднее, чем жизнь батрака у соседа или отбывание барщины на соседа? Что Казачество предпочтет самостоятельную государственную политическую и экономическую жизнь на своей собственной, исконной ему принадлежавшей, территории, усеянной костями и политой потом и кровью своих предков, ярму русской марки, какого бы оно цвета не было, можно утверждать с уверенностью, наблюдая рост ВК национально-освободительного движения...

Для тех, кто стал бы утверждать, что Казачество за двести лет привыкло к русскому ярму и, освободившись от теперешнего красного, захочет снова впречься в другое, должен быть показательным тот исторический факт, что в 1917 г., с началом русской революции, Казачество с большой последностью фактически отделилось от России и стало на путь самостоятельной государственной жизни и строительства. Казачество за двухсотлетний период русского подданства не привыкло к ярму царской России и с радостью освободилось от него, едва представился благоприятный к тому случай. Борьба Казачества с красной Россией в 1917-20 г.г. в союзе с русскими «белыми» генералами, стремившимися снова впречь освободившееся Казачество в ярмо своего воза, подтверждают, что Казачество не намерено впрягаться в ярмо всякой будущей России.. Казачество не может привыкнуть к какому либо ярму, гнету или цепям; в этом заключается основная особенность казачьей свободолюбивой души и та коренная и глубокая разница, которая на протяжении веков отличала и отличает Казачество от русского народа, сносившего терпеливо произвол, тиранию и насилие, покорно сменявшего царское ярмо на ярмо Ленина, Сталина и Коминтерна...

Однако, хитрая, систематически проводимая политика обрусения Казачества русским правительством, не останавливавшимся перед жестокими мерами для подавления и угашения свободного духа казачьего народа, дала все же свои отрицательные плоды и последствия... За русские рубли, за посулы, ордена и личные привилегии покупали казаки честолобцы и атаманы и создавался кадр доброхотов Москвы, по-

могавших подчинять, подводить Казачество под русское ярмо.

О! вы, казацы Иуды, выродки казачьего народа!.. густые клубы пара горячей казачьей крови вместе с проклятиями по вашему адресу поднимаются в высоту к небу и вопиют о справедливом возмездии за ваше предательство... И не будет забвения и прощения вашему смертному греху, покрывшему позором славный казачий народ, доверие которого вы обманули. За жалкие сребренники и посулы царей вы не раз продавали Казачество русским сатрапам и палачам, топившим казачью Волю в его же собственной крови... Вы вносили и вносите несогласия, разложение и вражду в казачью среду. Это вы «смешиваете язык» единого Казачества, жаждущего освобождения и возрождения своей Родины и спокойной, мирной, творческой жизни в ней. Вы являетесь порождением ехидны, имя которой — обрусительная политика и социальное неравенство, привитые русскими Казачеству с вашей помощью. Вы являетесь носителями тех вредоносных микробов-бацилл казачьего недуга, которые веками заражают и разедают душу и рвут на части тело казачье...

От соприкосновения с Россией, и ее алчной политикой освоения и руссификации Казачество заразилось микробом социальной несправедливости и неравенства, призвавшимся ему русским правительством и породившим разединение, разлад и разногласие в едином казачьем народе, терзавшими веками и раздражающими и по сие время измученное тело и душу казачью. Вот почему рядом с могучими орлами-богатырями атаманами, знавшими и объединявшими Казачество в борьбу с русским произволом, за освобождение от русского ярма, вырисовываются из мрака черные, отвратительные тени казачьих Иуд, проклятых и проклинаемых казачьим народом. Благодаря вероломству и предательству Иуд, вышедших из среды самого народа, позор их греха ложится на голову и на имя этого самого народа.

Так было с Казачеством в прошлом, так есть теперь, так будет в будущем, если Казачество не прозреет политически и через «политический микроскоп» не увидит микробов своего недуга и не приложит всех своих усилий, чтобы излечиться от него. Казачество должно научиться и обрести мудрость с полуслова и даже по намеку определять, открывать микроб разложения, разединения в своей среде, часто скрывающийся под казачьей маской.

В самом деле, позор предательства славных казачьих атаманов: Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева и др., пал на голову и совесть казачьего народа, так как они были преданы Иудами из казаков, сподвижников тех атаманов. Позор убийства донского героя Чернецова пал на казачью голову (Подтелков — донской казак). Смерть казачьего мученика А. И. Кулабухова несмываемым позором легла тоже на казачью голову, так как помогали русским «белым» генералам расправляться с ним сами же казаки. И кто знает, не стоит ли за спиной русских единонедельцев в Белграде какой либо Иуда из казаков, способствовавший и помогавший подлой провокации и гнусному доносу сербским властям, повлекшим за собой арест Походного Атамана ВК А. И. Билого и некоторых кубанских общественных и политических деятелей.

Станичники, доколе же так будет?

Бог смешал когда то язык строивших Вавилонскую башню, чтобы они не понимали друг друга, и тем ослабил их, дабы они не имели успеха в задуманном ими деле. Разве не то же самое делают с нами наши враги, раз'единяя нас и сея вражду, несогласия, раздоры и недоверие к казакам-националистам и Походному Атаману ВК? Разве не единую думашку думает все Казачество? Разве не все казаки жаждут — там и здесь — освобождения своих страдающих братьев, сестер, отцов, матерей, жен и детей и возрождения нашей поруганной и распятой Родины? Разве не одинаково воды наших историчеких рек: Дона, Кубани, Терека, Волги, Урала и Яика окрашены кровью заглушаемого и мучимого Казачества и бушуют справедливым гневом и жаждой мести к оккупантам нашей Родины?

Кто делит нас по рекам? Не враги ли наши? Разве только Донцы хотят спокойной, мирной, трудовой,

производительной и привольной жизни на своей исторической территории, освещенной жертвенной кровью их славных предков? Разве не к тому же стремятся и не того же добиваются Кубанцы, Терцы, Астраханцы, Уральцы, Оренбуржцы? И если у всех нас, казаков, одна общая цель, одно стремление и один общий идеал, то к чему нам заноситься друг перед другом, к чему ссориться и делиться по рекам? — Почему не слиться в единую сплоченную, объединенную, дружную казачью государственную семью, создать единое объединенное и сильное союзное государство — Казакцию? Все мы издревле имеем одинаковый уклад жизни, создавшийся исторически и сроднивший нас друг с другом, и если будем более углубляться в анализ нашей души, нашей внутренней сущности, то увидим, что и душа у нас всех общая-Казачья, и один у нас Бог Казачий... Значит, и делиться, разрознять свои силы, ослаблять себя нет нам никакого смысла, да и не имеем мы на то никакого права перед строгим судом истории.

История многих других народов дает разительные и наглядные примеры, чего может достичь и какие, казалось бы непреодолимые, преграды и препятствия может преодолеть народ на своем пути, если он спаян, сплочен вокруг одной идеи, вокруг одного знамени, вокруг одного вождя... «Гуртом и батька добре бити», — подтверждает мудрая народная пословица, хотя могущество силы единения и сплоченности и не нуждается в особом подтверждении, ибо оно очевидно, это аксиома и только политически слепой или нарочно закрывающий свои духовные очи на окружающих всех нас бурную политическую жизнь не замечает этой очевидной истины.

* * *

Глубоко поражает мою мысль и жестоко терзает мое сердце сознание, что в години тягчайших исторических неудач и переживаний, а быть может и накануне новых больших международных событий, Господь лишил казачий народ здравого понимания своего исторического пути и способности брать поучительные и благие примеры с других народов... Где кроется коренная причина такой несознательности? Ведь нельзя же допустить, что переживаемая небывало тяжелейшая и жуткая трагедия Казачества не научила нас ничему, не вразумила всех нас... Нельзя также допустить, что Казачество все еще политически неразумный ребенок, не научившийся стоять и ходить на собственных ногах и думать и рассуждать собственной головой и собственными мозгами?

В самом деле, где искать основную причину казачьей несознательности, казачьей политической раз'единенности, раздоров, несогласий и «опозиций» в среде зарубежного Казачества? Где этот невидимый вредоносный микроб-бацилла казачьего тяжкого недуга, неуловимо разедающего тело и душу казачьего народа?

Выше уже указывалось, что в историческом прошлом Казачества таким микробом, породившим разрозненность и раз'единение в среде казачьего народа, была обрусительная политика русского правительства, систематически проводившаяся среди казачьего народа то с помощью грубой силы, то (чаще!) хитрым способом — проведением этой политики через своих скрытых агентов из казаков и атаманов, так называемых доброхотов Москвы. Не изжило этого недуга и не излечилось от него Казачество окончательно и в эмиграции.

Уже не раз писалось раньше, повторяю сейчас и буду всегда повторять, что Казачество должно раз навсегда выйти из того парадоксального положения, к которому его привела двухвековая политика русского правительства. Казачество не может быть, не может оставаться двунациональным, оно должно быть или казачьим или русским. Есть казачий народ и есть русский народ, есть казачья нация и есть русская нация, но не было никогда, нет и не может быть русско-казачьей или казачерусской нации или же русскоказачьего или казачерусского народа.

Путем вдумчивого, внимательного разбора и пересмотра того, что пишут и говорят казаки, состоящие в русских партиях и организациях, казаки могут убедиться, что микроб казачьего недуга и есть именно тот, который вот уже больше десяти лет, как открыло ВК, объединив вокруг себя честных и искренних казачьих патриотов-националистов, которые борются са-

ми с этим недугом и указывают всем казакам путь борьбы и средство его лечения.

Попутно укажу, как на одну из важных причин казачьего недуга — **обилие войсковых атаманов**. К большому несчастью Казачества, все эти атаманы — руссофилы, порождение двухвековой политики обрусения и освоения русским правительством казачьего народа. Все они причисляют себя к русско-казачьей национальности и **ведут к ослаблению национального Казачества**, служа русским интересам и продолжая считать себя казаками. Став во враждебные отношения с ВК, они борются с ним, его сторонниками и последователями недостойными и часто низкими средствами.

Кто из казаков, живущих или живших в Сербии и состоявших в Кубанской дивизии ген. Зборовского, или в рабочих полках, партиях и сотнях ген. Фостинова, или самого ген. Науменко и прочих его единомышленников, не помнит тех случаев, когда казаки лишались ими заработной платы за то лишь только, что находили у них или видели их читающими национальный казачий журнал «ВК»...

Но, помимо казаче-русских войсковых атаманов единомудельцев, существуют еще и работают во вред Казачеству, русские партийные казаки единомудельцы, порожденные все тем же нездоровым микробом-бациллой двухвековой обрусительной политики...

В одном месте своей статьи «Движение ген. Туркула и Казачество», помещенной в газете «Сигнал» № 26 от 1 марта 1938 г., русский националист из донских казаков Д. Персиянов пишет: «Ныне в 1938 г. некоторые общеказачьи группы, с напряженным вниманием наблюдают за туркуловским движением и, если суждено будет, встретятся с ним в общей работе на пользу России». Конечно, казаки должны внимательно следить за всеми движениями и знать хорошо своих врагов и друзей, чтобы не быть снова обманутыми и преданными, как в прошлом, но **в первую голову Казачество должно думать и на первом плане ставить не пользу своего соседа, а свою собственную казачью пользу, пользу своей Родины Казакии**. О пользе России позаботятся и подумают сами русские. Да они и так думают во всех своих партиях только о России и о русском народе.. Все русские политические национальные партии на первом месте ставят пользу России. Так, напр., русские младороссы в своей эмигрантской газете пишут, что все другие русские партийные организации они рассматривают лишь с точки

зрения полезности их России, казаков же считают и рассматривают, как служилое быдло, как навоз для удобрения русской земли.

Если бы русские казаки, разбредшиеся по различным русским партийным организациям, поставили бы себе целью изучить хорошо все русские политические партии, их взгляд на казаков и то место и роль, какие они отводят Казачеству в будущей России, то увидели бы и убедились бы, что все русские партии рассматривают Казачество как «сословие», необходимое для службы России, а ни коим образом как народ, имеющий данные и права на независимое государственное существование.

Казачество в прошлом молилось только своему единому Богу, не терпя раздвоенности и вообще деления и только позднее обрусевшая войсковая старшина и некоторые Иуды атаманы растлили казачью душу и подвели ее под русское ярмо.

Казачество должно вечно помнить и свято чтить память своих бессмертных героев атаманов и казачьих мучеников за Волю и Честь неподкупную казачью, но также не должно забывать и своих Иуд, позорящих казачье национальное имя, а, заклеив их, возвести между ними и собою непроницаемую китайскую стену, чтобы тлетворное дыхание зараженных и отравленных микробом обрусения и рабства, не могло проникать и заражать здоровые национально казачьи души.

В горниле ниспосланных тяжких испытаний и перереживаемых невзгод, Казачество должно очистить себя от позора Иудина греха и предложить всем с переродившейся, из казачьей в русскую, душой уйти открыто в русское подданство и служить лишь русским интересам, оставив Казачество в покое. Так будет и честнее для них и безопаснее для национально мыслящего Казачества. Волки в овечьей шкуре всегда опаснее волков в их собственной шкуре, а потому, станичники, будьте особенно осторожны и не доверяйте казачьим перевертням...

Всегда равняются по передним, а не по задним. Впереди нас наш Походный Атаман с широко развернутым национальным знаменем, на котором огненными буквами, путеводной звездой горят слова: «Казакия — наша цель, наш девиз — казачья Воля».

Станичники, больше бодрости и веры в самих себя и собственные силы, ибо правда на нашей стороне, а Бог поругаем никогда не бывает...

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

ЧАСТЬ V.

(Апрель-ноябрь 1920 г.).

ГЛАВА VII.

Отношение населения к власти и армии. Казаки садятся на коней. Экономическое положение Крыма. Врангель и французское правительство. Отъезд английской военной миссии из Крыма. По ту сторону фронта. Задачи красного командования. Расположение казачьих сил на фронте. Донской Корпус в боях с ударной группой Жлобы 15—19 июня. Разгром Жлобы.

После изгнания советских войск из Северной Таврии, ген. Врангель посетил г. Мелитополь 4-го июня. «С вокзала я проехал в собор, где присутствовал на молебне, а затем, выйдя на площадь, говорил с народом, разъясняя, что русская армия несет с собой не месть и кару, а освобождение от красного ига, мир, тишину и порядок, что в ближайшее время под защитой русской армии, каждый трудящийся получит возможность спокойно жить плодами своей работы... Огромная, в несколько тысяч человек, толпа слушала в полном молчании. Едва я кончил, как тысячеголосое «ура» покрыло площадь» (Врангель. Записки, т. II, стр. 102).

6-го июля через Юшунь—Перекоп Врангель ездил в район селений Чаплинки и Чер. Долина и к нижнему течению р. Днепра, где смотрел части 1-го корпуса. Войска имели веселый, бодрый вид. Население, отно-

сившееся в первые дни к войскам с недоверием, опасаясь обид и грабежей, успело убедиться, что русская армия стала другой, что войска, которые пришли ныне, ничем не напоминают те части, которые несколько месяцев тому назад мало чем отличались от большевиков. По дороге я несколько раз останавливался в селах и беседовал с крестьянами и всюду слышал самые лучшие отзывы о наших войсках...

«Объявляя во вновь занятых областях мобилизацию людей и лошадей, я в то же время делал все возможное, чтобы прийти на помощь населению», пишет Врангель. «Начальнику управления снабжений было приказано принять меры по снабжению сельского населения кузнечным углем, железом и т. д., в каковых предметах деревня особенно нуждалась». От войск я требовал всеми мерами помочь населению, предостав-

ляя, главным образом, где возможно, для сбора урожая коневые средства» (Врангель, II, 103).

Иную характеристику отношения населения к власти и к армии дает один из офицеров штаба Врангеля:

...«Попробуем определить отношение населения. Крестьян: конечно, оно далеко от осважно-восторженного. Очень далеко. Если не обманывает первое впечатление — отношение просто безразличное, как к очередной новой власти. А сколько этих властей уже перевидало здесь население... Да любить нас пока, как будто, не за что: о земельном законе три четверти населения не имеет еще и представления, а вот цены на продукты с нашим приходом вскочили во много раз. К тому же, с места в карьер объявили мобилизацию. Интересно знать, какие она даст результаты. Несомненно, это крайний шаг, на который заставила нас решиться острая необходимость: армия, в особенности 1-й (Добровольческий) корпус тает с жуткой быстротой и, разумеется, только по «Великой России» (крымская правительственная газета) etc. мы совершаем не отчаянно, быть может, рискованный поход, а какой-то триумфальный *Spaziergang*. Эти господа или ничего не мыслят, или негодяи! Среднего ничего быть не может (запись в дневнике за 10-е июня 1920 г. «Архив рус. рев.», т. У-й, стр. 20).

По тому же вопросу военный корреспондент Г. Раковский пишет: ...«При первом появлении армии к ней относились сердечно. Крестьяне встречали войска хлебом-солью, выставляли столы с угощением. Но достаточно было пробыть армии 2—3 недели в занятой местности, как население проклиняло всех, начиная с самых высших начальников.

«В ставку в огромном количестве поступали жалобы и ходатайства о прекращении бесчинств, которые окончательно разорвали крестьянство, ограбленное до этого красными. Жаловались на казаков, жаловались на добровольцев. Снова начались разговоры о том, что в моральном отношении армия не переродилась и гражданская война является по-прежнему источником наживы.

«Из ставки по воинским частям сыпались приказы о борьбе с грабежами. Однако, на самовольные реквизиции лошадей главное командование смотрело сквозь пальцы, так как прирожденные конники, пешие казаки, не представляли собою боеспособных частей. Жалобы и ходатайства игнорировались. Суровые приказы оставались приказами на бумаге» (Конец белых, стр. 64).

Первые же бои пеших «конных» полков казачьих корпусов с большевистской конницей воочию убедили всех в необходимости в кратчайшее время посадить казаков на коней. Казаки, сражаясь в непривычном для них пешем строю, не могли проявить своих боевых качеств. Широкая, бесконечная степная равнина, с сравнительно редкими поселениями на ней, сама, казалось, подсказывала необходимость возрождения казачьей конницы, потерявшей лошадей во время новороссийской катастрофы.

«Наша конница садилась на коней. Заблаговременно снабженные значительным количеством денежных знаков, части расплачивались за лошадей по существующим рыночным ценам. Военно-судные комиссии беспощадно карали за всякие самовольные попытки реквизиций. Случаи незаконных реквизиций имели место, главным образом, в казачьих частях, особенно в Донских. Казаки, непривычные к пешему бою, старались обзавестись конями, не считаясь ни с чем. Первые дни нареканий на казачьи части было особенно много, однако, после отрешения мною двух командиров полков и нескольких суровых приговоров, вынесенных военно-судными комиссиями, жалобы прекратились» (Врангель. Записки, т. II, стр. 101).

Начальник 2-й Донской дивизии ген. Калинин, полки которого из состава Донского корпуса первые вступили в бой с большевистской конницей по выходе в Северную Таврию, «твердо решил вопрос о посадке казаков на коней во что бы то ни стало. Когда мне была дана директива», повествует ген. Калинин, «взять Рождественскую и Дагмаровку (?), я приказал выпрячь всех лошадей из обозных обывательских подвод и посадил на них казаков. Таким образом, у меня сразу появились конные сотни. Когда нам были даны новые боевые задачи, я приказал реквизировать у крестьян лошадей. Конечно, это возбуждало недовольство,

но у меня не было другого выхода, так как в пешем строю наша боеспособность была ничтожна. Я не ошибся в своем расчете: только два села — Рождественское и Дагмаровка дали мне до тысячи лошадей и я сразу окреп настолько, что через несколько дней после нашего выхода на фронт, наткнувшись на 42-ю пехотную дивизию, атаковал ее и набрал сразу много пленным, пулеметов, взял шесть пушек, отбил большой обоз и т. д. Настроение у казаков было, повторяю, бодрое, ибо каждый час после нашего выхода в Северную Таврию приносил все новые и новые успехи.

«В самый короткий промежуток времени значительная часть Донцов сидела на лошадях. Правда, седел не было, и казаки, подобно скифам, ездили без седел, в лучшем случае на подушках и попонах. Это была, однако, как говорили в ставке, грозная конница» (Г. Раковский. Конец белых).

Один из офицеров штаба Врангеля, имевший возможность непосредственно наблюдать жизнь армии, вот что записал в своем дневнике 2-го июня 1920 г.: ...«О нашей армии (об армии времен Деникина) население сохранило везде определенно скверные воспоминания и называет ее не Добармией, а «грабьярмией».

«Днем слышал опять жалобы на грабеж и бесчинства казаков. Тащат везде лошадей. Командиры частей ничего не могут поделать, хотя были даже случаи, что стреляли из револьверов»...

«Утром (8-го июня) главком принимал главного военно-морского прокурора Рсяжина и громко возмущался грабежами казаков. Главком требовал беспощадной расправы над всеми начальниками частей, не сумевшими справиться с грабителями»...

...«Через час был прием Донского Атамана. К тому времени на перроне появилась как раз группа крестьян с жалобами на Донцов. Все на почве самовольных «реквизиций» коней. Разыгрывается целая трагедия. Обезлошаденные после Новороссийска Донцы считают своей первой задачей в новом походе добыть себе коня. Главком через хор. П. предложил крестьянам обратиться непосредственно к Атаману. Адъютант Атамана есаул Ж. долго и угрюмо читал их прошения» (Архив рус. рев., т. У, стр. 19-20).

«Наше финансовое положение продолжало оставаться крайне тяжелым. Маленькая территория не могла содержать армию. Хлеб в незначительном количестве и отчасти соль могли быть единственными предметами вывоза. При отсутствии местной промышленности и недостатке многих предметов сырья, почти все приходилось ввозить. Наш рубль продолжал падать, несмотря на повышение косвенных и прямых налогов. Переговоры Бернацкого и Струве за границей с целью получения иностранного займа успеха не имели. В прочность нашего дела за границей мало верили.

«В Северной Таврии имелись большие запасы зерна, приближалось время сбора урожая. За обеспечением необходимым продовольствием занятых армией областей, мы могли надеяться получить избыток зерна для обмена его на необходимые нам продукты. Запасы обмундирования, снаряжения, бензина, масла и угля приходилось полностью приобретать за границей» (Врангель. Записки, II, 106).

Несомненные успехи в Северной Таврии во времени совпали с началом периода неудач польских и украинских войск в борьбе с красными армиями.

Удачи у Врангеля и неудачи у поляков и украинцев были причиной того, что правительство Франции стало проявлять еще больший интерес к делу Врангеля. Посланный из Крыма со специальной миссией во Францию П. Б. Струве развил в Париже широкую акцию: он выступил там с докладами о «новом направлении политики главного командования», останавливаясь на последних реформах во внутреннем управлении и земельном вопросе», поместил во французской печати сообщения о «широкой либеральной» политике нового главнокомандующего, посетил целый ряд влиятельных лиц и самого председателя французского правительства Мильерана.

На предложение последнего, Струве 7-го июня «письменно изложил взгляд Правителя Юга России на русский вопрос». В этом письме П. Струве писал, между прочим, следующее:

«Господин Председатель Совета Министров! Главнокомандующий вооруженными силами на юге

России поручил мне поделиться с Вами его идеями и намерениями, а также его дальнейшими видами, в связи с настоящим положением в России. Я уже имел случай устно сообщить Вашему Превосходительству те принципы, которые ген. Врангель положил в основу своей внутренней политики. Эти принципы, заключающиеся в себе весь опыт русской революции, состоят в следующем:

1. Захват крестьянами поместных земель во всех случаях, когда он фактически имел место, должен быть признан. Вышеуказанное составляет отправной пункт для широкой аграрной реформы, долженствующей обеспечить крестьянам, обрабатывающим землю, владение ею на правах полной собственности. Таким образом, аграрная революция, происшедшая в пользу крестьян, будет легализована и поведет к установлению аграрного строя, основанного на принципе частной собственности, несомненно отвечающего чаяниям крестьян.

Для характеристики проявленной тогда «белыми» большой политической «гибкости», весьма интересный материал дают второй и третий пункты этого письма Струве:

2. «Будущая организация России должна быть основана на договоре, заключенном между политическими новообразованиями, фактически существующими. Воссоединение различных частей России, в настоящее время раз'единенной, в широкую федерацию, должно быть основано на свободно заключенном договоре, исходящем из общности интересов, и, в первую голову, экономических потребностей. Такая политика ни в коем случае не старается добиться объединения сил.

3. «Каковы бы ни были в будущем взаимоотношения различных частей России, в настоящее время раз'деленной, политическая организация их территорий и конструкция их федеративного союза должна быть основана на свободном волеизъявлении населения, через посредство представительных собраний, избираемых на демократических началах».

В действительности, истинные намерения Врангеля и его «практическое» отношение к «политическим новообразованиям» весьма резко расходились с изложенными в этих пунктах программными заявлениями. целью которых являлось ввести в заблуждение французское правительство и французское общественное мнение.

Далее в том же письме говорилось следующее:

«Что же касается настоящего положения России, раздираемой гражданской войной, то в первую голову надо обратить внимание на то соображение, что желание прекратить гражданскую войну, лежащее в основе настоящей русской политики Британского правительства, отнюдь не влечет за собой обязательной капитуляции перед красной армией и советской властью...

Прекращение гражданской войны, если бы оно было навязано воюющим сторонам, означало бы, в настоящих условиях, не капитуляцию вооруженных сил на юге России перед красной армией, а **разграничение между Россией советской и Россией антибольшевистской, основанное на обеспечении жизненных потребностей обеих территорий.**

«...Всякий договор, заключаемый на этот предмет, должен будет установить неприкосновенность территории, занимаемой армией ген. Врангеля... Кроме того, Казачьи Области, историческая автономия которых и бытовые особенности были сызнова признаны ген. Врангелем, вследствие договора с выборными, согласно воле и потребностям населения, Казачьими Атаманами, — должны быть совершенно изъяты из владений советского правительства.

Ген. Врангель полагает, что политические новообразования, создавшиеся на Кавказе, должны также получить гарантии против агрессивных действий со стороны советов»...

Здесь, как видим, не только допускается возможность разделения «единой-неликой России» на части, но доказывается сама жизненная необходимость такого разделения территории бывшей России на самостоятельные государства.

Если Врангель в действительности признавал подобный принцип в решении «русского вопроса», то почему он предал суду донского генерала Сидорина за то, что тот тепер излагает при штабе Донского корпуса газеты «Донской Вестник», проповедывавшей фе-

деративное устройство России? Если же Врангель этого принципа не признавал, то почему писались подобные письма иностранным правительствам?

Важно и другое: апрельское соглашение Казачьих Атаманов с Врангелем «белые» использовали за границей для укрепления положения нового правителя Юга России.

Правительство Франции тогда охотно оказывало поддержку Врангелю, значительно ослаблявшему силы красной России, перешедшей в наступление на всем фронте. Между французским правительством и Врангелем намечалось тогда тесное сотрудничество.

Совершенно иное отношение вызвали военные успехи Врангеля в Северной Таврии со стороны Англии: правительство последней, продолжая уверять красную Москву в своих дружеских намерениях, отозвало из Крыма свою военную миссию во главе с ген. Перси, выехавшую из Севастополя 16 июня (оставив в Севастополе для информационных целей нескольких английских офицеров во главе с полк. Уошлем).

* * *

Вытеснив XIII-ю сов. армию из Северной Таврии, войска Врангеля достигли естественных рубежей: на юге и юго-востоке они опирались о берега Черного и Азовского морей, на водах которых господствовал, подчиненный Врангелю, военный флот; на западе и северо-западе врангелевские войска охраняло нижнее течение р. Днепра; только на северо-востоке открывались ворота шириною в 100-120 верст.

Эти природные условия, при разумном их использовании, до чрезвычайности облегчали «белому» командованию ведение дальнейших боевых операций...

Все мысли и чувства казаков были прикованы к Родным Краям... Казаки готовы были перенести все крымские невзгоды, лишь бы поскорее добраться к Родной Земле, где они снова были бы полными хозяевами...

Врангель и его помощники должны были учитывать такое настроение казаков. Очевидно, поэтому Донской корпус к 10 июня занял фронт в вышеупомянутых воротах между Азовским морем и Днепром. Правый фланг Донского корпуса упирался в это море в районе г. Ногайска, а левый — поднимался к району сел Черниговки. Длина этого фронта — около 50-ти верст.

Другую половину тех же ворот занимали 13-я и 34-я пехотные дивизии П-го корпуса ген. Слащева. Левым флангом этот корпус упирался в Днепр, а правым — примыкал к левому флангу Донского корпуса. За левым флангом П-го корпуса ген. Слащева, в районе селения Михайловки, были расположены 2-я конная дивизия ген. Морозова и Дроздовская пехотная дивизия.

Западнее Михайловки находилась Кубанская дивизия ген. Бабиева со штабом в сел. Большая Белозерка. Левее этой дивизии была размещена Туземная бригада. Кубанская див. и Туземная бригада вели охрану Днепра почти до самой Каховки, против которой были сосредоточены Корниловская и Марковская дивизии 1-го корпуса ген. Кутепова. Штабы этих дивизий находились в селах Дмитриевке и Натальино.

Самое нижнее течение Днепра, от Каховки до Алешек, оберегала 1-я Кавалерийская дивизия ген. Барбовича.

Таким образом, около 10-го июня, казачьи части занимали наиболее ответственные части дуги нового фронта, на котором произошла временная, естественная остановка войск, подчиненных Врангелю: Донцы прикрывали с востока вход в Таврию; Донцы же дивизии Морозова держались наготове для защиты дороги в Таврию с севера — вдоль железной дороги Александровск-Мелитополь-Севастополь; Кубанцы, Терцы и Астраханцы оберегали течение р. Днепра.

Остановка армии на новом фронте, как говорит полк. С. Жуков, «была вызвана необходимостью, прежде всего, дать войскам отдых после непрерывной двухнедельной операции. Кроме того, нужно было: 1) надежно закрепить за собой занятое пространство освобожденной русской(!) земли, 2) укомплектовать поредевшие ряды армии... 3) привести в порядок материальную часть, 4) подтянуть тылы армии, наладить правильное довольствие и, наконец, 5) организовать внутреннее управление в занятом районе» (вышецит. статья Жукова, стр. 137).

Непредвиденный красным командованием разгром XIII-й сов. армии принудил советскую власть принять срочные меры для спасения своего положения в южной Украине.

Прежде всего, командовавший XIII-ой сов. армией полк. Паука был отрешен от должности, предан суду и немедленно расстрелян. Новый командующий армией получил категорический приказ «ликвидировать баронский фронт».

В XIII-ю армию были спешно направлены пополнения, на ее фронт брошены войска с Дона и с Кавказа: 4-я стрелковая дивизия и Конный корпус Жлобы...

По плану красного командования главный удар должна была нанести свежая, отдохнувшая после зимних боев, группа войск в составе этого самого корпуса Жлобы и 40-й стр. дивизии. Удар наносился с востока в направлении на Мелитополь. «Захватив Мелитополь и разгромив Донской корпус белых, группа конницей должна была ударить на Перекоп, а пехотой наступать на Сальково. Одновременно с группой Жлобы должны были наступать и другие части армии: группа т. Федько, в составе 3-й, 15-й, 46-й и 23-й стрелковых дивизий с фронта Жеребцево-Пологи на Мелитополь (с севера). Правобережная группа — 52-я и Латышская дивизии, — переправившись через Днепр у Каховки, должны были теснить белых на Перекоп.

«План командования XIII-й армии был решительным по замыслу: его выполнение влекло за собой полное уничтожение армии Врангеля. Но это выполнение требовало: быстрого и одновременного наступления всех красных групп, тесного взаимодействия между различными группами, начала наступления, внезапного для противника. Все это под силу только качественно высокому войскам и опытным начальникам. Этими условиями, к сожалению, мы (большевики) в то время не располагали на фронте против Врангеля» (Голубев. цит. его работа, стр. 68).

Ударная большевистская группа, в составе двух конных дивизий: корпуса Жлобы и конной дивизии имени Блинова и 40-й стр. дивизии, под общим командованием Жлобы, сосредотачивалась: а) в районе Цареконстантиновки — 3 кавалерийских дивизии и б) южнее их — 40-я див. Это большевистские данные.

Согласно данным Врангеля, против частей Донского корпуса перед началом главных июньских боев красные имели: а) в районе г. Бердянска — запасную кавалерийскую бригаду Федотова и б) по железной дороге Бердянск-Верхний Токмак — находилась прибывшая с Дона 40-я стрелковая дивизия в составе трех пехотных и двух кавалерийских бригад (Врангель. Записки т. П.-И, стр. 105).

Следует отметить, что полк. С. Жуков силы только 40-й стр. див. к 8-му июня 1920 г., неизвестно на основании каких данных, определял в 6.000 штыков и 150 сабель (сравнить: Врангель в состав 40-й стр. дивизии вводит целых две кавалерийских бригады).

Какими силами располагал Донской корпус ген. Абрамова? 2-я Донская конная дивизия ген. Калинина, занимавшая фронт у Азовского моря, имела 1500 шашек и 1000 штыков, а севернее ее расположенная 3-я Донская дивизия ген. Гусельщикова имела 2-3 тысячи штыков (эта дивизия не успела сесть на лошадей, так как ее командование не пошло по пути начальника 2-й Донской див., применившего в широких размерах реквизицию лошадей у населения). В общем, в занимавший восточный фронт Донских частях было 3500-4000 штыков, 1500 шашек при 18 орудиях.

Задачей красных частей, расположенных против Донского корпуса, было: приостановить дальнейшее продвижение Донцов на восток, пока не закончится переброска по железной дороге с Кавказа конного корпуса Жлобы, части которого высаживались в тылу 40-й стр. дивизии на станциях Цареконстантиновка, Розовка, Волноуха (Врангель, стр. III).

Однако, как свидетельствуют официальные сообщения штаба Врангеля, Донской корпус продолжал успешно действовать против красных частей. «На Бердянском направлении», говорит такое сообщение за 10-е июня, «наши войска (Донцы), продолжая развивать достигнутый накануне успех, очистили от противника дер. Борисовку и Павловку (в 5-8 верстах на северо-восток от гор. Ногайска, лежащего, как известно, на берегу Азовского моря); севернее этих селений наша конница лихим налетом на Елисеевку изрубила часть занимавших ее красных, несколько сот за-

хватила в плен и почти уничтожила бригаду противника».

Потерпев поражение у вышеуказанных селений, большевистские войска 12-го июня сами перешли в наступление на фронте длиною в 40 верст — село Палазовка-Верхнеотокмак. Донцы «встретили противника контратаками» (офиц. сообщ. штаба Врангеля от 12-го июня).

О результатах этого боя офиц. сообщение от 13 июня говорит следующее: «На Бердянском направлении, в результате двухдневного упорного боя наши войска (Донцы) нанесли красным серьезное поражение, противник выбит из селений Нейштутгарт и Розенфельд. Севернее, отбивая настойчивые атаки врага в районе Верхнего Токмака, наши части, несмотря на убийственный огонь красных, выбили красных из сел. Салтычья и, развивая на следующий день достигнутый успех, повели наступление на юг, разбили противника под Гюневкой и Елисеевкой и захватили более 1000 пленных и около 25 пулеметов. Разбитый нами противник отходит к Андреевке (Берестовское направление)».

Офиц. сообщение за 14 июня приводило более точные данные о бое в районе Гюневки и Елисеевки: казаки «з упорном бою захватили в плен целую бригаду красных — свыше 1200 человек и 40 пулеметов.

«Бой отличался особым ожесточением: пехоте (казаки) стаскивали конных (большевиков) с коней, выхватывали у них оружие; полки соперничали друг перед другом в доблести».

На фронте 3-й Донской дивизии «в районе Верх. Токмака и Черниговки упорные бои продолжаются. Черниговка переходила из рук в руки и к вечеру (14 июня) осталась за нами» (казаками).

Одновременно с переходом в наступление на восточном фронте, красные перешли в наступление на северном участке фронта — вдоль железной дороги Александровск-Мелитополь и потеснили части корпуса ген. Слащева. Но брошенная на угрожаемый участок фронта Конная див. ген. Морозова разбила противника, отбросила его на север и заняла сел. Васильевку — на желез. дороге на Александровск (офиц. сообщ. от 12 июня).

Следует напомнить, что в эти же дни махновцы громили тылы и пути связи и сообщений XIII-й сов. армии.

Успехи Донского корпуса на восточном фронте имели большое значение: во-первых, Донцы физически и морально значительно ослабили советскую пехоту, предназначенную для главного удара на г. Мелитополь; во-вторых, эти победы принудили советское командование настолько ускорить сосредоточение конного корпуса Жлобы и дивизии имени Блинова, настолько ускорить переход этих дивизий в наступление, чтобы пресечь дальнейшее развитие успехов Донского корпуса, что предназначался для нанесения главного и решающего удара конница красных не смогла окончить подготовку к наступлению.

Сведения о боевом составе конной группы Жлобы расходятся между собою:

1) Официальное сообщение штаба Врангеля, Нр 338, от 20 июня 1920 г., говорит: «противник сосредоточил в районе Верх. Такмака мощную конную группу войск в составе 18-ти конных полков силой в 6-ть тысяч всадников с приданной ей, кроме того, пехотой и сильной артиллерией, снабженную большим числом пулеметов и авиационным отрядом из 10-ти аппаратов»...

2) Офиц. сообщ. того же штаба от 22 июня говорит о том, что в начале операции корпус Жлобы насчитывал около 7.500 всадников.

3) Врангель говорит, что «общая численность корпуса 7.500 шашек и 6.000 пехоты и, кроме того, две кавалерийских дивизии общей численностью в 4.500 шашек и 1.600 пехоты (на время операции «товарищу» Жлобе подчинялись: 2-я кавалерийская дивизия «товарища» Блинова, две конные бригады 40-й дивизии и части 40-й и 46-й стрелковых дивизий).

4) Полк. С. Жуков в вышеупомянутой работе — «Операции Русской армии в Северной Таврии 1920 г. — число бойцов этого корпуса определяет в 4 тысячи шашек (стр. 139); но в другом месте той же работы говорит о «почти 8-ми тысячной конной группе красных» (стр. 144).

Сопоставляя различные данные о боевом составе

группы Жлобы, можно предполагать, что перед началом операции в этой группе было 7-8 тысяч шашек и 4-5 тысяч штыков, около 40-50 орудий, свыше 200 пулеметов, несколько броневых машин, аэропланы...

Вся эта масса хорошо вооруженных бойцов навалилась на Донской корпус, имевший всего, как отмечено выше, три с половиною-четыре тысячи штыков и 1500 шашек и 18 орудий. При чем, **группе Жлобы ближайшей целью был поставлен разгром Донского корпуса**, утверждают большевики (Гражданская война, т. III-й, стр. 481-482).

Из директивы Врангеля, данной войскам 10-го июня 1920 г., видно, что в тот день главнокомандующий еще не имел сведений о сосредоточении большевистской ударной группы в районе Цареконстантиновки-Бельманки-Поповки-Гусарки. Только упорные бои на фронте Донского корпуса 10-14 июня как бы приоткрывали завесу над замыслами красного противника.

Наступление конной группы Жлобы явилось неожиданностью для Врангеля.

Начальник военной авиации ген. Ткачев подтверждает это следующим образом: «...15-го июня 1920 г. воздушной разведкой, **совершенно неожиданно для командования**, была обнаружена в районе Верхнего Токмака вновь появившаяся на нашем фронте сильная конная группа красных Жлобы. Это своевременное обнаружение конницы противника на угрожаемом участке дало возможность нашему командованию своевременно принять меры для предотвращения прорыва и всех, связанных с ним, серьезных последствий» (Ткачев: Авиация в гражданской войне. Военный Сборник общества ревнителей военных знаний, т. I-й, стр. 133. Белград. 1921).

Отметим, что командование не могло принять своевременные меры, т. к. 15-го июня, говорит Врангель, «противник силою до полутора дивизий конницы, подержанной бронепоездами и бронеавтомобилями, сам повел решительное наступление на фронте Поповка-Новополтавка (расстояние между этими селами 15 верст), продвигаясь на Верхний Токмак. Части 3-й Донской дивизии ген. Гусельщикова после жестокого, **доходившего до рукопашной схватки**, боя отошли на линию Михайловка-Бегим-Чокрак».

Врангель «послал приказание Донцам перейти в наступление и разбить Верхне-Токмакскую группу красных». При этом он утверждает, что попытка Донцов перейти в наступление успехом не увенчалась» (Записки, II, стр. 111).

Официальное сообщение штаба Врангеля, Нр 534, от 16 июня 1920 г., говорит: «На всем фронте армии завязались крупные бои с подошедшими свежими частями противника. Оттеснившая наши части из района Верх. Токмака и Черниговки конная группа противника была атакована нашей (Донской) конницей с юга и отброшена ею к Черниговке, причем захвачено 2 орудия и пленные. Вновь подошедшие конные части противника остановили наш дальнейший успех. Бой продолжается».

Необходимо было оказать немедленную и энергичную помощь Донскому корпусу, ведшему явно неравную борьбу с превосходными и хорошо вооруженными силами противника, имевшего еще и то преимущество, что 3-я Донская конная дивизия принуждена была, за отсутствием лошадей, драться в непривычном для Донцов пешем строю. Против 7-8 тысяч красной конницы Донцы имели только 1.500 шашек 2-й Донской дивизии, принужденной вести операции на фронте около 40 верст (берег моря — слобода Михайловка).

16-го июня Врангель приказал командиру П-го корпуса ген. Слащеву «действовать возможно решительнее с тем, чтобы, по разгроме находящегося против него противника, отряд ген. Витковского (2-я конная дивизия ген. Морозова и Дроздовская дивизия) спешно направить на поддержку Донцам в район Гольбштадта, т. е. в тыл правого фланга корпуса Слащева.

В тот же день — 16-го июня Врангель дал войскам следующие задачи:

1) командиру 1-го корпуса ген. Кутепову — к 12 часам 17-го июня сосредоточить всю свою ударную группу (Корниловская, Дроздовская и 2-я конная дивизии) в районе Молочное-Тигервейде-Лихтенау (на р. Молочной, к юго-западу от Больш. Токмака, за правым флангом П-го корпуса Слащева). На рассвете 18-го атаковать противника: ген. Кутепову — обрушиться на правый фланг и тыл верхнетокмакской группы красных,

Донцам — 3-й конной дивизией атаковать с фронта, 2-й Донской — в левый фланг и тыл.

2) ген. Слащеву удерживать фронт Большой Токмак-Васильевка.

Однако, корпус Слащева, поддержанный 2-й Конной див. Морозова и Дроздовской дивизией ген. Витковского, с большим трудом преодолевал напор группы красных стрелковых дивизий, объединенной под общим командованием Федько, и потому ни ген. Слащев, ни ген. Витковский, ни ген. Морозов не смогли своевременно оказать поддержки Донскому корпусу, принявшему исключительно на себя натиск всей ударной группы Жлобы.

«Лишь 17-го июня», пишет Врангель, «обозначился решительный успех на фронте П-го корпуса» ген. Слащева. «В этот день части ген. Слащева атаковали противника на фронте Шербаковка-Янчокрак и наголову его разбили.

18-го числа ген. Витковский с Дроздовской и 2-й Конной дивизиями выступил в район Гольбштадт-Молочное» (Записки Врангеля, т. II-й, стр. 112).

Таким образом, 15-18 июня Донской корпус принужден был только своими силами, при помощи авиации, вести единоборство с превосходными силами пехоты и конницы Жлобы.

* * *

Выше уже было отмечено, что 16-го июня Донской корпус нанес сильный удар по большевистской коннице. Теперь, ради большей объективности и полноты картины разыгравшихся на фронте событий, приведем большевистское описание боевых действий за первые два дня наступления ударной группы.

«Наступление ударной группы т. Жлобы началось 15 (28) июня. Части корпуса в 14 часов выступили из Цареконстантиновки-Бельманки, имея целью занять селения Верхний Токмак-Могилыск.

К вечеру, после боя, конный корпус занял с. Верхний Токмак и с. Черниговку. К 17-ти часам весь конный корпус сосредоточился в с. Черниговка. К этому времени приданная корпусу 40-я стрелковая дивизия, после упорного боя, заняла Андреевку и Софиевку (первая 12 км., а вторая 20 км. юго-западнее Берестовки), выдвинув разведку на линию Салтычье-Елисеевка-Розенфельд.

16 (29) июня части конного корпуса к 8-ми часам с боем выходят на линию Николайдорф-Шпаргау и, развивая дальнейшее наступление, к 14 часам выдвигаются в район Кнефельд-Александрекрон и Шардау-Мариенталь».

Таким образом, большевистский кулак в три конных дивизии в течение первых суток наступления продвинулся вперед на 40-45 верст. При чем, к гор. Мелитополью оставалось пройти еще верст 40.

Однако, 16 июня Донцы наносят первый сильный удар по коннице красных: «Противник силою до кавалерийской дивизии», говорят большевики, «при поддержке бронемашин и эскадрильи в 12 самолетов, переходит из района Михайловки в решительное наступление **во фланг и в тыл конной группе. Под давлением этих сил левофланговые части корпуса в ы н у ж д е н ы были отойти на линию Гнаденфельд-Шпаргау**», т. е. большевики отскочили на север более чем на 10 верст. Это обстоятельство принудило конную массу Жлобы приостановить дальнейшее продвижение.

«После соответствующей перегруппировки», пишут большевики, «части конной (большевистской) группы, в свою очередь переходят в контр-наступление». (Гражданская война 1918-1921, т. III-й).

Официальное сообщение штаба Врангеля 17-го июня констатировало следующие факты: «В бою с конным корпусом красных последнему нашим огнем и **лихими конными атаками (Донцов) нанесены большие потери, наша (Донская) конница захватила 8 орудий**, но вывезти их не удалось и орудия были приведены в негодность. Наши летчики дважды произвели налет на конницу красных, забросав ее бомбами. Высокую доблесть проявили наши автоброневики.

«Потрясенный лихими и дружными действиями нашей конницы, летчиков и броневиков, противник в этом районе активности сегодня не проявлял», заканчиваят сообщение штаба.

Начальник авиации ген. Ткачев о бое 17-го июня сообщает: «...К сожалению, из-за немедленного решительного противодействия удару Жлобы наше командование не располагало на данном участке достаточ-

ными силами, почему, для задержания красной конницы, был брошен воздушный резерв.

«Троекратное бомбометание и обстрел из пулеметов с незначительной высоты 17 июня неприятельской конницы нанесло ей огромные потери и полное расстройство. Паника была настолько велика, что артиллеристы рубили постромки и бросали орудия, стремясь поспешным бегством избавиться от воздушных атак. В этот день, по показаниям пленных, Жлоба потерял 300 лошадей.

В результате этого решительного удара авиации, наш значительно слабейший конный отряд смог проявить активность, и кавалерия красных приостановилась» (цитированная выше работа ген. Ткачева, стр. 133).

О бое 17-го июня на западном участке района, занятого большевистской конницей, красные говорят следующее: «17 (30) июня противник вел наступление пехотными частями из Рикенау на Николайдорф, но после короткого боя отошел на высоты в 6 км. западнее Николайдорф. Для ликвидации сопротивления противника, действующего в районе Моргенау и Рикенау, командование конной группы решает произвести ночной налет. Части 1-й кавалерийской дивизии к 22 часам подходят к Рикенау и, не обнаружив в нем противника, без боя занимают Фриденсдорф-Моргенау-Рикенау. К 24 часам (17 июня) части конного корпуса располагаются на ночлег: 1-я Кавалер. дивизия — в Контениусфельд-Гнаденфельд, а 2-я кав. див. Блинова — в районе Шпаррау» (Гражд. война, т. III, стр. 484).

Иначе говоря, и в ночь под 18-е мая красная конница принуждена была оставаться в том самом районе, куда она смогла продвинуться за первые сутки своего наступления из района Цареконстантиновки.

Потерпев 16-го и 17-го июня поражение на прямом, кратчайшем направлении на гор. Мелитополь, конница Жлобы, стремясь согласовать свои действия с несколько южнее наступающей 40-й стрелковой сов. дивизией (об этом ниже), 18-го июня ударила в южном направлении на селение Новоспасское. Задачей этого удара было: отрезать 2-ю Донскую конную дивизию от 3-ей Донской дивизии (все еще пешей) и ударом красной конницы с севера на 2-ю Дон. конную дивизию, а 40-й стр. дивизией — с востока уничтожить эту казачью конную дивизию, принесшую уже столько вреда группе Жлобы.

Но и эта попытка красных не удалась. Вот что говорит об этом бое официальное сообщение штаба Врангеля от 19-го июня: «На мариупольском направлении противник повел наступление на Новоспасскую, но ударом нашей (Донской) конницы при блестящей работе летчиков, снижавшихся до 15 метров и расстреливавших красных из пулеметов, был разбит и расцелен»...

В ночь под 19-е июня красная конница произвела налет на расположение 3-ей Донской дивизии на главном направлении движения Жлобы. Но и это нападение было отбито Донцами, при чем большевики остались в руках казаков 2 орудия и 6 пулеметов.

19-го июня Жлоба всей конной группой снова перешел в решительное наступление с целью во что бы то ни стало прорваться, наконец, к гор. Мелитополю, от которого красная конница в тот день находилась по-прежнему верстах в 35-40.

Но и эта попытка конной массы красных снова разбилась о сопротивление частей Донского корпуса, поддержанных аэропланами ген. Ткачева. Сами большевики об этом бое и его результатах опубликовали следующее: «19 июня (2-го июля) в 13 часов части 1-й и 2-й кавалерийских дивизий конного корпуса и 2-я кавалерийская дивизия имени т. Блинова повели наступление в общем направлении Прагенау-Астраханка. Встретив за день несколько раз сопротивление противника (под Прагенау, Лихтфельд), цеплявшегося для выигрыша времени за отдельные населенные пункты и сдерживавшего натиск конницы т. Жлобы пулеметным и артиллерийским огнем, конная группа заночевала в районе Тигервейде-Лихтенфельд-Александркрон-Прагенау», т. е. и на пятый день боев конница Жлобы оставалась все в том же районе, куда она пробилась в первые сутки наступления.

Ясно было, что конная группа Жлобы уже выдохлась: вперед продвинуться не могла, назад отойти не хотела и... три дня толкалась на одном месте в районе

немецких колонок, расположенных в долинах небольших степных речушек Юшанлы и Крульман — левых притоков р. Молочной.

В этот же день — 19-го июня — южная группа красных войск, действовавшая ближе к берегу Азовского моря — 40-я сов. дивизия, сосредоточив значительные силы пехоты в районе селений Николаевки и Мануйловки (верстах в 25-ти на северо-запад от г. Ногайска), стремилась продвинуться к г. Мелитополю с востока (Жлоба конницей нажимал с северо-востока).

Но контр-ударом Донской конницы, поддержанной отрядами аэропланов, красные и здесь были разбиты и отступили на восток, совершенно обнажив левый фланг и даже тыл конницы Жлобы.

Вышеприведенные достоверные данные свидетельствуют о том, что ударная группа конницы и пехоты Жлобы в течение пятидневных — 15-19 июня упорных боев с Донской пехотой и конницей, поддержанной аэропланами ген. Ткачева, последовательно терпела поражение за поражением.

Хотя ген. П. Врангель в своих «Записках» и позволял себе утверждать, что «попытки Донцов перейти в наступление успехом не увенчались», что будто бы «17, 18 и 19 июня Донцы продолжали отходить», но в действительности Донская пехота и Донская конница в эти критические для всего фронта дни произвели выдающуюся и блестящую работу и своим казачьим героизмом и жертвенностью спасли анти-большевистские силы от грозившего им разгрома.

Официальное сообщение штаба Врангеля, Нр 338, от 20 июня 1920 г., тоже признавало, что: «Рядом упорных и крайне ожесточенных дневных и ночных боев, доблестные Донцы, при могущественной и самоотверженной поддержке наших летчиков, сдерживали натиск ударной группы противника и дали нашим войскам возможность произвести перегруппировку».

Вот как оценивают сами большевики работу своей конницы, на которую они возложили наиболее ответственную задачу в своем плане разгрома Врангеля: «Таким образом Жлоба, тревожимый аэропланами противника... продолжал вести упорные бои в долине р. Юшанлы. За 4 дня его конница продвинулась всего на 30-40 км.. Достигнув в первый же день значительного успеха, конная группа в последующие дни увлекается мелкими предприятиями (это утверждение и соответствует действительности. Ред.) и фактически топчется на одном месте, вместо того, чтобы, избегая ненужных боев, решительно и целеустремительно прорываться в глубокий тыл противника, уже охваченного паникой (противник уже 16-17 июня приступил к разгрузке Мелитополя)».

Этот явный провал широко задуманной операции большевики объясняют еще и следующим обстоятельством: «...Управление операцией со стороны командарма XIII-й затруднялось поведением Жлобы, не дававшего штабу армии никаких сведений о своих действиях» (там-же).

«Разрозненность, бессистемность, а главное, безрезультатность шестидневных боев», говорит полк. С. Жуков, «определенно создавали впечатление не только явного уже краха начатой красными наступательной операции, но и наступившего для них их полного бессилия, из-за отсутствия свежих резервов, способных исправить создавшееся положение».

«Большие потери, подорванность морального духа и веры в успех, наконец, усталость частей красных создавало для Главного Командования русской армии крайне благоприятную обстановку, с очевидностью требовавшую немедленно взять в свои руки инициативу — и перейти от обороны к решительному наступлению, имея главной задачей ликвидировать в первую же голову наиболее угрожавшую армии конную группу Жлобы.

«Конная масса т. Жлобы, втянутая в течение предшествовавших боев в образовавшийся узкий мешок, вследствие охватывающего расположения фланговых частей русской армии, оказалась окруженной со всех сторон.

«Вследствие получившейся естественной тесноты, группа Жлобы потеряла в значительной степени главнейшее качество конницы — подвижность и поворотливость. Оставалось лишь надежно закрыть отверстия в мешке, в который так легкомысленно попал Жлоба,

чтобы завершить полное тактическое окружение его многочисленной конницы.

«Таким образом, благодаря полной бездарности Жлобы и его неумению управлять конными массами, грозная, почти 8-ми тысячная конная группа красных, должествовавшая, по расчетам командования XIII-й советской армии, нанести русской армии последний смертельный удар и тем решить исход всей наступательной операции, становилась сама замачивым объектом для удара русской армии. Момент был благоприятный, суливший блестящие перспективы, и Главное Командование русской армии вполне его оценило и использовало» (цит. выше работа С. Жукова, стр. 143-144).

* * *

К вечеру 19-го июня конная группа Жлобы, занимавшая, как уже было отмечено выше, небольшой район немецких колонок Тигервейде-Лихтенфельд-Александркрон-Прагенау (эти колонии расположены на дуге 10-12 верст длиной), была уже обложена с трех сторон войсками: с юга и юго-запада 2-й Донской и 3-ей Донской дивизиями (3500-400 штыков, 1500 шашек, 18 орудий), с запада — Корниловской дивизией (1800 штыков) и с северо-запада и с севера — Дроздовской дивизией (2150 штыков) и 2-й конной дивизией ген. Морозова (Донцы — 1500 шашек), в общем около 8-ми тысяч штыков и 3 тысячи шашек при 68-ми орудиях.

Кроме того, в расположении Корниловской и Дроздовской дивизий курсировало три бронепоезда по железной дороге Федоровка — Б. Токмак — Черниговка — Верх. Токмак. Эта жел. дорога окаймляла расположение дивизий Жлобы с запада, северо-запада и с севера.

Сверх того, Врангель имел в своем распоряжении флотилию аэропланов, прекрасно работавшую под управлением ген. Ткачева.

Выяснившаяся к вечеру 19-го июня необыкновенно благоприятная для него обстановка подсказала Врангелю простое разрешение задачи. Он приказал:

а) Донскому корпусу перед рассветом 20-го июня «главной массой своих сил решительно атаковать противника в общем направлении на Гнаденфельд», т. е. в левый фланг и в тыл расположения корпуса Жлобы;

б) ген. Кутепову, объединявшему под своим командованием Корниловскую, Дроздовскую и 2-ю Конную дивизии, «перед рассветом 20-го нанести главный удар противнику, атакуя частью сил вдоль р. Крульман, а большей массой в охват правого фланга и тыла противника в общем направлении на Вальдгейм;

в) командиру 2-го корпуса ген. Слащеву, «активно обороняя свой фронт, надежно обеспечить левый фланг ген. Кутепова;

г) ген. Ткачеву «всеми аэропланами способствовать уничтожению конной группы противника».

Едва начало рассветать, конница Жлобы, выполняя свою основную задачу, всей своей массой двинулась в юго-западном направлении — в сторону гор. Мелитополя и встретилась с тоже перешедшей с рассветом в наступление 3-ей Донской дивизией ген. Гусельщикова. Завязался упорный и ожесточенный бой...

«В Мелитополе на станции явственно слышалась орудейная стрельба. К поезду (в котором помещался Врангель со своим штабом) тянулись толпы обывателей с пожитками, справляясь, не пора ли оставлять город. Работа в штабе шла своим порядком, однако чувствовалось, что нервы всех напряжены до крайности. В моем резерве для прикрытия города оставался всего один юнкерский полк, выдвинутый в район села Вознесинского», повествует Врангель. «К полудню напряжение достигло предела. Корпуса находились в движении и непосредственной связи с ними не было. Явственно доносился непрерывный гул стрельбы» (Врангель. Записки, т. II, стр. 114).

Если бы казаки 3-й Донской дивизии, действовавшие к тому в непривычном пешем строю, утром 20-го июня не отбили напора конных масс Жлобы, красная конница не только вырвалась бы из мешка, но в тот же день захватила бы Мелитополь и сама бы оказалась в глубоком тылу корпусов Врангеля.

Но... выдержали храбрые Донцы ген. Гусельщикова и снова спасли положение всего фронта.

2-я Донская дивизия и в этот день блестяще выполнила возложенную на нее задачу: ночью с 19-го на 20-е июня она перешла в наступление и на рассве-

те овладела колонией Штейнфельд, врезавшись, таким образом, с юго-востока в расположение конницы противника, в тот момент переходившего в наступление против 3-й Дон. дивизии. Факт захвата казаками колонки Штейнфельд не только внес смятение в ряды красной конницы, но спутал карты Жлобы.

Встретив весьма стойкое, активное сопротивление 3-й Дон. дивизии на юго-западном (Мелитопольском) направлении и попав под смелые, сильные удары 2-й Дон. див. с юго-востока и востока, зашаталась большевистская конница, и, спасаясь, тремя колоннами ринулась на северо-запад и на север, бросив совсем мелитопольское направление...

Около двух советских конных дивизий, с самим Жлобой во главе, двинулись в направлении на Гольбштадт и на Большой Токмак. Но в этом направлении, в долине р. Крульман, большевистская конница напоролась на Корниловскую дивизию, успевшую перед полуднем, выполняя директиву, занять колонии Тигерейде и Рикенау. Корниловская артиллерия с открытых позиций расстреливала красную конницу...

Теснимая казаками с юга и с юго-запада, эта красная конница все же сумела прорваться через расположение Корниловцев и быстрым маршем спешила далее на северо-запад. Но, пройдя около 15-ти верст, большевистская конница у колонки Мунтау встретила стойкую пехоту и бронепоезда...

Не найдя в себе сил, чтобы прорваться через железную дорогу далее на северо-запад или на север, группы Жлобы в полном беспорядке метнулись на юго-восток, но в районе кол. Ландскроне и кол. Вальдгейм были добыты конницей ген. Морозова (Донцы) и подоспевшей на подводах пехотой корпуса Кутепова...

Другая колонна красных «из района Александркрона бросилась на север, в направлении на Моргенау», стремясь поддерживать связь с главной группой конницы Жлобы. В районе Моргенау большевики наткнулись на Дроздовцев, встретивших их убийственным огнем. Тогда советская конница повернула на восток, но была перехвачена 2-й Донской дивизией, обошедшей с востока расположение конницы Жлобы (Врангель).

Третья группа красной конницы, выбитая казаками из кол. Штейнфельд и из соседних колоний, отступала на Фриденсдорф...

«Передовые части конницы ген. Морозова (Донцы и регулярная конница) и Донцов (2-я див.) долго преследовала остатки разгромленного противника, бегущего на Черниговку. Красные кавалеристы уже не оказывали никакого сопротивления. Многие бросали загнанных коней и разбежались по хуторам и балкам.

Конная группа Жлобы была разгромлена совершенно. Вся артиллерия противника, свыше сорока орудий, до 200 пулеметов и до 2-х тысяч пленных попали в наши руки. Мы захватили 3 тысячи коней. Полки 2-й конной и Донской дивизий полностью пополнили свой конский состав» (Врангель).

* * *

Воспользовавшись сосредоточением значительных сил против Жлобы и получившимися вследствие этого оголением других частей фронта, 21-го июня XIII-я сов. армия снова перешла в энергичное наступление на всем северном участке фронта и захватила Больш. Токмак, но при помощи танков красные были снова выбиты оттуда.

Также большевики принудили было к отступлению части П-го корпуса ген. Слащева вдоль линии железной дороги Александровск-Мелитополь и захватили сел. Васильевку и даже сел. Михайловку. Против этой группы красных, из района Большой и Малой Белозерки был брошен казачий Сводный корпус ген. Писарева. Ударом с запада — во фланг этот Корпус принудил большевиков отскочить на север.

23-го июня было восстановлено положение на всем северном участке фронта.

С 15-го по 23-е июня подчиненными Врангелю войсками было взято 11.000 пленных, 60 орудий, 300 пулеметов, два броневика, а с 25 мая до 23 июня, «от начала летней кампании», было взято 21.250 пленных, 108 орудий, около 550 пулеметов, 3 бронепоезда, 11 бронемашин, 4000 строевых лошадей» (официальное сообщение штаба Врангеля № 541, от 23 июня 1920 г., подписанное генквармом генерального штаба г.-м. Коноваловым и начальником операт. отд. ген. штаба полк. Шкеленко).

«В числе взятых в плен (было) много 18-ти летних юнцов, только что мобилизованных и переброшенных из Центральной России» (офиц. сообщ. от 24 июня).

Эта новая решительная победа над корпусом Жлобы и всей XIII-й сов. армией, естественно, сильно встревожила советскую власть.

24-го июня 1920 г. Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков) в циркулярном письме всем партийным организациям писал следующее:

«В самый тяжелый момент борьбы русских и украинских рабочих и крестьян с польской шляхтой ген. Врангель ввел свои войска в самые плодородные уезды Украины и пытается ныне прорваться на Дон. Его движение уже нанесло неисчислимый вред Советской республике. Каждый, даже временный и незначительный

успех врангелевских мятежников грозит большими бедами.

«Хлеб, уголь, нефть, предназначавшиеся для спасения рабочих и крестьян России, находятся под угрозой. Донецкий бассейн, Дон и Кубань, кровью лучших сынов трудового народа освобожденные от Деникина, находятся под ударами Врангеля... Далее медлить нельзя! Врангель должен быть уничтожен, как уничтожены были Колчак и Деникин...

В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте. Мобилизованные товарищи, добровольцы должны направляться на юг! Каждому рабочему, красноармейцу должно быть разъяснено, что победа над Польшей невозможна без победы над Врангелем»...

(Продолжение следует)

ЯКОВ КИРПИЛЯК (Я. М. К.).

Пережитое

Жаркий июльский день кончился. Завтра завод не работает. Закрыт по случаю праздника. Парижское предместье приняло снова спокойный и монотонный вид.

Солнце село. Вечерняя прохлада наполнила опустевшие узенькие улочки. Ясный диск ночной красавицы выплыл из-за ближайшей католической церкви и точно замер на беззвездном, безоблачном небе.

На террасе одного из маленьких дешевых кафе сидело несколько казаков за стаканом жиденького французского пива. Кое кто курил. Разговор как-то не клеился. Все были погружены в одну и ту же думу и, казалось, как будто у всех в голове одна и та же мучительная мысль о своих родных станицах, о тех, кто там остался...

— Да-а... — медленно протянул один из них. — Как бы хотелось вот бы сейчас в этот лунный вечер заглянуть в станицу. Ведь светит и там эта луна, — задумчиво, глядя вверх, продолжал сн. — Точно вот сейчас вижу, как серебрится Кубань. Там, внизу, чернеют сады с поднимающимися к небу тополями, а за Кубанью мерцают огоньки аула. Теперь там цветут акации... Как я любил эти лунные вечера и ночи! Что может быть прекраснее нашей южной ночи! Неужели все это в прошлом, неужели не вернется?

— Да ну тебя, Семен. Довольно, прямо тоску нагоняешь, а говоришь так, что ей-ей сам точно там, а не здесь. Ты о чемнибудь другом рассказал бы, — тихо прервал его, взмолившись, его станичник, пожилой, но дебелый старик... Действительно, акация цветет! Вероятно, вырубил, да на дрова пожгли, проклятые лапотники, — невыдержал, злобно сплюнув, бросил он недокуренную крученку. — Как саранча, понаделтели в станицы. Уже татарской орды. Кто-то, помню, писал оттуда: яблони, груши, черешни со злостью рубили, уничтожая казачье добро. Заборы поломали на сзюн «иззбы». Скотины бессловесной не щадили «братья во Христе». Кинжалы казацкие пробовали на ней. Вспомнишь, прямо сердце рвется на части, а ты говоришь: «Тамонший свет луны на куполах станичного храма»... Храм в амбар превратили... пшеницу там теперь ссыпают, а где и клубы да танцульки или биографы построили. «Богоносцы»... — Эх, и я заговорился... Давно хотел спросить. Ты, Семен, кажется у Бардижа в начале восстания был, когда у нас в станице Лисевский с отрядом на станции стоял. Как тебя там «товарищи» залапали?

— Залапать то не залапали, а сам я к ним приехал. Да это старое дело, долго рассказывать...

Хозяйка снова принесла наполненные кружки с пивом.

— А все таки странно и непонятно, — вмешивается в разговор молодой казак кужорец, — почему Бардиж и полк. Кузнецов (да и Бабий, кажется, там был) отделились от Покровского и ушли в горы? Бедь, не уйди, остался бы он жив с сыновьями. Эх, вот кого бы Войсковым Атаманом надо было бы выбрать! Этот бы по другому разговаривал с Деникиным и его сворой, а то и на дверь бы показал. Покровско-

му тоже не поздоровилось бы. А то, подумаешь, Кубанского Наполеона начал из себя корчить! Всех бы их в вагон запломбировать, да к красным и отправить, — не сидели бы мы здесь теперь...

— Ну, ты нам не мешай... После драки кулаками не машут. Кто его знал... Судьба...

Снова воцарилось молчание.

— Вы говорите за Бардижа. К нему я попал в последних числах января 1918 года. Хотя, чтобы яснее было, начну с самого начала.

После того, как мы (последними!) покинули позиции на Кавказском фронте, наш батальон походным порядком пришел в Саракамыш, где остальные батальоны уже грузились. Не хватало составов, да и бывшие там приходилось брать чуть ли не с бою у превратившихся в дезорганизованное стадо русской солдатни. Митинги, комитеты, разнузданная солдатская шпана косо поглядывала на не потерявших дисциплины пластун, на знамя, на батальонный оркестр, хотя и с позеленевшими от непогоды трубами.

— Холодище ужасный. Тысячи костров из старых и новых железнодорожных шпал, сотни людей вокруг — картина незабываемая... Всяких митинговых ораторов казаки, по-просту, гнали. Официальных слушали, да посмеивались.

— Благодаря этому, батальон погрузился в порядке, хотя и пришлось бросить обоз. Пулеметная команда расположилась так, чтобы во всякую минуту могла действовать, если потребует. Носились слухи, что в Муганской степи кто-то нападет на поезд, а обстреливают чуть ли не каждый проходящий...

— «Вы бы, товарищи казаки, погони со своих офицеров снимали. Мы то своих совсем разогнали», — горланило у вагонов «христолюбивое воинство».

— «Смотрите, как бы мы вам самим головы не снимали», — отвечали пластуны, сидя уже в вагонах трогавшегося поезда.

— «Ач, бисови душі, — кричал приказный Федько, — за цю личку скільки я служив, а вони тепер — «познімать!»...

— На наше счастье ничего во время пути не случилось. Баку, Терек и вот она, наша матушка Кубань, многоводная и раздольная. Приехали — «Твои верные сыны»...

— Согласно распоряжения из Штаба Войска, наш батальон должен иметь стойкой те станицы, из казачьих которых он сформирован. Приказано двигаться в Ейский отдел, прямо домой. Из офицеров линейцев нас было, кажется, двое, благодаря чему мне удалось получить кратковременный отпуск. Славный командир сотни есаул Е., батальонный ад'ютант под'есаул М. и командир батальона были непреклонны, но все таки отпустили. А тут, кстати сказать, под самое Рождество было. Так хотелось провести праздник дома...

— Встал я на Кавказской. Не задерживаясь, пересел на поезд, идущий на Екатеринодар. Вот она, родная станица!... Дома — настоящий переполох. Не ждано, не гадало... После позиционной жизни, дом пока-

зался настоящим раем. Семья, дядьки, тетки, вся родня перебывала...

— Дома пришлось побыть недолго. Отпуск подходил к концу. В станции было беспокойно. Лицо атамана в правлении было озабочено. «Городовики» подняли голову. Казаки безмолвствовали.

Новый Год встретил в Екатеринодаре. Хмуро выглядел город. Что то и в нем творилось непонятное. Не чувствовалось того настроения, которым он дышал раньше. Глухо гудел соборный колокол...

* * *

— Задерживаться было нельзя, надо было ехать. На другой день был в станции С-вской, где стояла сотня.

— Вот она, очаровательная красавица Черномория... Богатейшие станции. Тихий, степенный казачий народ — колыбель Кубанского Казачества — потомки славных Запорожцев.

Тишина, спокойствие меня поразили. Как будто ничего и не было.

Благословенный край. Казаки разошлись по станциям, предусмотрительно разобрав винтовки и патроны. Службы никакой. Нарядов никаких. Отдых, так отдых...

* * *

— Богатый дом казака Полубня, в котором разместились мы, вечерами блестял огнями. Накрытый стол. Курятина, гусятина, индейка. Холодный поросенок с хреном. А рыба — из Ейска. Судак, сазаны, караси в сметане. Водка из Ейска с белой головкой, вино церковное для дама... А какое милое общество собиралось по вечерам! Сам о. дьякон ближайшей церкви бывал чуть ли не ежедневным гостем. По-казачьи мы не гнушались и рядового пластуна. Бывал у нас в гостях и станичный атаман, и писарь, и пластуны соседних станиц... В таких случаях звенели окна, когда человек 8 музыкантов из оставшегося батальонного оркестра гремели польку-бабочку...

— Да, было хорошее, доброе время, — отхлебнув из кружки пива, — продолжал рассказчик. — Сам командир сотни под звуки оркестра носился в паре с полногрудой учительницей. За ним, грузно притаптывая и выделывая замысловатые фортели, прапорщик Чудный. Я тоже не отставал, поближе прижимая к себе свою знакомую из Ейска, правда с осторожностью, как бы не наступить на длинную ясу о. дьякона, танцующего без дамы, вероятно, из боязни дьяконицы...

* * *

— Незаметно приближался конец января. И вот по какому то случаю — не помню, не то именины, не то что-то другое, мы снова закатили вечеринку. Атаман с атаманшей, знакомые из представителей станичной интеллигенции, батальонный адъютант приехал, еще кое кто из офицеров. Ну, словом, общество собралось солидное. Готовились дня два — варили, жарили, очередная командировка в Ейск за водкой, кстати, последняя. (Водочный склад перевели в ст. Уманскую). Никогда не веселились так, как в этот вечер. Полы гудели от гопака. О. дьякон едва выдерживал, — вот, вот подберет ясу да и лустится в присядку. Вероятно супруга крепко держала за ясу, да и атаман ископа поглядывал, тоже, видно, страдал, что из-за грузной фигуры, напоминающей Тараса Бульбу, не мог показать товар лицом...

— В самый разгар веселья прибыл конный казак из штаба батальона с срочным пакетом командиру сотни...

— «С получением сего, — говорилось в бумаге, — немедленно отправить находящихся в сотне г.г. офицеров в распоряжение Начальника Войскового Штаба в г. Екатеринодар. В виду того, что движение по железной дороге не безопасно, вручить им прилагаемые при сем удостоверения».

— «Температура настроения» сразу понизилась. Сам адъютант разводит руками: «Почему не собрать батальон? Почему только офицеров? Почему не безопасно? Удивительно! Только позавчера из штаба батальона — ничего особенного не было слышно. Был только слух, что в Екатеринодаре беспокойно. Говорили, что был какой то бой под Новороссийском.

— Вот так новость! Гости были в недоумении, глядя на наше замешательство... Чтобы сгладить впечатление, командир сотни сказал присутствующим, что особенного ничего нет: — служба есть служба, а посе-

му «вечер» следует превратить в «проводы». Я и Чудный оказались героями...

— Музыка заиграла марш. Дамское общество всплакнуло. Проводы так проводы до самого утра!...

— Сборы были недолгие. Оставив более ценное обмундирование и оружие, оделся по-проще. Споров погони с двумя звездочками, Маруся — хозяйская племянница — пришла мне другие: нестроевого старшего разряда. Во время пути я должен быть фельдшером, едущим в Екатеринодар за медикаментами для нужд батальона. Ехать решили с Чудным не вместе, а в разное время.

— Расцеловались с командиром сотни, попрощались с милыми хозяевами и, поручив им на хранение вещи, выехали поездом из С-вской. На станции Староминской еле втиснулся в поезд, идущий «только до Тимошевки».

— В Катериндар, кажут, нікого не пускають, — сказала мне рядом сидящая казачка. — Там робиться таке, що Бог його й знає. Кажуть, якісь кадеты то отступають, то наступають, та с пушок стріляють, як на войні!...

— На следующей станции моя собеседница с оханьями и причитаниями, с десятками узлов и узликов, сошла с поезда.

* * *

— До Тимошевки добрался без всяких приключений, но только поезд подошел к станции и еще не успел остановиться, как вдруг слышу крик: «Из вагонов не выходить, оставаться на местах!».

— Мимо окна мелькнули штыки. Продолжаю сидеть, начал испытывать некоторое беспокойство. Слышу, как кто то у входа в вагон приказывает: «Документы, да поживей!».

— Та які там вам документи? Іду в Катериндар, жінка на операції лежить. Ось удостовіреніє, станишний отаман підписав...

— Не утерпел, выглянул в проход вагона. Через толпу баб, сбившихся у выхода, протискивается молодой прапорщик, в новеньких блестящих погонах.

— Ну, думаю, совсем хорошо, — и продолжаю сидеть. Подходит и довольно развязно обращается:

— Ваши бумаги! Да потрудитесь, урядник, встать, когда с Вами разговаривает старший...

— Фу, ты напасть! Я и забыл, что урядничьи поганы у меня из-под бурки выглядывают...

— Дисциплину забыли! Чему Вас в учебной команде учили?

— Да и в военном училище тоже, ответил, улыбаясь я, и тут — о, ужас! — чуть не расхохотался. Передо мной стоял прапорщик не мужского пола, а... женского. Талия и грудь явно выдавали происхождение. Глядя на меня, «прапорщик» тоже смутилась...

— С кем имею честь? — утихо обратился я.

— Прапорщик Василевская.

— Очень приятно, хорунжий Надежин, переодетый нестроевым старшего разряда.

— Ну, слушайте, г. хорунжий, что же это Вы? — заговорила «он» совсем другим тоном, но с достоинством.

— Да что же, по дороге думал на красных напорюсь, вот и переоделся. Еду в Екатеринодар, в Штаб Войска.

— В Екатеринодар поезд будет только завтра. А чего бы Вам не остаться с нами в отряде Бардижа? Впрочем, как хотите, — продолжала она. — Советую Вам, когда приедете в Екатеринодар, там не здорово разгуливать. Если задержитесь, без разговоров схватят, винтовку в руки и сейчас же на фронт или на Тихорецкое направление, или на Кавказское. Там капитан Покровский с нами не церемонится. Облавы чуть ли не каждый день. Забирают всех, способных носить оружие, и под конвоем в вагоны и прямо на фронт.

— Но почему Покровский? Какое отношение он имеет к Войску? А Войсковой Атаман? А Рада? А старшие из войсковой старшины?

— Не знаю, назначили его.

Вылез с нею из вагона; на перроне у поезда, среди сошедших пассажиров, стояло человек около двадцати дедов и реалистов, вооруженных допотопными бенрданками. Большое деревянное строение (станционное здание достраивалось) было наполнено до отказа. От пара и табачного дыма трудно было рассмотреть человеческие лица. Буфет не радовал глаз. Стойка бы-

ла пуста. Буфетчик, не то армянин, не то перс или грек, сиротливо стоя за прилавком, нетерпеливо повторяя: «нычыво ны ымеєм. Чо дєлать будым?».

Не отстающий от меня «прапорщик», видя мое смущение, сразу догадался, в чем дело.

— Идите в вагон, там вы устроитесь на ночь. Там есть консервы, чай.

— Нечего сказать, — подумал я, — приятное соседство.

— Там у полк. Крыжановского найдется рюмка водки... Живем по позиционному.

— В стороне от станции на запасном пути стояли пассажирские вагоны и несколько товарных. К ним мы и направились. У одного из них ходил часовой из писарей управления Екатеринодарского отдела. Оказался знакомым. Поздоровались.

— Ну, как в отделе?

— Сам Русанов с учениками остался, а старые писаря, вот видите, почти все на позиции.

— Полк. Крыжановский, пожилой солидный мужчина, встретил приветливо. Добродушно рассмеялся, глядя на меня.

— Ну, это, брат, ничего. Керенский, вон, в юбку переодевался, коли было нужно, — сказал он, искося поглядывая на стоявшего сзади меня «прапорщика». «Прапорщик» кашлянул. Ему, как видно, не по вкусу было замечание «старого волка».

— Ну, подождите немного я приведу в порядок бумаги, а потом будем ужинать, чем Бог послал. Небось, за дорогу проголодались. А спать устроитесь здесь. Места много, да и тепло... У нас здесь только одна застава человек 30-40, а отряд разделился на двое. Часть находится верстах в восьми отсюда на хуторах, а часть в направлении Приморско-Ахтарской. Там же и платформа, вооруженная пушкой и пулеметами. С пополнением одна беда. Деды — видели их на станции? — только вечер, так в станицу. То жена больна, то скотину не на кого оставить. Одна только молодежь — гимназисты, реалисты, кадеты, писаря, да офицеры. На нашем Черноморском «фронте» еще ничего, спокойно, а вот там, на Кавказском и Тихорецком, там настоящие военные действия.

— Что думают казаки фронтовики? Сидят по станицам. Ведь батальона 3-4, да хороший полк конницы, — навели бы такой порядок по станицам, что никто бы пикнуть не смел. А мужиков, как только где зашевелились, гнать к чертовой матери в свои Рязанские да Тамбовские губернии.

— В его голосе прозвучали жестокие нотки. «Прапорщик» дипломатически удалился.

— Виноват Атаман, виноват Штаб Войска, виновата Рада. Зачем было распускать части после прихода с фронта? Кондрат Лукич сейчас там, в Раде, поднял голос: «Надо поднимать казаков!» Как поднимать? Как могут члены Рады ехать в станицы, когда дорога то закрыта? Надежда на Черноморью, а черноморцы тоже молчат. Капитана летчика уполномочили спасти положение. Жалко — погиб Галай...

— На другой день я был в Екатеринодаре. Город точно вымер. В Войсковом Штабе — точно пустыня. Дежурный офицер, после моего доклада, сухо отрезал:

— И оставались бы прямо в отряде. Поезжайте обратно на Тимошевку. Для формы, вот Вам предписание. Письмо полк. Крыжановского передам по назначению. Денег нет. Обращайтесь к атаману отдела...

— Мне стало ясно, что власть в Войске не имеет под собою почвы и не является хозяином положения.

Вечер и ночь провел в знакомой семье у одного моего однокурсника по военному училищу. Там меня познакомили с положением, создавшимся в городе. Рабочие — поголовно большевики. На Покровку и Дубинку ходить не безопасно. Вокзалы, электрическая станция, войсковые учреждения охраняются партизанами. Железнодорожники поразбежались. Паровозов не хватает, прислуги тоже. На местах кочегаров — студенты-техники, инженеры. Недостаток продуктов, дороговизна. Сахар на вес золота. Настроение подавленное. А что, если наши не выдержат? А что, если большевики займут город?

— Город был полон самых разнообразных слухов. Газета «Вольная Кубань», попавшая мне в руки, пе-

стрила длинными речами кубанских лидеров. Очень то спорили линейцы с черноморцами...

— Когда я вернулся в Тимошевку, там царил подавленное настроение. Часть отряда, состоящего преимущественно из стариков, разошлась по соседним станицам.

— Нехай молоді воюють, вони привикли, знають це діло...

— Оставшиеся сгруппировались на станции. И вот тут я первый раз увидел К. Л. Бардижа. Он только что вернулся из города и как раз выступал перед отрядом с речью. Среднего роста, сутуловатый, со слегка рыжеватой бородой, стоя на платформе товарного вагона, чтобы было слышно, уставшим, немного хрипловатым голосом, он говорил. И помню ясно его слова:

— Я верю, что казаки-фронтовики, поймут, образумятся и встанут, как один, на защиту своих родных станиц, на защиту своего уклада и порядка, на защиту своего родного Войска. Всякое промедление грозит неисчислимыми бедствиями для всего Кубанского Казачества. Если наши ряды тают, знайте, что их покидают малодушные. К тем, которые остались, я обращаюсь и поднимаю голос. Мы не должны отчаиваться, теснее сомкнем наши ряды...

— Были уже первые числа февраля. Погода была на удивление не зимняя. Моросил изредка мелкий дождь, по утрам морозило. По-прежнему у нас было жарко. Весь центр тяжести был на Тихорецком направлении. Там шли жестокие бои. Наша задача была — прикрывать левый фланг, т. е. не дать большевикам захватить Черноморскую жел. дорогу вплоть до узловой станции Староминской.

— В один прекрасный день стоим на станции Староминской, занимая выжидательное положение. Противника не было видно. У меня мелькнула мысль: не смотаться ли быстро в станицу С-вскую. Верст 30-35. Захватить там из вещей немного белья, а, самое главное, хороший наган с достаточным количеством патронов и бинокль.

— Из соседней станицы вернулся Кондрат Лукич. Там было все спокойно. Спрашиваю у Вианора (сотник Бардиж, сын К. Л.), если ничего не предвидится. Спрашиваю у отца.

— Кондрат Лукич почесал подбородок: — Поезжайте да скоренько, на Вашу ответственность. Бог его знает, что может случиться. Думаю, что останемся здесь до завтра. Кстати, узнайте, что там делается. Офицеров, если кого встретите, просите немедленно ехать в отряд.

— Знакомый казак быстро запрет тачанку. У него тоже было какое то дело в С-вской. Говорит, что после полудня вернемся. Лошади, как львы. Таких можно видеть только на Черномории.

— Не теряя времени, пустились в путь. Заранее радуюсь, подвезая к станице. Подвезая к площади и имея в виду проехать незаметнее, остановился у бакалейной лавки просить проходившую с ведрами бабу, как ближе проехать к Полубню? Вдруг, как на грех, из-за угла вывернулось три вооруженных солдата и с ними, повидимому, двое мужиков. Подходят, смотрят, спрашивают — кто такие?

Казак, видя, что я молчу, говорит, что он Староминской станицы, едет по делу, а меня по дороге взял подвезти.

Положение создалось катастрофическое. Если бы увидел их издали, мог бы соскочить и шмыгнуть в любой двор. Казаки не выдали бы. А теперь бежать было поздно. Заметив устремленные на меня взгляды, я полез в карман за удостоверением и не успел еще открыть рот, чтобы сказать, что я фельдшер, как баба завопила благим матом:

— Ой, Боже-ж мій, та цеж охвицер, що у Полубню на квартирі стояв. Я його бачила, як він з вчительською молодію гуляв... та з дяконом біля церкви балавав.

— Тут городовики зашипели: А, бісова душа, арестовать его, арестовать! В правление его отвести! Слезай!

— Идем, там разберемся! — крикнул один из солдат, снимая с плеча винтовку. Другие последовали его примеру.

— Ой, Боже мій, Боже, за щож його арестували,

такого молоденького? Та мабуть він і мухи не обидив, — поняв свою оплошність, заголосила баба.

— Казака отпустили. Понури голову і не глядя на мене, он тронул лошадей и скрылся за ближайшим углом.

— В правлении, куда меня привели, было десятка два присутствующих. Были среди них и казаки. Может быть меня бы и отпустили, т. к. опроса никакого не было. Станичный комиссар (казак) был в отъезде. Посадили меня за решетку. Не знаю, о чем они там митинговали, но были слышны крики «отпустить!» Но меня, оказывается, и погубило проклятое удостоверение, изъятое у меня с ничего не значущими бумажками, лежащими в портфеле с десятками керенок, за которые уже ничего нельзя было купить.

— Перед вечером мне сообщили, что у них имеется бумага от Ейского ревкома: «всех офицеров арестовывать и под конвоем отправлять в г. Ейск на суд революционного трибунала».

— Но, ведь, это верная смерть, — подумал я и почувствовал, как холодные мурашки поползли по всему телу. Зачем я поехал? И нужно же было! Неужели судьба погубит молодым? (Мне шел 21-й год)... Никогда я не чувствовал такого состояния беспомощности, сидя в четырех стенках, какое овладело мною в тот момент.

— Уже стемнело, когда дверь стукнула, звякнул засов. В карцер вошло пять человек, вооруженных винтовками. Из них два солдата и трое городовиков с красными повязками на рукавах.

— В проходе один старый казак хотел мне что то сказать, но рядом стоящий с ним молодой, дернул его за рукав. Он не проронил ни слова, но только на глазах у него я увидел две слезинки, которые он незаметно вытер рукавом полушубка. Выходя из правления, к нам присоединилась какая то баба с сумкой в руках, из которой выглядывало две бутылки, завязанные вместо пробок.

— По дороге у меня быстро мелькнула мысль рвануться в сторону и бежать... начнут стрелять, темно — не попадут... Но она так же быстро и потухла, когда сзади меня раздался голос солдата:

— Не вздумай бежать! Одно движение и — пуля в спину. Мы тоже действительной службы и знаем, как водить арестованных... — Я почувствовал прикосновение дула винтовки к моей спине.

— Станция была пуста. Несколько баб, да два, три полупьяных солдата, отставших от эшелона. За несколько часов до нашего прихода, через станцию прошел на Ейск переполненный пьяными солдатами поезд с красными флагами.

Заметив, один из солдат, шатаясь, направился к нам:

— Что, товарищи, кого это вы подцепили?

— Да вот офицера сопровождаем в Ейск...

Не успел еще ответить один из сопровождающих, как здоровенный кулак обрушился мне под левый глаз, едва не сваливший меня с ног.

— Ну тут все, сопровождавшие меня, запротестовали:

— Ты, товарищ, сам суд не устраивай. Может человек совсем не повинный. Трибунал разберет в Ейске.

— Трибунал? — горланил пьяный солдат. Их без суда надо стрелять, эту кадетскую сволочь. Чего возить-ся? Вывести за станцию да и пустить в расход! Вон на Тихорецкой мы ни одного не пропустили, всех их, собак, в штаб Духовина отправили.

— Я почувствовал, как глаз начал заплывать. Из оцарапанной брови по лицу текла кровь. Рядом стоящая и с сожалением на меня глядевшая баба порвалась в сумочке, вытащив оттуда не то платок, не то тряпку, намочила ее из одной бутылки и незаметно дала мне в руку. Прикладывая к брови, я почувствовал запах сагоноу.

— Шипя и свистя, пуская клубы белого пара, пошел поезд. Он был почти пустой. Сопровождающие меня толкнули меня в пустое открытое купе.

— Ну, теперь пропал, — подумал я и незаметно перекрестился. Городовики ушли к бабе. Остались только два солдата, которые попросили кондуктора замкнуть выходные двери.

— Поезд тронулся. Сердце у меня как то особенно защемило, точно его пилили тупой пилой. В ваго-

не было жарко. Не бросая винтовок, солдаты поснимали шинели.

— А ты чего? Раздевайся! Да полушубок у тебя, братишка, хороший. По приезде давай поменяемся. Ведь все равно он тебе будет не нужен, — обратился один из них ко мне.

— Разделся, остался в гимнастерке. Снял шапку. Уселся в углу, облокотившись на подоконник, погрузился в свои мысли. Передо мной встала, точно на экране, вся моя короткая жизнь: детство, ученические годы, училище, война, дом, станица, мать, сестренка, братишка... И — страшные образы завтрашнего дня, которые больная фантазия создавала...

— Убьют... прямо на станции... холодные дула винтовок.

— Мне стало не по себе, почувствовал тошноту. Рядом была уборная. Солдаты заметили, что мне плохо:

— Иди да не затворяй дверь...

— Открытая уборная, легкое дуновение сквозняка освежило мою голову. Стою, наклонившись, над раковинкой; вдруг пальцы моей руки попали в щелку чуть чуть приоткрытого окна, на которое я невольно оперся... И — о, чудо! — окно бесшумно опустилось вниз. Не помню... это был один момент, одно мгновение. Как будто неведомая сила толкнула меня. Не отдавая себе отчета... секунда... нога на сиденье, другая в окно... поворот и повис на руках. Оттолкнувшись, я полетел вниз. Меня бросило немного вперед...

— Кто ездил по Ейской дороге, вероятно, помнит под'ем в гору, где все поезда замедляют ход и медленнее обычного ползут... Упал я на что то мягкое, оказавшееся придорожной травой, полегшей с прошлого года от непогоды. Мимо меня громыхали колеса поезда. Вот они уже прошли. Мелькнул красный огонек на последнем вагоне. Хочу подняться, не могу собраться с силами. Пополз в сторону, поднялся на ноги. Хочу бежать, оказывается — топчусь на месте. Сделав над собой неимоверное усилие и рванул так вперед, что мог поспорить с завзятыми бегунами. Вот тут во мне и заговорило чувство самосохранения и жажда жить... Остановившись передохнуть, услышал несколько винтовочных выстрелов. Далеко, еле видно, стоял поезд, блистая огоньками. До ушей доносились какие-то крики. Пошел. Огоньки медленно поползли, удаляясь в глубину ночи. Я был спасен... Из предосторожности я быстро пошел в направлении плавень и по дороге начал обдумывать и определять свое положение. Несмотря на то, что под гимнастеркой у меня была связанная шерстяная фуфайка и я был без шапки, хотя ночь была и не холодная и холода я не чувствовал, — перспектива оставаться полураздетым не радовала. В станцию возвращаться было нельзя, наоборот, надо было скорее от нее удаляться.

— Сделав солидный круг, я направился к железной дороге, с расчетом пересечь ее и потом взять направление на линию Черноморской жел. дороги и, по возможности, обходить населенные места. Пробираться решил только ночью и степью. Взял направление и быстрыми шагами двинулся в путь. Временами, чтобы согреться, бежал. Кругом ночь, но не особенно темная. Где по пахоте, где по прошлогодней стерне, изредка по дороге... Попадались садки с летними курениями. На мое счастье окно одного из них было заткнуто чем то черным. Пошупал. Старое ватное рваное одеяло, брошенное казаком во время пахоты. Оторвал от него кусок, заматал себе голову. Остальное накинул на себя. Стало тепло. Совсем воспрянул духом. Уже не шел, а почти бежал. Изредка останавливался, чтобы передохнуть. Во многих местах приходилось делать круги, обходить не то плавни, не то болота с водой и мелким камышом. Вокруг точно все было мертво. Иногда слышался где то далеко лай собак, не то с хуторов, не то со станицы какой.

— Усталости не чувствовал я всю ночь и лишь когда стало сереть, зарылся в скирду соломы и заснул, точно убитый.

— Проспал весь день. Как только стемнело, снова двинулся в том же направлении. И вот на вторую ночь перед самым рассветом я снова наткнулся на ровную линию воды с мелкой кугой... Повернул круто направо, решил обходить. Иду с час. Стало светать. Увидел телеграфные столбы. Оказывается, я шел параллельно железной дороге, которую от меня отделяла

узенькая полоса низины, наполненной водой, выходящей летом.

— Кое как перебрался. Под ногами хрустит тонкий слой льда. Утренний морозец пощипывает за руки. Усталость и сон начали давать себя чувствовать. Перешел железную дорогу. Стало еще светлее. К моему состоянию прибавилось еще беспокойство. Вокруг, на сколько глаз видит, ни одной скирды соломы. Никакого укрытия, где бы можно было провести день. Прошел еще с версту. Недалеко виднелась железнодорожная будка. Идти туда не решился, было опасно. Рядом, в балочке, стояли конопли, связанные в снопы. Забрался в середину, думаю, какнибудь прокоро-таю день.

— Только что угрелся и начал дремать, вдруг слышу гул приближающегося со стороны будки поезда. Отодвинул осторожно сноп конопли. Выглянул. Глазам не поверил: наша платформа с пушкой уже поравнялась и покатила, подталкиваемая сзади паровозом, в направлении, откуда я шел. Тут я поднялся так, что конопля посыпалась в разные стороны. Чуть ли не бегом направился к будке.

— Будочник оказался хорошим человеком. Его

жена сразу дала мне горячего молока, немного погодя — горячего супу. Перевязала мой подбитый и совсем заплывший глаз.

— Вы не беспокойтесь, ложитесь, они поехали на Албаши. Через час-два будут возвращаться, остановятся и возьмут Вас, — говорит мне приветливо хозяин.

— Меня начало лихорадить, потом бросило в жар. Я точно заснул... Пришел в себя я уже в санитарном вагоне на Тимошевке. У моей койки стоял «прапорщик».

— Ну, что же это Вы, г. хорунжий, где это Вы пропадали? Что с Вами случилось? — улыбаясь и глядя на меня своими лучистыми глазами, спрашивал «он».

— Кто это Вам так ранил глаз?..

— Через неделю я был на ногах.

— Ну, слава Богу, что все обошлось так благополучно. Могло бы быть и хуже, заметил К. Л. после моего рассказа. Вианор посмеивался в свои щетинистые усы, поглядывая на мой подбитый глаз.

— Царство небесное К. Л. Бардижу и его сыновьям, и всем, погибшим с ним на Черноморском побережье. Это «хуже» он испытал на себе...

2-ой Кубанский пластунский батальон, становись!

По долгих годах прискакал и в мое село «Черный Всадник».

Приятно было, после долгих лет эмигрантской бестолковщины, прочитать казачье слово, очищенное от всякого чужого наноса. Приятно было чувствовать, что казак и в тяжелых условиях эмиграции не потерялся, не растворился в окружающей его массе, нашел себя и имеет крепкую, непоколебимую веру в свою Правду казачью.

При чтении журнала «ВК» невольно вспоминается прошлое. 1914 год. Турецкий фронт. Саракамыш, Трапезунд, Мамахатум, а главное, наша геройская пластунская семья... Нельзя забыть Бирюлькина, Быча, Геймана...

А что-ж, мытарства в годы 1915—16, когда нашу пластунскую бригаду бросали с Турецкого фронта на Юго-Западный и обратно. Когда пластунами «латали» дыры на самых опасных местах фронта... Все пережили и, несмотря на все невзгоды, держались одной нераздельной семьей.

Но вот пришел 1917 год. Волны русской «бескровной» революции начали бить в сердца пластунов. Долго держались, но, сила соломой ломит... И среди нашей семьи нашлись слабые духом, что поверили многосудным лозунгам и начали отделяться от своих...

Каково же было разочарование наше по приезде на Кубань. Разоружение, роспуск батальона и неопи-сываемый кошмар по станицам. Все красивые слова и привлекательные обещания русских «товарищей» полопались, как мыльные пузыри, а бедному казаку осталась голая действительность... И скоро понял он, что нет возможности жить совместно с новыми пришельцами. Призадумались и приуныли лихие молодцы. Начались суды и пересуды, что и как делать? Один исход: надо опять собраться в одну бсевую семью и вычистить Кубань от пришельцев.

А тут пришла весть: Гейман собирает своих сынов под непобедимое Георгиевское знамя 2-го Кубанского пластунского батальона... Собрались. Очистили Кубань и пошли на помощь Дону Тихому. Помогли и ему стряхнуть с плеча чужой кафтан.

Все шло хорошо, да не долго. Начались нашествия от «белых»: «До победного конца!»... «Единая, неделимая» и т. д. Уверили, хотя и не надолго. А ре-

зультат? Тот же, что и от доверчивости к «красным»: Идем на Кубань!...

По долгих испытаниях в Царицыне, на Маныче и еще больших на родной Кубани, не удалось защитить свой Край... Опять убедились казаки, что все обещания «белых» остались только обещаниями. Распростились с родными и пошли в чужую сторонушку.

Началось раздробление боевой семьи. Кто в горы, кто в Крым, кто в Грузию. В Батуме организовался комитет по спасению Кубани. Хотя и пали казаки духом, но все же призыв полк. Налетова услышали. Собралось немного казаков, даже оружие достали, но спасти Кубани не удалось. Пришлось спасать себя отъездом (на пароходе «Амвросий») в Турцию.

С этой поры стал казак эмигрантом. Пожили немного в лагере Кавака, у Константинополя, а оттуда начали разъезжаться по разным странам. Начали появляться «вожди» — «доброжелатели» казака. Почти в каждой стране объявлялись таковые и все с одной и той же программой — восстанавливать неделимую.

Не хочу верить, чтобы некоторые из моих соратников отозвались на призыв тех лже-пророков. Не хочу верить, чтобы по стольким разочарованиям можно было бы идти за теми, по вине которых очутились мы в «кайданах», в эмиграции. Но не могу верить, чтобы ни один из сынов пластунской семьи 2-го Кубанского пластунского батальона не откликнулся на призыв «Черного Всадника».

— Гей, братья! Где вы? Почему не нахожу ваших имен среди сынов, собирающихся вокруг казачьего национального знамени? Неужели волкам в овечьей шкуре удалось снова завербовать вас своими лживыми обещаниями?

Нет! Не верю. Вы молчите потому, что много раз вас обманывали и дорого приходилось платить вам за свое доверие. Но теперь не надо бояться — «Черный Всадник» вас не обманет. Посмотрите вокруг себя и прислушайтесь. Шумит Казачество, становясь под знамя ВК.

Призываю и вас, братья соратники — офицеры и пластуны, стать в ряды ВК!

Слава Казачеству! Слава Казакии!

Войсковой старшина: Мих. Сосиновский.

П. С. Прошу всех сослуживцев откликнуться (писать можно на адрес редакции журнала «ВК»).

Христос Воскрес —

воскреснет и Казачество

Письмо казака, бежавшего из „рая“

Разрешите Вас поздравить, г. Походный Атаман и всех в. казаков с праздником Рождества Христова и наступающим, быть может, решающим, Новым Годом.

Не откажите, одновременно, в любезности напечатать нижеследующее:

Я, казак Всевеликого Войска Донского, станицы Манычской, **Иван Каймаков**, имел счастье вырваться из СССР. По милости Господа Бога очутился в Аргентине. Работаю. Физически устаю, морально отдыхаю.

В один из счастливых дней имел удовольствие прочитать ваш журнал «ВК» и скажу откровенно: я всю ночь проплакал, как маленький ребенок. Плакал не потому, что нервы расшатались или вспомнил пережитое в СССР. Нет! Мне было больно и обидно за некоторых казаков эмигрантов, за их полное непонимание нашего прошлого...

Как ни странно, но должен заметить, что мы там осведомлены о вас лучше, чем вы о нас. У вас многих еще неправильный взгляд на Казачество, страдания которого превысили страдания Христа. Я хочу сказать, вернее крикнуть, зарубежным казакам: скажите: 1. С кем вы боролись? 2. За что вы боролись? и 3. Знаете ли вы, каково настроение в родных казачьих Краях?

1. Всем вам известно, что в 1917-8 г. г. мы боролись с красной гвардией и шантрапой из подполья как их величают. В 1919-20 г. г. казаки боролись с красной армией, ведомой кадровыми и военного времени офицерами, т. е. бывшими солдатами и офицерами б. российской армии. В политическом аппарате была российская интеллигенция, образованная и энергичная, не чета нашей казачьей интеллигенции. У нее были порыв, воля, а самое, пожалуй, главное, — это ненависть к казакам. Но, как говорят, палка о двух концах, и естественно, у казаков появилась та же самая ненависть к ним...

2. За что вы боролись? Пусть каждый ответит честно на этот вопрос.

Были ли нам сочувствующие в занимаемых центральных российских губерниях — Воронежской, Саратовской, Курской, Орловской? Нет! Тот, кто был на фронте, тот великолепно знает, что там все, способные носить оружие уходили к большевикам.

Сорок семь процентов проживало иногородних на казачьих землях... Дон, Кубань и Терек вместе выставили двести тысяч бойцов, а сколько было в наших рядах иногородних? Какова была сила Доброй армии без казаков при занятии «ею» половины Европейской России? — Говорят: 45 тысяч... Нас, казаков, вели, как баранов, спастись Россию — против воли самих русских людей.

И мы были биты. Биты были прежде всего своими предателями казаками слева (друзьями красной России).

Я не стану перечислять их главарей, они известны, но знает ли эмиграция, что им помогали казаки справа (друзья «белых» русских)? Для этих господ Россия — прежде всего, а Казачество — между прочим...

Казаки «слева» ликвидированы, теперь перед Казачеством стоит вопрос о ликвидации казаков «справа». Их девиз был — за Учредительное собрание. Но вспомните, что Казачеству готовила Государственная Дума в эпоху монархии? Когда Казачество считалось опорой монархии? — рассказывание...

Вы являетесь живыми очевидцами последней трагедии, но, видимо, в силу старой казачьей традиции — «Слушаюсь!», «Так точно!» — вы продолжаете слушать руссофильскую войсковую старшину и московских краснобаев. Имеют ли они моральное право говорить и поучать? Несут ли они ответственность за смерть многих наших братьев? Во имя чего пролито столько крови? Мы Новороссийска и Черноморского побережья не забыли. Времени много прошло но предательства нам не забыть.

3. Каково настроение казаков в Родных Краях? Третий вопрос особенно тягостный и, быть может, неприятный для зарубежного Казачества русской ориентации. Во время Новороссийской трагедии мы вам дали возможность уйти из родных краев с оружием в руках. За пределами родины, в полной безопасности,

бросая все тем же старым оружием, вы забыли долг перед оставшимися там... Или рассыпавшись по всему свету ушли в личную жизнь. Стали создавать себе тихую житейскую пристань — «до более благоприятного момента», когда, думаете, будет возможность вернуться в свои хутора и станицы... Вы делаете большую ошибку. Вас в эмиграции не больше 30 тысяч и мы, скрепя сердце, большую половину вычеркнули «из списков» — как мякину, как ненужный хлам. Бросьте раз и навсегда мечту — властвовать и управлять. Не страдайте манией величия. Вся сила в руках Казачества там... Мы вас будем... филтровать. Мы хорошо вас понимаем. Тяжело бороться за кусок хлеба, за свое существование, но кто вас довел до такого состояния?

А между тем, на вас, эмигрантов, была надежда. Мы ожидали. Тем временем нам пришлось перенести продрозверстку. Пережили голод, когда человек поедая человека. Нас загоняли в колхозы и совхозы. Нас, природных казаков, а вместе с нами и иногородних, родившихся на казачьих землях — еще вчерашних врагов, нас выгоняли из наших насиженных родных куреней. Новые пришельцы, новые вселенцы...

И так наша жизнь протекала в звериных условиях и с ненавистью к сегодняшним нашим «хозяевам», которые красиво и сытно живут. Обирая нас, они обогащаются. Ибо — все для центральной России!..

Направляется вопрос: что же вами сделано за рубежом в условиях полной свободы для себя, для своих детей?.. Вы все лебезите перед старыми «вождями», заведшими вас и нас в тупик и здесь вас продающими оптом и в розницу.

Из года в год, вероятно, поднимаете бокалы, наполненные живительной влагой. Все поете, все танцуете, как несчастные скоморохи. Все делитесь и интригуете, или, как тут выражаются, все «почкуетесь»...

Вольные казаки! К сожалению, я не могу высказывать все в печати то, чем хотелось бы поделиться. Скажу одно: **не падайте духом!** Рассчет на собственные силы правилен. Все ждут взрыва, все ждут войны...

Мы — казаки самостийники не по настроениям, а по убеждению. Не история нас образовала и научила быть казаками (достойными предков), а тяжелая суровая жизнь. Горбom и умом дошли, что с **Россией нам больше не жить.**

Глубоко признателен вашей организации. Спасибо! И пусть это спасибо, как эхо, пронесется по всему свету и дойдет до каждого вольного казака, до каждого хуторского, станичного, окружного и Походного Атамана.

Мой искренний совет: не тяните, не зовите ненадежных в казачью национальную организацию, они не нужны и вредны. Не гонитесь за количеством, но политически воспитайте **только фанатиков казаков**, преданных казачьему делу...

Помните, там истории казачьей не знают ни молодые, ни старые. Все это понимается сердцем, нутром. Если найдется там тысяча казаков-националистов, знающих хорошо казачью историю, это будет большой подарок для будущего... Заканчивая эти строки, я говорю всем тем казакам, которые ушли в свою личную жизнь или, в пристяжку, снова идут за российскими партиями: советую вам обходить как можно дальше Казачьи Краи...

Я лично от себя и от всех тех, с кем связан навсегда и до смерти обещанием отомстить за смерть многих тысяч казаков, шлю проклятия тем, которые еще не осознали и не оценили страданий распятого, но еще живого Казачества!

Пусть преклонят головы все казаки националисты за тех казаков, которые ушли в иной мир и пусть помолчатся за переполненную чашу страданий тамошнего Казачества...

Просьба — перепечатать всем казачьим журналам и газетам, издающимся в эмиграции. Возможно, найдутся мои станичники или знакомые, пусть ответят по адресу: **Juan Kaymakoff, 2554, C. Coronel Diaz, Buenos-Aires, Argentina.**

10 апреля 1918 г.

ПАМЯТИ И. М. МАЛОВА.

Много ли еще тех, кто помнит 18-е апреля 1918 года? Прошло двадцать лет... Многим хочется поделиться с теми, кто жив, а тем, кто ушел от нас туда, «где нет ни печали, ни воздыхания», тем сказать — вечная память!

Хорунжий Иван Михайлович Малов был (казак ст. Грушевской) командиром 1-й сотни 7-го Донского Войскового Атамана Денисова полка. Сотня также состояла из казаков ст. Грушевской.

После неудачного занятия 1-го апреля гор. Новочеркаска, полк был размещен в станице Бесергеновской. 17-го апреля командир сотни Малов получил приказ выступить с сотней вместе с 6 батальоном 1-й Донской пеш. бригады.

Командующий южной группой полк. С. Денисов выехал на выгон станицы, где проходила сотня и батальон, и тут же отдал приказ занять в эту ночь станцию Персиановку и взорвать железную дорогу.

— Господин полковник, у нас нет ни одной динамитной шашки. Чем же взорвать дорогу?

— Хоть зубами, но взорвать обязательно нужно, — ответил полковник.

Была хорошая весенняя погода. Так как весною ночи коротки, то пехота не успела подойти к станции Персиановка, отстоящей от станицы Бесергеновской на 15—18 верст.

Рано на заре сотня подошла к станции, но большевики обстреляли ее и она отошла за бугор, где встретил батальон.

После этого батальону было приказано присоединиться к штабу, а сотне отойти на Мокрую Кадамовку. Верстах в четырех от станции, чтобы прикрыть отход батальона, сотня остановилась на одном току под скирдами и соломенными гатями.

День 18-го апреля с утра был пасмурный и немного туманный. Благодаря этому туману, прямо на сотню наткнулся большевистский раз'езд. Несколько казаков погнались за ними. Когда туман поднялся, по ним открыла огонь большевистская батарея, которая оказалась очень близко.

Командир сотни командовал «по коням!» и — справа по одному по извилистой балочке — на бугор. И только когда сотня стала перескакивать через бугор, только тогда большевики заметили ее и перенесли огонь по сотне. Но один за одним перевалили казаки бугор без урону.

Добрались до Мокрой Кадамовки. По правому берегу тянулись виноградные и вишневые сады. Везде

были землянки. В одной из таких и расположилась сотня. Были высланы раз'езды. Раз'езд по направлению г. Александро-Грушевска заметил, что едет какая-то подвода. Казак Мерников отделился от раз'езда, чтобы узнать, кто едет.

Когда «убедился», что это «мирный житель», повернул обратно и тут-же (в затылок!) был убит наповал. Подвода усккала.

День 18-го апреля (1-го мая по нов. ст., первый большевистский праздник), для южной группы оказался тревожным и тяжелым. Большевики с утра повели наступление большими силами со стороны г. Новочеркаска и ст. Персиановки на станицы Заплавскую и Бесергеновскую, а из г. Александро-Грушевска на станицу Мелиховскую, которая сдалась без боя.

А так как станица Мелиховская была тылом южной группы, то стало плохо. Тылом теперь стал, разлившийся верст на 7, Батюшка-Дон.

К вечеру большевики заняли окопы казаков и стали обстреливать станицу Заплавскую. Сотня была вне боя и осталась как бы в тылу. Раз'езд донес, что в полверсте или версте от сотни стали на позицию четыре большевистских пушки и обстреливают с северо-запада станицу Заплавскую, т. е. во фланг казачьей позиции.

Командир сотни, долго не думая, командовал «по коням!», с тыла бросился на батарею и забрал ее, а потом и на большевистские цепи — ура!

Я не стану описывать, что сделала сотня, т. к. есть где-то официальная сводка этого дня. Но только скажу, что 1-я сотня 7-го полка, под командой хор. И. М. Малова, спасла тяжелое положение дня 18-го апреля 1918 года.

Затем сотня в составе полка участвовала во взятии Новочеркаска 23 апреля (хотя добровольцы и пишут, что Новочеркасск взял полк. Дроздовский) и Ростова (после занятия Батайска).

В конце мая 1-я сотня была прикомандирована к Гундоровскому полку (2-й конной сотней) и осталась там навсегда, в составе которого не ударила лицом в грязь, а честно заслужила славу полку, полководцам и Казачеству!

Командир сотни И. М. Малов в Гундоровский полк не попал, а принял 2-ю сотню своего полка и также славно сражался за Казачество. 13-го марта 1919 года, в чине под'есаула он был убит под Луганском.

Спи, дорогой станичник и сослуживец, — нам еще предстоит большое казачье дело... **В. МАСЛОВ.**

Пасха в 1918 году

Христос Воскресе!

Прошло двадцать лет, но мне хочется поделиться с братьями казаками воспоминаниями о днях страстной недели и Св. Пасхи 1918 года.

Прочитав это воспоминание, может быть, найдутся в живых участники тех походов и вспомнят славные дни борьбы Донских партизан отряда ген. П. Х. Попова за самостоятельность и величие Седого Дона с красной сволочью. Подчеркиваю, что партизаны, борясь с красной Москвой, не ушли с родной Донской земли, а, оставив Новочеркасск, ушли в Сальские степи с надеждой и верой, что Казачество проснется и выгонит непрощенных гостей с Казачьей Земли.

Я самый старый партизан конно-пулеметной команды партизанского отряда ген. Семилетова, участник боев Матвеев-Курган, Зверев, Персиановка, Ельмут, Степной поход, Сальские степи, зимовники, лихой набег за патронами на ст. Великокняжескую восстание на Дону, путешествие на пароходах вниз по Дону до самой Раздорской; бои под Персиановкой и — вход в освобожденный дорогой для каждого донца Новочеркасск.

Как ясно представляются и сейчас мне страстная неделя и Пасха 1918 гда, когда, вернувшись из Степного похода, в хут. Мокром Лугу (Раздорской станицы) казачки и казачата привезли нам воз яиц и кули-

чей... А на первый день Пасхи — бой у руд. Бураса, Александро-Грушевск... На второй день Пасхи, через Хутунок, под звон колоколов, по трупам, оборванные, грязные со вшами в ватных шароварах, но с гордым видом, вошли мы в Новочеркасск.

Отстояли обедню в войсковом соборе. После — парад, совместно с дроздовцами перед Кругом Спасения Дона. Новочеркасцы засыпали нас цветами.

Был прекрасный весенний, солнечный день и солнце весело играло по золотым куполам Новочеркасского собора — грдости казаков. Каждый предлагал нам на постой свой дом, ванну и чистое белье.

Дай, Боже, чтобы нам дожить снова до таких счастливых дней, когда мы станем опять «отстоять обедню» в Войсковых Соборах и громко скажем:

— Христос Воскресе!

нашим отцам и матерям, братьям и сестрам, и всем казакам. Помогите, Боже, свергнуть власть красной нечести и работать, работать, не покладая рук, для возрождения, благополучия и величия нашей общей родины Казакии.

Верю, что «Черный Всадник» доставит мое слово казакам — здесь и там — находящимся — и они тоже вспомнят страстную неделю и Пасху 1918 года.

— Христос Воскресе!

Слава Казачеству! Слава Казакии!

Сотник Предтеченсков. (Бельгия).

Казачья эмиграция

ВК в Румынии

ПОХОДНОМУ АТАМАНУ ВК.

Глубоко потрясенные вестью о лишении Вас свободы, глубоко возмущенные попыткой вырвать сердце из груди Казачьего Народа, ВК Округ в Румынии нисколько не усумнился ни в мотивах, руководивших теми, кто вводил в заблуждение белградские власти, ни в Вашей правоте, наш избранник — Походный Атаман, олицетворитель казачьего народа, народа, дышащего национальным духом и стремящегося к свержению и удалению с Казачьих Земель всего красномундистического засилья-ига.

Бомба врага, брошенная в Вас, а, следовательно, и во весь Казачий Народ, не сокрушила Вас. Не сокрушила она и нас, казаков националистов, — наоборот, верим, что белградские события откроют глаза и тем, кто их держит еще закрытыми, а в нас, казачьих националистах, еще больше разожгут пламя любви и веры в свое Правое Дело и в Вас, нашего Атамана. Привет, посланный Вами нам из... является для нас первой вестью о том, что Вы уже на свободе.

Безгранично этому рады, г. Походный Атаман, и искренно приветствуем Вас и Ваше освобождение. Желаем Вам еще больше сил и здоровья для борьбы за осуществление казачьей национальной программы.

Но пусть же знают и противники, что своими действиями, они укрепили и сплотили нас, казаков националистов, еще сильнее вокруг Вас и ВК идеи.

Без страха и сомненья смело пойдем мы с Вами за казачье национальное дело, ибо с нами Бог...

Слава Казачеству!

Окружной атаман: С. Маргушин.

Пом. окр. атамана: А. Солдатов.

Окружной писарь: В. Дремачев.

РУМЫНСКАЯ ПРЕССА О ПРИЕЗДЕ ПОХОДНОГО АТАМАНА.

Думаем, что не только в Румынии, но и в других странах всем вольным казакам будет интересно знать (а тем более в связи с белградскими событиями), как отозвалась румынская пресса на приезд в Бухарест Походного Атамана ВК.

Самая старая и самая большая румынская газета «Универсул» в номере 23 от 24 января напечатала под

заголовком «Прибытие Верховного Вождя казаков-националистов в Европе»:

«Вчера после обеда прибыл в нашу столицу из Варшавы шеф казаков-националистов эмигрантов в Европе инженер Игнат Билый.

«Он носит в казачьей эмиграции титул Походного Атамана казаков националистов в Европе. Ему подчиняются казачьи организации во всех странах.

«Сегодня, в день десятилетнего юбилея основания журнала «Вольное Казачество» Атаман Игнат Билый примет участие в празднике, который устраивают казаки в зале «Кармен» по шоссе Янкулуй 27».

Националистический «Курентул» в тот же день в номере 3584 написал:

«Шеф казаков-националистов в Европе в Бухаресте.

«Инж. Игнат Билый, Верховный Вождь казаков-националистов в Европе, прибыл на несколько дней в Бухарест из Варшавы.

«Г-н инж. И. Билый издает в Париже журнал казачьего национально-освободительного движения «ВК».

«Он известен среди казаков-эмигрантов как Походный Атаман казаков-националистов, которому подчиняются все казачьи национальные организации в европейских странах.

«На Северном вокзале он был встречен окружным атаманом сотником С. Маргушиным, станичным атаманом Дулимовым и многими казаками.

«Казаки празднуют 10-летие основания журнала «ВК». Празднество это имеет быть сегодня. Примет в нем участие также и Атаман Билый. Праздник устраивается в зале «Кармен».

«Инж. Билый — великий борец против советского коммунизма еще со времени русской революции, особенно с тех пор, как стоит во главе журнала «ВК».

Уже после отъезда Походного Атамана те же издания поместили у себя такие отчеты:

«Универсул» (номер 27 от 28 января):

«В воскресенье было в Бухаресте в зале «Кармен» по шоссе Янкулуй празднество, устроенное бухарестскими казаками националистами.

«Присутствовал и Атаман Билый — шеф казаков националистов в Европе.

«Выступали (говорили): окружной атаман С. Маргушин, станичный атаман Я. Дулимов и др. прибывшие из провинции.

Атаман Билый сказал казакам, что они ни на минуту не должны забывать о своей родине Казакии, которую захватил коммунистический интернационал.

КАК ОТОЗВАЛАСЬ МОСКОВСКАЯ «ПРАВДА»

НА ПРИЕЗД ПОХОДНОГО АТАМАНА В БУХАРЕСТ.

Московская «Правда», в номере 41/7366/от 11-го февраля, напечатала большую статью под заголовком «Зарвавшиеся румынские авантюристы». В этой статье есть такие строки, посвященные приезду Походного Атамана в Бухарест:

«Совершенно замершая в 1935 году деятельность антисоветских белоэмигрантских организаций сильно оживилась при прямом попустительстве румынского правительства.

24-го января из Берлина прибыл международный авантюрист, известный уголовной полицией и контрразведкам многих европейских стран некий Билый, состоящий ныне на издешевении у «Гестапо». В нынешнем своем качестве гетмана антисоветской террористической организации «Вольное Казачество» Билый произнес, с разрешения румынских властей, речь, в которой призывал к крестовому походу против Советского Союза. Закончил он свою речь следующими словами:

«Теперь нам, наконец, здесь созданы благоприятные условия для работы. Мы благодарим за это нынешнее национальное правительство Гоги и заверяем его, что надежды, связанные с нами, мы оправдаем».

Румынское правительство, очевидно, забыло о взятом на себя во время восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом обязательства не допускать на своей территории деятельности антисоветских организаций».

— Словом, каждый противник ВК лжет и пишет о Походном Атамане и вольных казаках так, как ему нравится, как ему в данный момент нужно или выгодно. Мы, в свою очередь, ответим всем и каждому в свое время и надлежащим — наиболее для Казачества успешным и полезным — образом.

«Мы, казаки, — сказал Атаман, — с незапамятных времен боролись против русского империализма. Теперь особенно побуждает нас к тому тот же империализм, окрашенный в цвета коммунистические. Наши братья не могут больше выносить выпавших на их долю мук. Мы, находящиеся на чужбине, должны взять на себя надлежащую инициативу, чтобы в нужный момент доказать миру, что в нас еще течет казачья кровь. Мы имеем союзниками украинцев, кавказцев и остальные народности, находящиеся под властью СССР. «Выступали и украинские делегаты, присутствовавшие на празднестве».

«**Курентул**» (номер 3588 от 28 января) пишет:

«**Угнетенные национальности СССР органоузойются.**

«**Инициатива Верховного Казачьего Атамана в Европе.**

«Казаки националисты организовали в воскресенье в Бухаресте празднество, на котором присутствовало довольно большое число казаков и украинцев.

«При своем прибытии Атаман И. Билый был встречен казаками с хлебом и солью — по их обычаю.

«Окружной атаман С. Маргушин начал своей речью ряд других выступлений. После него говорили атаманы из провинции и украинцы, представленные журналистом Д. Геродотом и полк. Пороховским. Потом следовала речь Походного Атамана, который сказал:

«Мы, казаки, имели мировую славу. Должны сохранить ее и ныне, в особенности теперь, когда долг зовет нас спасти свою родину от коммунистической напасти. Казаки, будьте настороже. Обстановка складывается для нас благоприятно. Европа национализируется. Мы должны объединиться. Объединение национальных сил приведет к гибели коммунизм. Советы деморализованы. Там теперь не доверяют друг другу. Убиты по очереди главные действующие лица, способствовавшие установлению коммунистического режима. Приходит им конец. Это нас может только радовать... Мы в нашей борьбе имеем союзников в лице украинцев, кавказцев и остальных народностей СССР. Борьбу мы ведем против коммунизма. Мы хотим иметь свободной Казаксию — свою страну казаков...

«Благодарю румынские власти за доброжелательное отношение к Казачеству в трудные для него времена. Да здравствует Румынский Король Кароль III! Да здравствует гостеприимная Румыния!».

Перевела: Е. Герасимова.

ВК в Болгарии

ПРИЕЗД ПОХОДНОГО АТАМАНА ВК

Походный Атаман ВК инж. И. А. Билый пробыл в Болгарии семь дней: 25-31 января с. г.

Днем 25-го января его встретили на станции Горна Ореховица станичники Н. Е. Ковалев и Н. А. Лапкин и повезли в Лесковец на квартиру ст. Ковалева, куда вскоре собрался весь ВК имени Атамана Ермака хутор во главе со своим атаманом станичником Никитой Савельевичем Пискуновым. Завязалась дружная беседа. Много вопросов было задано П. Атаману. Много дум высказано было казаками. Затронули и больной вопрос об оппозиции, внесшей раскол в казачью национальную семью в Болгарии. Вольные казаки не скрыли своего огорчения «работой» гг. оппозиционеров. (Это свое огорчение они вылили позже в своем Установлении от 6-го февраля, напечатанном в прошлом номере журнала. Ред.).

Засиделись со своим Атаманом до поздней ночи. Сидели, может быть, и еще бы, если бы ему не надо было уезжать на поезд, отходивший на Софию в 2 с лишним часа ночи.

Следует отметить встречу П. Атамана со своим бывшим учеником. С соседнего села приехал увидеть своего учителя (по реальному училищу в Екаторино-даре) А. К. Белкин (сын недавно умершего члена Рады). Встреча носила радостный характер... Ученик тут же заявил о своем вступлении в ВК семью. (А. К. Белкин — из числа тех реалистов, которые со школьной скамьи пошли на борьбу с большевиками первыми. Ред.).

Утром 26-го февраля П. Атаман прибыл в Софию, где сейчас же имел продолжительную информацион-

ную беседу с атаманом и писарем Разинской станицы станичниками А. В. Лаврухиным и М. Н. Сальниковым, знакомясь с положением ВК дела в Болгарии.

Целью приезда П. Атамана, как оказалось, было — познакомиться на месте с положением дел, особенно с ролью и «деятельностью» «оппозиции» и на месте же изучить вопрос о созыве в Болгарии ВК с'езда, который бы, по мысли П. Атамана, внес в умы успокоение и послужил бы началом объединения ныне разрозненных казачьих национальных сил здесь.

На второй день приехали в Софию и станичники Лапкин и Ковалев.

Начались встречи и беседы Походного Атамана с казаками — с теми, кто его хотел видеть, или с теми, кого он хотел видеть... Много было таких встреч. И кажется, что беседы эти не были напрасными для казачьего дела.

Атаман Разинской станицы А. В. Лаврухин запросил предварительно все ВК организации — как бы они отнеслись к с'езду или совещанию с участием Пох. Атамана. Лишь один ответ был резко отрицательным (от Борисова из Казанлыка). В одном ответе (из Видина) настаивали на «примирении Билого и Кудинова». Три ответа были вроде «нельзя не сознаться, нельзя не признаться». 14 (четырнадцать) ответов было положительных. По этим цифрам уже можно судить о настроениях в казачьей национальной семье в Болгарии.

Учитывая полученные ответы, Походный Атаман решил созвать полный ВК с'езд в Болгарии, как только позволит то сделать обстановка.

В воскресенье 30 января состоялся открытый сбор Разинской ВК станицы, на котором П. Атаман сделал доклад на тему: Четыре попытки казаков там еще, дома, создать самостоятельное казачье государство.

Вспомнив начало казачьей борьбы с большевиками, докладчик подробно остановился на создании Юго-Восточного Союза в 1917 г., на проекте Доно-Кавказской Федерации ген. Краснова в 1918 г., на казачьей конференции 1919 г. и на Первом Верховном Круге Дона, Кубани и Терека 1920 г. Особенно подчеркивал П. Атаман причины, вследствие которых все те попытки не удались... Теперешнее ВК движение является пятой попыткой, которая должна удалиться, надо только хорошо учесть опыт прошлого, не надо больше повторять роковых ошибок, надо решительно отбросить в сторону все то, что в прошлом мешало казачьему делу.

С большим вниманием выслушала казачья аудитория содержательный, полный логики и веры в торжество казачьего дела доклад Походного Атамана ВК. После доклада много вольных и еще не вольных казаков подходило к Атаману и благодарили его за правдивое казачье слово и одновременно выражали сожаление о том, что устроители сбора не оповестили широко казаков в Софии об имеющем быть докладе, прослушать который должны были, по их мнению, все казаки.

Вечером 31-го января Походный Атаман уехал из Софии в Белград.

Корреспонденция эта пишется после 6-го февраля, когда стало известно об арестах казаков и П. Атамана в Белграде, и потому многие подробности о пребывании П. Атамана в Софии намеренно опускаются.

Русские люди и некоторые русские казаки из абрамовского окружения ликуют и торжествуют. Но большинство казаков не верит гнусной провокации в Белграде единомышленников тех, кто радуется тамошним событиям здесь. Казаки сожалеют только, что сербские власти так легко дали себя ввести в заблуждение. А кто ввел их в заблуждение, это всем ясно...

Слава Казачеству! Слава Походному Атаману!
(Соб. кор.).

ВК в Польше

Генералу Булак-Балаховичу.

Ваше Превосходительство!

В февральско-мартовские дни, дни весьма тяжелого политического испытания для ВКазачьего нацио-

нально-освободительного движения, когда на нашего Походного Атамана враги его и наши бросили ложное обвинение-клевету, Вы, Ваше Превосходительство, прочитав мое обращение-протест и призыв к спокойствию всех вольных казаков не усумнились в нашей правде и не поверили нашим врагам, чем поддержали мой дух и энергию для борьбы в нашем правом деле. Эта Ваша поддержка в нашем трудном политическом бою была моральной поддержкой не только для меня, но и для всего ВК.

Поэтому, от имени моего и всех вольных казаков прошу принять сердечное Казацье спасибо.

Окружной атаман ВК казаков эмигрантов в Польше:
Инж. Ф. Штовхань.

ПО ВК ОКРУГУ.

1. 27 марта состоялось заседание окружного правления ВК Округа в Польше, на котором постановлено предупредить все ВК организации о том, чтобы 1. на местах организации позаботились бы о выборах делегатов на очередной, третий, окружной с'езд. 2. Приговора-протоколы об избрании делегатов должны быть представлены окружному правлению, а копиями снабжены делегаты. 3. Организации на местах должны позаботиться о средствах для поездки своих делегатов на с'езд. 4. С'езд намечается летом в г. Варшаве. 5. В С'езде будут принимать участие с правом решающего голоса все организации, посредством своих делегатов, которые удовлетворят всем требованиям статута. 6. О времени С'езда желательно обменяться мнениями с организациями.

2. Согласно просьбы и постановления окружного правления ВК округа от 27 марта зачисляются в Округ, в состав ВК станицы — организации казаков эмигрантов в Варшаве — ВВД под'есаула **Алексея Диколенко**. Приветствую нового члена нашей организации.

3. В связи с арестом Походного Атамана ВК И. А. Билого в г. Белграде в феврале месяце, приславшим мне письма-протесты и материальную помощь для его освобождения, от всего окружного правления объявляю благодарность: 1. ВК хутору имени ген. Мамонтова казаков эмигрантов во главе с атаманом под'есаулом **Скакуновым** в Томашувке. 2. ВК станице имени атамана Назарова организации казаков эмигрантов во главе с атаманом **Ф. А. Сафоновым**. 3. ВК станице организации казаков эмигрантов во Владимире-Волынском во главе с ее атаманом **Г. А. Слесаревым**. 4. ВК станице организации казаков эмигрантов в Острове Мозовецком во главе с атаманом **А. И. Третьяковым**, а равно благодарю и всех приславших мне письма протесты одиночным порядком, а также и за материальную помощь для нашей организации благодарю вахмистра ВВД **И. В. Шевырева**.

4. За внесение в станичный бюджет расхода 6 зл. для «Казачьей Воли», для посылки делегатов на С'езд и для журнала «ВК», окружное правление объявляет всем казакам, входящим в состав организации казаков-эмигрантов в г. Владимире-Волынском, благодарность.

5. О всех поступивших средствах для издания журнала «Казачья Воля» будет объявлено на его страницах.

Окружной атаман: инж. **Ф. Штовхань**.

ВК во Франции

ПО ВК ОКРУГУ

1. Именем ВК Округа во Франции приветствую Походного Атамана ВК инж. И. А. Билого, желая ему здоровья и сил в столь страдное время.

2. Исключаю из списков ВК округа сотн. **А. М. Андруху** (ККВ), считая от 15 февраля с. г.

Основание: протокол № 11, ВК имени Н. С. Рябова станицы в Бельфоре.

3. Зачисляю в списки округа — полк. **Ф. О. Шевырева** (ВВД), под'ес. **А. А. Киселева** (ВВД), **О. И. Мисикова** (ВВД), ст. **Кузнецова** (ВВД), **Т. Я. Любимова** (ВВД), **И. Донскова** (КВ), **Я. Ивлева** (КВ), **Д. Мануйлова** (КВ), — считая с 5-го марта; сотн. **В. Г. Матеев** (ВВД), **И. Н. Жидкова** (ВВД), **Ф. Н. Вещевало-**

ва (ВВД), сотн. **Д. И. Братчикова** (КВ), вахм. **Ф. И. Кульгина** (КВ), ст. ур. **И. П. Дорохова** (КВ), **А. И. Плетнева** (КВ), **А. Г. Алейникова** 2-го (КВ), и **М. И. Зарудного** 2-го (ТВ), считая с 5-го апреля с. г.

4. Отменяю пар. 2-й, опубликованный в распоряжении по Округу во Франции (см. «ВК» № 238), ичитаю **М. И. Калинин** (ВВД) переведенным из состава ВК имени ген. Старикова станицы в Ромба — в состав ВК имени полк. Е. Грузинова в г. Кнютанже, считая от 1-го февраля с. г.

5. Утверждаю состав станичного правления ВК имени Атамана К. Булавина станицы в Туркуане, избранной на станичном сборе 13-го февраля: атаман **С. М. Антипов**, помощник — **М. В. Краснопахтов**, казначей — **А. Г. Лесников**, писарь — **И. А. Лаштабег**, доверенные: **А. С. Кошовой** и **И. С. Смагин**; ревизионная комиссия: **В. Т. Богданов**, **В. И. Шевырев**, **Г. С. Сотниченко**.

6. Утверждаю правление ВК имени Н. С. Рябова станицы в г. Бельфоре, избранное на станичном сборе 23 января с. г. в составе: атаман — **И. А. Тищенко**, помощник — **Н. М. Березлев**, писарь-казначей **Ф. Т. Жуков**. Ревизионная комиссия: **Х. С. Высоцкий**, **П. Ф. Лавров** и **А. К. Орехов**.

7. Утверждаю правление ВК имени полк. Чернецова станицы в г. Кастельнодари, избранное на станичном сборе 20-го февраля с. г., в составе: атаман — **В. Г. Чукарин**, пом. атамана — **П. Д. Чернышков**, казначей — **И. П. Колесников**, писарь **А. А. Куценко**. Ревизионная комиссия: **Г. М. Затенко**, **М. И. Тельнов**, **А. И. Осменцов**.

8. Утверждаю правление ВК имени А. И. Калабухова станицы в Париже, избранное на станичном сборе 3-го апреля с. г. в составе: атаман — сотник **В. С. Семенкин**, помощники атамана — есаул **Я. М. Ковалев** и есаул **М. М. Колесов**, писарь — подхор. **М. С. Бросев**, казначей — подхор. **Г. П. Павлов**, библиотекарь — подхор. **С. Н. Федосеев**. Ревизионная комиссия — под'ес. **Е. М. Якименко**, **Е. С. Басакин**, **Т. А. Медков**.

9. Утверждаю правление ВК имени «Черный Всадник» хутора в г. Труа, избранное на хуторском сборе 10-го апреля с. г., в составе: атаман ст. ур. **И. Е. Зарудный** 1-й, пом. атамана — **Н. И. Безбородов**, казначей — подхор. **Г. К. Алейников**, писарь — хор. **К. Ф. Орлов** и председатель ревизионной комиссии **С. И. Мержликин**.

Окружной атаман: **А. Ленинов**.

ОТ ОКРУЖНОГО АТАМАНА

В последних числах марта на страницах русской газеты «Последние Новости» было напечатано письмо ген. Исаака Ф. Быкадорова, где он возмущается тем, что он зачислен в списки ВК Округа во Франции.

Не вдаваясь в излишние рассуждения, отмечаю, что мной зачислен в списки ВК Округа, считая с 1-го февраля, казак ВВД — **Иосиф Федорович Быкадоров**, 62 лет, родной брат (старший) ген. Исаака Федоровича Быкадорова.

Зачисление произведено согласно отношения атамана ВК имени К. Бардижа куреня в Виши **С. И. Чепурного**.

Слава Казачеству!

Окружной атаман ВК во Франции:

А. Ленинов.

В ПАРИЖЕ.

3-го сего апреля, состоялся сбор ВК имени А. И. Кулабухова станицы в Париже. Сбор был особенно многолюдный т. к. на сборе должен был присутствовать Походный Атаман ВК инж. **И. А. Билый**.

Когда все собрались, атаман станицы полк. **И. Н. Плавов** объявил сбор открытым и приветствовал Походного Атамана таким словом:

Прошлый раз, всего две недели тому назад, каждый из нас шел сюда с подавленным чувством, думая «думу крепкую». А думать было о чем. Белградские аресты казаков не могли не вызвать чувства тревоги в лагере казаков националистов. Говорю, — у казаков-националистов именно потому, что для нас каждый

казак дорог... Для нас же те аресты были тяжелы еще тем, что среди арестованных был наш Походный Атаман. Наши тревоги за его судьбу усугублялись тем, что главная цель арестов была, очевидно, ликвидировать главу ВК освободительного движения.

Расчет врагов был правилен. Им нужен был Игнат Билый, а все остальное было как бы декорацией к главному акту преступной затеи, ибо с ликвидацией вдохновителя идеи Казачьей независимости, убивалась, пусть даже хотя и на время, сама идея.

В самом деле! Допустим, что Билый убран, не существует. Что дальше? Кого ставить на его место?..

Говорят, что была бы жива идея, а люди найдутся для ее проведения. Это глубоко не верно. Верно, идея казачьей независимости не нова. А много ли было борцов за эту идею в прошлом? Был Разин, был Булавин — звезды, так сказать, крупной величины, пытавшиеся не только проповедывать, но и проводить ее в жизнь.

В нынешние годы казачьего лихолетия волею судьбы выдвинут на борьбу за осуществление идеи Казачьей независимости инж. И. А. Билый. Мало одной идеи, нужен еще волевой и сильный человек для ее реализации...

Вот почему глубоко не правы те, кто говорит, как например один из видных членов к нашему удовольствию уже развалившейся «оппозиции», что «чорт с ним, с Билым, но с ним арестованы казаки, надо их спасать»...

Я же не могу скрыть своей радости и думаю, что и вы все разделяете мои чувства, что сегодня среди нас присутствует наш Походный Атаман. Затея наших врагов не удалась. Натиск отбит. Казачество одержало крупную победу.

Слава Казачеству и нашему Походному Атаману!

Долго и дружно казаки приветствуют Походного Атамана аплодисментами и криками Слава!

Походный Атаман благодарит всех вольных казаков за то, что, когда на него и на все ВК была возведена клевета недругами Казачества, никто из вольных казаков этой клевете не поверил.

— Правильно указал ваш атаман, — продолжает Походный Атаман, — что врагам нужно было убрать именно Билого. Аресты в Белграде начались 4-го февраля утром, а меня арестовали только вечером. Вероятно, они делали это так для того, чтобы дать мне возможность «бежать», а «при побеге» легче было бы меня ликвидировать. Но бежать мне было нечего, ибо я никакой вины перед властями Югославии за собой не чувствую.

Дальше Походный Атаман кратко рассказывает о пережитых им страданиях, говоря, что подробно скажет об этом немного позже на страницах журнала «ВК».

Затем станичный атаман делает краткий доклад о деятельности станичного правления, читает заявления новых членов о приеме в станицу.

Сбор принимает новых членов, а также благодарит станичное правление за деятельность. После чего станичное правление слагает свои полномочия и просит выбрать председателя и секретаря для ведения сбора во время выборов нового правления.

Сбор просил остаться станичное правление, но оно отказалось.

Председателем сбора избран полк. **Ф. О. Шевырев**, а секретарем **Е. М. Якименко**.

Потом сбор еще раз просит полк. **И. Н. Плахова** остаться на второй год, но он, объясняя условия своей работы, отказывается.

Сбор приступает к выборам станичного правления.

Закрытой баллотировкой избираются: атаман станицы **В. С. Семенкин**, его помощниками — **Я. М. Ковалев** и **М. М. Колесов**, станичным писарем **М. С. Бросов** и казначеем **Г. П. Павлов**. Библиотекарем избран **С. Н. Федосеев**.

В ревизионную комиссию избраны ст. ст. **Басакин**, **Медков** и **Е. М. Якименко**.

Тут же станичное правление представилось Походному Атаману и с возгласами — Слава! сбор был закрыт.

В ОШЕ.

На годичном сборе ВК имени Атамана Некрасова станицы в г. Оше согласно парагр. 15 станичного устава, были избраны: атаман станицы **Афанасий Ильинов**, пом. атамана — **Григорий Ларионов**, писарем — **Михаил Корольков**, казначеем — **Корней Строганов**. В ревизионную комиссию — **Кузьма Дьяченко** и **Ефим Нартов**.

Станичный атаман: **А. Ильинов**.
Станичный писарь: **М. Корольков**.

РЫЦАРИ-ПРИЗРАКИ...

Под'есаулу Шепелю и его группе вольных казаков джигитов.

Как приятное видение, как сладкий сон, прошли вы перед нами, славные рыцари Казакии.

Многие — и иностранцы, и русские казаки, — шли на джигитовку с целью посмотреть, покритиковать упражнения, посудачить о конях, об уборе казаков.

Скажу откровенно, и я, и вольные казаки нашего маленького хутора, шли не с этими мыслями. Мы знали заранее, что джигиты уже не молодые, кони не казачьи, сбруя и форма избилась, износилась.

Нет! Не мишура грошовой позумента, не классически правильные приемы верховой езды и не костюмы тянули нас в Мериняк. Нам хотелось еще раз увидеть людей, гордо и смело несущих свой национальный казачий флаг и, как древние рыцари, подняв забрало, заявивших Франции и миру: «Мы — вольные казаки!».

Слава Богу, что мы искали, то нашли. О чем мечтали, то увидели.

Мы нашли дружную семью казаков. Не видно было даже и тени какого бы то ни было понукания. Всякий стремился делать все, что мог.

О джигитовке говорить не стану. Она превзошла ожидания. Люди с поломанными ребрами, с перебитыми руками, с выскакивающими из суставов ногами, проделали лихо и отчетливо военные упражнения, во имя и славу своих Краев.

Стоявшая рядом со мной дама (француженка) спросила меня, указывая на казака Кокоткина, побледневшего от боли после исполнения «номера»:

— Почему он так бледен, этот казак?

— От боли в вывихнутой ноге, мадам...

— Но что же его заставляет это делать?

— Любовь к его родине и своему имени, мадам....

— Удивительные и непонятные люди. Находясь в полубоморке от боли, скачут на лошадях, гикают, улыбаются. Это — большие артисты!

— Нет, мадам, это не артисты, это казаки.

Положительно великолепно были эти странствующие рыцари в убогости своего наряда, на конях с израненными спинами, на которых они не сажались долгие месяцы, в своей душевной простоте, которая выше всякой спеси.

Французы были в восторге от упражнений, хотя слышались и замечания: «они не все делают, лошади у них не казачьи... Дайте им казачьих коней — вот тогда — о, ля ля!»

Да, дайте казакам коней казачьих; дохните на них вольным воздухом Краев казачьих, напоите их живою водою Дона, Кубани и Терека, и вы увидите, что эти искалеченные люди еще покажут миру чудеса...

Не иссякла еще сила казачья. Есть еще порох в пороховницах и надежда в сердцах.

Есть среди джигитов — Ваня удалец. Этот создаст новую смену тем, кто по веле Бога, уйдет в другой мир. Он поддержит смелою рукою ВК знамя и донесет его в Родные Края...

Под конец джигитовки раздалась лихая песня и танцоры «доказали» лезгинку.

Великолепный состав группы, начиная с Шепеля и кончая трубачем украинцем.

Слава тебе, храбрый Шепель! Слава вам, все джигиты, вольные казаки! Слава и вам, друзья украинцы, делящие участь казаков...

Может быть, после нас в Родных Краях, освобожденных от врагов, матери будут, уча своих детей, рассказывать им о том, как по чужим землям под'есаул Шепель с казаками славил удаль козачу и свою Кубань.

А. Диановский.

ВК в Чехословакии

В ПРАГЕ.

20-летие казачьих армий.

16-го января состоялся в Праге сбор казаков националистов, посвященный 20-летию казачьих армий. Этот сбор совпал с радостным событием — с приездом нашего Походного Атамана.

Надо сказать, что, хотя приезд Походного Атамана был и неожиданным, но казаки националисты в Праге все-же достойно встретили своего руководителя.

Прекрасный светлый зал новой Вршовицкой соколовни великолепно декорирован. Позади стола президиума стоит высокий постамент, накрытый казачьими флагами и прикрепленными к нему портретами Атамана и ген. И. В. Турчанинова. Над постаментом висит художественно исполненный плакат, отвечающий идее сбора. По сторонам постаментов во все время сбора стоят парные часовые, меняясь каждые полчаса. По-переменно — два в донской форме, затем два в форме кубанской.

Сбор вышел поистине импозантным. Зал переполнен. Хлопотливые, энергичные распорядители едва успевают и едва могут находить места для приходящих.

В 4 час. дня Походный Атаман с супругой, в сопровождении ст. К. К. Полякова, прибыл в соколовню. В дверях, ведущих из вестибюля в зал, стоят парные часовые: сотн. **Школяр** и **Гаркуша**.

Походный Атаман быстро входит в зал. Сотн. **С. Школяр** громко и четко предупреждает:

— Станичники, встать! Походный Атаман ВК.

Из-за стола президиума встает седой казак, ст. К. К. Пархомов, и подает команду сбору:

— Станичники, встать! Походный Атаман ВК!

Сбор встает. Походный Атаман, войдя, приветствует сбор: «Слава Казачеству!».

Строго дисциплинированное настроение, царящее на сборе турчаниновцев, прорывается бурей приветствий: Слава! Слава! Слава!...

Станичники подносят супруге Походного Атамана букет роз. Походный Атаман в сопровождении ст. К. К. Полякова, знакомится с каждой станичницей и станичником в отдельности.

После этого Походный Атаман занимает место за столом президиума. Ст. К. К. Поляков спрашивает у Походного Атамана разрешения открыть сбор и, получив его, открывает 18-й сбор казаков националистов в Праге.

Сбор исполняет казачьи гимны.

Потом ст. **К. К. Поляков** приветствует Походного Атамана следующим словом:

— Сегодня мы имеем счастье приветствовать в своей среде нашего Походного Атамана ст. инж. И. А. Билого. Мы приветствуем того, кто 10 лет без уклон, без изгибов, твердо руководит казачьим национальным движением, идущем от успеха к успеху.

Наш Походный Атаман, Вы принесли с собой то общее настроение национального пафоса, которое так свойственно всем нашим национальным организациям. Мы просим Вас передать им то, что казаки националисты-турчаниновцы, как и они, знают один только путь вперед!

Слава Походному Атаману ВК! Слава Казачеству! (Зал гремит приветствиями: Слава! Слава! Слава!).

Потом ст. **К. К. Поляков** начинает свой доклад, посвященный 20-летию Казачьих армий:

«На границах горькая разгоралась в тот год страда: лапала смерть работников и не одна уж простоволосая казачка отпиралась, отголосилась по мертвому: «И, родимый ты мо-о-о-й!... На когоч ты меня покидаешь?».

Ложились, родимые, головами на все четыре стороны, лили рудую казачью кровь и мертвоглазые, беспробудные, истлевали под артиллерийскую панихиду в Австрии, в Польше, в Пруссии...

Знать не доошит восточный ветер до них плача жен и матерей» (М. Шолохов: «Тихий Дон»).

Так сказал М. Шолохов о тех, кто пал в бою на чужих полях, но пришел грозный час, когда казаки стали умирать под гул орудий на своей родной степи...

На этот раз их противником были не австрийцы и немцы, а те, кто крестился так же, как они; те, ко-

торые называли себя единоверными братьями казаков.

Поражаемые свинцом и сталью русских, последний раз они принадлежали к родной ковыльной степи...

Были среди них старики и дети, были среди них и женщины, потому что в народной борьбе не спрашивают о возрасте, не спрашивают о поле...

Вспоминая сейчас эту мертвую казачью армию, этих бойцов, отдавших своему казачьему Отечеству самое большое достояние — свою жизнь, я прошу почтить их память вставанием. (Сбор встает).

Сегодня мы отдаем честь казачьим армиям, тем армиям, которые не были поражены противником. Поражены они были ошибками тех своих людей, которые были призваны творить лучшее. Неопределенная, сплошь и рядом, вредная деятельность некоторых казачьих политиков руссофильской марки и представителей высшего командного состава, помешали славной казачьей армии достигнуть своей цели.

Катастрофа, которой закончилась героическая борьба казачьих армий, дает нам право утверждать, что военная акция казачьих государственных образований пошла вразрез с акцией политической.

Казачьи армии были национальными. Как рядовые бойцы, так и часть командного состава, правильно понимали интересы казачьего народа. Те эпизоды, которые происходили на границах казачьих земель, когда казачьи части отказывались их переходить, и настроение Кубанских частей после смерти Кулабухова и Рябова, убеждают нас в этом.

Причины, вызвавшие катастрофу, следует искать глубже. Они коренятся в первых днях казачьей государственной жизни.

Вот как изображается тогдашняя обстановка в «Кратком очерке политической истории Всевеликого Войска Донского»:

«И в то время, как в Новочеркасске воскрешали самоуправление наших предков, донские полки на фронте и в разных местах России, твердо хранили завет дедов и оставались казаками среди окружающего развала армии.

Армия бежала с фронта, грабя прифронтовую полосу, солдаты захватывали поезда, но среди них не было казаков.

Войсковые части на фронте митинговали, обсуждали приказы и отказывались их исполнять, — но этого не делали казачьи части».

Ясно было, что фронт разрушен и что русскую армию восстановить нельзя. Она обратилась в толпу дезертиров и мешочников, а гвардейский Петроградский гарнизон торговал папиросами.

Надо было сохранить казачьи части от разложения, надо было вывести их из этого сумасшедшего дома, в который обратилась Россия. Но этого во время сделано не было. Донское правительство почему то медлило. Казачьи части, в конце концов, сами начали покидать фронт. Но было уже поздно. Они должны были проходить по территории, охваченной уже большевистским безумием. Этот кошмар, который они видели на пути, безусловно, вызвал у них упадок духа и они вернулись, хотя и дисциплинированы внешне, в порядке, но все же не такими, какими бы они были при своевременном возвращении.

Член Совета Казачьих Войск П. Ковалев так пишет в «Донской Волне» о настроениях и мыслях Атамана Каледина по этому поводу: «Хотелось Атаману увести во время своих казаков с фронта. Он не верил интендантам и боялся, что казаки будут голодать на фронте. — Лучше им отдохнуть в станицах. Россия безнадежно больна, пусть хоть Казачества не коснется всероссийская зараза».

Так думалось, а делалось почему то иначе. Вообще деятельность казачьих правительственных кругов не отличалась в то время должной категоричностью, твердостью и последовательностью.

А казачьи полки, вернувшись домой, увидели то, что стало второй ошибкой, допущенной их Правительством. На улицах своих городов они встретили людей со всякими эмблемами на рукавах. Это были чины формировавшейся, с разрешения Донского правительства, Добровольческой армии.

Этой ошибкой Правительство вооружило против себя казачьи части, вернувшиеся с фронта, а свою государственную работу, допустив эту ошибку, лишило логики.

Вот пример, подтверждающий мое последнее ут-

верждение: Когда члены Совета Союза Казачьих Войск вели переговоры с Лениным, то на их заявление о том, что казаки хотят защищать только свои интересы и свои права, Ленин указал им на Добровольческую армию, гнездо которой было в самом городе Новочеркасске — столице Дона. И члены Совета Союза Казачьих Войск ничего ему не могли ответить.

Но эта вторая ошибка была чревата еще большими последствиями — она вызвала на Дону свою казачью революцию. Повторяю: казачью революцию. На Дону стало две столицы: Новочеркасск и ст. Каменская. В Каменской утвердилось революционное правительство, выдвигавшее, наряду с другими требованиями, требование роспуска Добровольческой армии — армии русских помещиков и офицеров.

Это правительство опиралось на казачьи боевые части: 1-ю, 5-ю дивизии, гвардейскую бригаду, гвардейскую батарею и на другие полки, отдельные сотни и батареи.

В этом революционном правительстве были следующие лица: Подтелков, Кудинов (не знаю о каком Кудинове идет речь, т. к. в «Донской Волне» не указано имя. К. П.), Кривошлыков, хор. Маркин и сотн. Смирнов.

В «Донской Летописи» и других зарубежных изданиях, выпущенных некоторыми бывшими казачьими политиками, читатель не найдет такого определения этого движения казаков. Нигде оно не названо революцией. Причина понятна: наличие в то время донской казачьей революции говорит об ошибках тех, кто эту правду хочет скрыть. Но, к счастью, есть источник, из которых эту правду можно почерпнуть. Казачьи печатные органы, выпущенные в то время, помогают нам это сделать. В № 8 журнала «Донская Волна» за 1918 год читаем о том, что формирование добровольческой армии вызывало «неизбежность гражданской войны на Дону».

Таким образом, выступление казаков Подтелкова определялось, как гражданская война на Дону.

Но это выступление, начавшееся под казачьими лозунгами, было переключено, в конце концов, на рельсы красной России. Последнее дает нам право обвинять Подтелкова и его соратников в том, что они пошли против подлинных казачьих интересов. Да, они виноваты!

Но свободны ли от этой вины некоторые их соперники, бывшие в Новочеркасске? Нет! Если выступление революционных казаков было переключено на рельсы «красной» России, то они переключили интересы казачьего народа на рельсы «белой» России, по которым мы и докатились к Новороссийской и Крымской катастрофам.

Перед Казачеством виноваты как те, так и другие. В этом месте я хочу сказать следующее: казачьи национальные политики и журналисты призваны не для того, чтобы идти дорогами, проторенными чьими то ногами, делавшими, кстати сказать, неверные и нетвердые шаги, они призваны для того, чтобы прокладывать прямой казачий шлях через тот чертополох, который вырос от семян посеянных руками изменников и трусов...

И вот, в то время, между этими белеющими и краснеющими казаками, спорящими из-за чужих интересов, стала армия детей. Они взяли в руки винтовки, которые очень часто были выше их роста, и пошли на смерть, руководимые одним только чувством безграничной любви к своей казачьей родине. А поэтому им принадлежит право и высокая честь носить имя основоположников казачьих армий.

Они не дали казачьим знаменам коснуться земли. Своими детскими и юношескими руками они удержали их над казачьей степью.

Полк. В. Чернецов, войск. стар. Семилетов, есаул Ф. Назаров, под'ес. К. И. Попов, на Кубани Галаев и на Яике полк. Курин — вот имена их славных командиров, память о которых будет жить, пока живет казачий народ.

«Точно былинки в поле, стояли они, одинокие воины дети, против урагана большевизма; тяжко гнулись надламывались и гибли, но пережили бурю и возродили, вернули к жизни Родимый Край» («Донская Волна», Гордеев).

Я не буду говорить сегодня о восстании и о втором периоде борьбы казачьего народа за свою свободу. Это я предоставляю станичникам, выступающим

после меня. Скажу одно: борьба, которая произошла на казачьих землях, по жертвенности, проявленной казаками, не имеет себе равной в истории человечества. Боролись все, весь народ. В этой борьбе, повторяю, не спрашивали, кто какого возраста и пола.

Но, раз допущены ошибки не только не исправлись, а углубились еще больше. Ставший атаманом ген. Богаевский — добровольческий генерал — стал виновником величайшего парадокса, подчинив казачью армию на своей земле, в своем государстве, русскому беженцу ген. Деникину. А результатом этого были Новороссийск и Крым.

Прошло много лет... И вот в наши дни над миром снова собираются черные тучи... Мы верим, что за этими тучами скрываются солнце нашей казачьей свободы. Ураган событий разорвет эти тучи и солнце свободы согреет наш уставший, истекающий кровью народ.

Но мы не хотим быть и не будем праздными свидетелями этих событий. Мы будем активными участниками их, потому что тот, кто пошел, осознав себя национально, тот уже боец — боец на любом поле: сегодня с пером или киркой и лопатой, завтра с винтовкой.

На Московском совещании в 1917 году Атаман Каледин заявил о том, что казачьи полки не имеют дезертиров. Сегодня мы с гордостью повторяем: среди наших братьев и отцов не было дезертиров!

В каждой армии любого государства есть так называемые железные дивизии. Это название определяет их высокую боеготовность, их ударность.

В казачьей армии не было железных дивизий, потому что она вся железная.

Слава Казачьей железной армии! Слава Казачеству!

Слово ст. д-ра С. У. Степанова:

«Походный Атаман, уважаемый Игнат Архипович! Приветствую Вас от имени калмыков националистов, находящихся в рядах турчаниновцев. Приветствую того, кто вот уже 10 лет твердой рукой ведет Казачество к лучшему судьбам его.

Походный Атаман, не забывайте, что спасение Казачества есть вместе с тем и спасение калмыцкого народа.

После приветствия, ст. Степанов переходит к докладу:

«Темой сегодняшнего нашего сбора является — «20-летие казачьих армий». Эта тема и для нас, калмыцких националистов, дорогие станичники, одинаково, как и для вас, является близкой и родной.

20 лет тому назад в беспримерно жертвенной борьбе славных казачьих армий за свободу и независимость казачьих народов, принимали не менее жертвенное участие и донские калмыцкие полки.

В пору фатальных поворотов в исторической жизни Казачества, калмыцкий народ на Дону был с ним и дал ему тогда все, что было в его силах и возможностях. Ничем не поколебимую верность свою Казачеству и общим жизненным идеалам нашим калмыцкий народ заплатил страшной ценой, ценой гибели почти всех донских калмыков.

Но народ наш несколько не сожалеет о том, что принес такие чрезвычайные жертвы во имя своей исторически испытанной дружбы с казачьим народом. Верными и искренними друзьями были мы в дни мирного жития и созидания. Таковыми же мы остались и в дни великих потрясений, которые выпали 20 лет тому назад на долю наших народов.

Старая мудрость человеческая гласит, что истинные друзья познаются в беде, в несчастье. Да, в невыразимом всенародном несчастье нашем, которое постигло нас в недавнем прошлом, мы, действительно, не познали более преданных друзей, кроме Казачества. И в настоящие дни, дни изгнания, согбенные под тяжестью выпавшего на нашу долю чудовищного жизненного испытания, продолжаем идти рука об руку. Ваш покорнейший слуга, дорогие соратники, является одним из тех калмыков, которые на вечные времена уверовали в жизненность и нерасторжимость уз наших дружественных чувств, связавших нас когда то в века и довлеющих над нашими душами и по сей день.

Не без внутренней гордости и радости заявляю вам, что Казачество и калмыцкий народ есть крепкое духовное единство, которому, смею вас заверить, не страшны никакие социально-политические катаклизмы,

вызываемые на поверхность человеческой жизни смятенной душой русского народа.

20 лет тому назад, когда Русь Аракчеевых с их шпиц-прутенами, которыми они гнали своего «богоносца» Бог знает куда и зачем; Русь Карениных трусливо отворачивавших свои глаза от воображаемого дула револьвера, направленного на них любовниками их жен; Русь Земляники, с их борзыми щенками; Русь скупилинов Плюшкиных, похотливых Карамазовых и лежебоков Обломовых — сменилась Русью тех, кто начал с неким неземным прекраснотворением щедрой рукой метать биссер перед «свиньями», — тогда и казацьи народы устами своих ответственных представителей заговорили, правда, не столь категорически, как следовало бы ожидать, о своих естественно-исторических правах на государственно-политическое самоуправление.

Вы сами знаете, как было отвечено представителями новой революционной Руси на это тихое, смиренное, даже подобострастное бормотание тогдашних вершителей судеб Казачества о его исконных правах на независимое государственное бытие: требованием выдачи Петроградскому правительству первого выборного Донского Атамана, а высказанные вполголоса пожелания казачьего народа этим же правительством были квалифицированы, как измена и предательство России.

Но жизнь неумолимо шла вперед, послушная воле своих, трудно исповедуемых, законов. Над «великой бескровной русской революцией» начали сгущаться грозные тучи... Наступление кровавых событий не заставило себе долго ждать. Новоявленные властители российские вскоре вынуждены были в крестьянской тележке, в облачении Пульхерии Ивановны, бежать от тех, кто еще вчера самозабвенно-восторженно кричал им: «Осанна!».

На смену им выходил на авансцену исторической жизни русского народа тот, кто, по выражению покойного президента Чехословацкой республики Массарика, является олицетворением культурного и экономического примитивизма русского мужика — Ленин...

Первые бежали в казачьи земли и у вчерашних своих «предателей» искали не только личного спасения, а главное, видели в них последнюю возможность и надежду на возрождение своей родины, а вторые направились нас грабить и насаждать огнем и мечом более чем сомнительные плоды надрывной души русско-го интеллигента. И вот, когда вчерашний раб по своему, по-рабски, воспринявший предоставленную ему свободу, начал подвергать беспримерному в истории культурного человечества поруганию все дорогое и святое нам в наших землях, никто иной, как казачья молодежь, с оружием в руках восстала против дикой, кровавой мужицкой вакханалии. Это она, казачья молодежь, с энтузиазмом и жертвенным идеализмом положила основание тем казачьим армиям, которые в последующие месяцы носили название армий независимых казачьих республик.

Сегодня мы, вдали от родины, вспоминаем 20-летие этих армий. Я более чем убежден, что при этих близких нашим сердцам словах, перед духовным взором каждого из нас встает во весь свой рост почти трехлетняя гигантская борьба наших народов за бессмертное наследие наших предков.

Не следует скрывать от себя, что вспоминаем мы сегодня одну из самых трагических эпохи истории Казачества, эпоху, давшую нашим народам не только огромное число бессмертных героев-мучеников, но и породившую нечто такое, что действительно явилось непосредственной причиной нашей катастрофы и что нельзя иначе характеризовать, как политическое шарлатанство и фарисейство наших вождей. В самом деле, создавать государство с внутренней оговоркой «вперед до» воскресения из мертвых единой, неделимой России — не есть ли это худший вид человеческого фарисейства?

А будучи одержимыми, во что бы то ни стало, услаждать малиновый звон московских колоколов, — насиловать себя, свою душу и заставлять сотни тысяч пных людей присягать на верность этому государству — не есть ли это преступно-государственный обман? Но в этом месте встает предо мной множество вопросов, на которые хочется дать свой посильный ответ.

Какова же, в самом деле, участь, с грехом пополам созданных казачьих республик? Ответ: их нет!

А где же казачьи армии, 20-летию коих мы сегодня посвятили наш сбор?

Ответ: одна незначительная частица их пребывает с нами в рассеянии, другая часть томится в рабстве у изверга рода человеческого, а третья покоится вечным сном в недрах родной земли.

Каковы же реальные результаты той страшной смертной схватки Казачества с лютым врагом его, которая имела место 20 лет тому назад?

Ответ: Казачество снова в неволе.

Какова же действительная судьба так несчастливо начатого практического осуществления вековых народных идеалов наших? Ответ: несмотря на страшные жертвы, принесенные казаками на алтарь своего отечества, все рухнуло в бездну небытия и потонуло в обильно пролитой крови человеческой.

Спрашивается: кто же несет ответственность за всю трагедию нашей настоящей жизни? Деникин? Врангель? Или большевики?

Нет, не они являются прямыми причинами нашего всенародного несчастья. Прежде всего, за трагедию Казачества ответственные наши же люди, коим было тогда предоставлено высшее руководство политическими судьбами Казачества.

Погубило нас политическое верхишество этих людей, комбинированное с верноподданническими чувствами к Московской Руси.

Где то я читал, что однажды какой то английский лорд задал одному турецкому паше следующий вопрос: «Почему турки облачаются в европейскую одежду, а головы покрывают фесками?».

Турецкий паша ответил, что так поступаем мы для того, чтобы наши фески неизменно всюду и везде нам напоминали, что на наших плечах турецкая голова.

Я это говорю к тому, что 200-летнее пребывание казачьих народов под Московским владычеством прошло не без видимых ущербов для национального самосознания их.

И вот, когда Рок призвал казаков, бывших, воспитанников русских школ, вершить национально-политические судьбы Казачества, тут-то во всей своей неприглядности обнаружилось, что на плечах казачьих вождей не оказалось казачьих голов.

А где же была казачья голова и в какой такой шапке невидимке она блуждала в мире сем? Убежден, что не преувеличу, если скажу, что, возможно, казачья голова и пребывала среди казачьих куреней, но, к сожалению нашему, на нее, по самые уши был натянут черный мужицкий картуз, который потом и сыграл свою некрасивую роль в жизни наших народов.

И вот, когда наступили такие события в жизни Казачества, даже головной убор не напоминал нашим отцам, что на их плечах должна быть казачья голова. А потом они в силу этого досадного обстоятельства во всей своей дальнейшей деятельности буквально уподобились старику из калмыцкой сказки, который, некогда, идя по степи и встретив две расходящиеся тропинки, возгорел желанием не обидеть ни одну, ни другую и пошел по ним, широко расставляя ноги. Вскоре он заметил, что дорожки, чем дальше, тем шире расходятся, но все же, напрягая последние силы, продолжал идти. И, наконец, сил не хватило, старик разорвался на две половины, которые до сего дня лежат меж двух тропинок.

Правда, наши прошлые «вожди» буквально физически не лопнули от потуги ходить по двум дорожкам, но, как тени, как живые мощи, продолжают и по сей день бродить между Москвой и Казачеством.

В самом деле, кто, например, писал конституцию, т. е. Основные Законы ВВД? — Они! Кто создавал прекрасную форму присяги на верность этому государству? — Они!

Кто первый нарушил данную клятву и, после поражения Казачества, рассеялся по русским политическим партиям? Они!

Кто впервые давал разрешение в казачьих землях организовываться русским беглецам в Добровольческую армию? — Они!

Кто потом прошел через военно-полевые суды и деградации? — Они!

Кто, создавши независимые казачьи республики,

потом думал о реорганизации армий этих республик в русскую армию? — Они!

Так что же это такое: уму обыкновенно смертного непостижимая какая-то высшая политическая мудрость или психология счастливого раба? Да, это есть самое яркое выражение психологии счастливого раба. И не это ли есть хождение по двум фатально расходящимся путям?

Но, они теперь нам совсем не страшны. Волею судьбы среди нас сегодня присутствует муж железного характера — это Походный Атаман национального Казачества, который десять лет тому назад с горсточкой приверженцев своих четко, всесторонне исчерпывающе формулировал **национально-политические идеалы Казачества** долженствующего вывести его из **сегодняшнего несчастья**. С 1927 года ведет свое начало быстрый рост национального самосознания Казачества и ему теперь не страшны никакие лукавые мудрования бродящих между Москвой и Казачеством.

Слава Походному Атаману ВК! Слава Казачеству!»

Затем говорил ст. **Храмцов:**

«Уважаемые гости, дорогие станичники! Недавно кто-то написал, что казачья правда о казачьей армии не понятна и не ясна, а потому она — неправда.

Утверждаю, что правда казачья есть правда, хотя для некоторых «умов» и «разумов» она не понятна и не ясна...

Для нас, казаков националистов, 1917-18 г.г. имеют особое значение. В эти годы воскресла казачья армия. Армия не добывательница, а армия хранительница казачьей свободы. И, если подсчитать, то можно сказать, что казачья армия в 1919 году — было все Казачество — от мала и до велика.

Военный историк оценит полной и справедливой ценой армию казаков... Если бы казачьи армии имели бы во главе атаманов и вообще начальство, какое имеют теперь казаки националисты, не сидели бы мы здесь, а у себя дома в своем казачьем государстве. Читатели казаки журнала «ВК» — печатного органа казаков националистов уже знают, какая была у казаков армия и как она была вооружена. И наверное сильнее бьется казачье сердце при чтении «Трагедии Казачества» (период освободительной войны), где современный историк показывает дерзкие «промахи» и халатные «ошибки» (бывших) ответственных лиц... стремившихся ко всем берегам, за исключением только одного — своего казачьего... Только благодаря таким «мастерам» казачья армия ослабела...

21 марта 1918 года первой восстала Суворовская станица и под командой ген. **Растегаева** пробовала остроту своих палашей на головах пришельцев. Поднялся весь 2-й Донской округ. 22 марта восстали Криванская, Кагальницкая, Мечетинская и Егорлыкская станицы. В Донецком округе Митякинцы и Гундоровцы, а 1-го апреля 1918 г. П. Р. Дудаков с детьми-учениками занял станицу Урюпинскую. 1-го мая 1918 года освободительная армия донцов имела 17.186 бойцов, 21 орудие и 58 пулеметов, а к июлю месяцу выросла до пятидесяти тысяч бойцов, при 92 орудиях и 272 пулеметах.

Таким образом, казачья земля очищалась своей постепенной увеличивающейся армией. Казачья земля была очищена и, казалось, хорошо будет жить казакам на ней. Но, к сожалению, казаков повели на Московскую дорогу...

Как отнеслись к этому казаки?

28-й Верхне-Донской полк был послан из хутора Шумилина в Старую Кривянку. Шли с песнями. Настроение бодрое. Уже подходят к границе казачьей земли, как вдруг послышались крики:

— Стой! Куда? Дальше не пойдем — граница! Старики призывали до границы идти.

Как тогда умно приказывали старики, как любили они свое детище, свою казачью землю! Стой! Куда? Там чужое...

Так поступало, так думало рядовое Казачество того времени. Так думает национальное Казачество теперь. Участники освободительной войны помнят, как сражались они и их соратники. В боях было лишь одно приказание «вперед» и исполнялось оно не за страх, а за совесть. На отдыхе пели песни, танцевали и... мечтали о будущем житье. И интересно желание 12-летнего партизана Володьки Чудина. Его казачье сердечко просто из груди хотело вырваться, так он любил еще неизвестный для него его казачий край.

«Партизаны, — говорил он, — я знаю, что и меня могут убить. А жить хочется, хочется долго жить и видеть и знать свой Дон. Папа такие рассказы рассказывал, что дух замирало. Но, я старший и должен помочь Кольке, он моложе». А брат его Колька был 10-ти лет. Непонятно, что было тогда. А вот теперь понимаешь все. И если должны были многие умереть, то, умирая знали, что умирают за свою казачью свободу!

Мальчиши шли в армию партизан. Ах, сколько их было и сколько их уже нет!... Дулаковцы, Семилетовцы, Чернецовцы, Лазаревцы, Бахолдинцы, Шуруповцы... Это была армия мальшей — Божья армия, ибо шла та армия за поруганную веру, честь, народ, за свой Край Родной — Тихий Дон за Казачество.

Как участник партизанского отряда, в то время организованного подесаулом Алексеевым, вспоминаю своих близких казаков-мальшей. Многие, многие уже спят вечным сном. Реалисты, гимназисты, семинаристы — они-то и составляли отряд бесстрашных — Клишкины, Ивлевы, Чудины, Лавровы, Нечеперновы, Кравцовы, Арьковы и много, много других — все это сыны рядовых казаков... Они шли и умирали.

Думаете за крестик или лычку? Нет! За свое казачье...

Подесаул Алексеев спросил однажды одного партизана при вступлении в отряд: «Скажи по совести, что тебя понудило вступить на дорогу верной смерти?»

А казаченок ответил: «Да, вот, господин атаман, родных вырезали и «нутро» говорит иди и гони мужиков в Саратовскую губернию»...

Тысячи таких было, которым «нутро» обещало что то лучшее, свое казачье!

Так думали будущие большие казаки, но не так думали в то время ответственные казачьи верхи. Какой воспитатель — такой и воспитанник. Казачьи дети — сыны своих отцов! И проявление мужества молодыми казачатами показывает, как казаки любили свою свободу. Любили своих детей, но все же позволяли им умирать. Смертью давалась жизнь другим, казались бы, счастливым. Но некоторые засохшие душонки не поняли самоотверженности молодой армии...

Блеснул осенний луч свободы. Ушли надежды. Погас луч и ушли мы с печалью в изгнание. Дальше воспользуюсь словами поэта казака-националиста Сергея Чепурного: «А на север толпой казаков повели»...

.....

Глубоко под землей казак камень долбил»...

Долбит казак националист очень большой и твердый камень и не перестанет долбить, пока не разобьет его. Он знает, что под этим камнем найдет казачью армию, силы которой, как динамит, разорвут и разметают все вымыслы сил противника.

Мы знаем, что **будет казачья земля Казакия!** И глубоко уверены, что все казаки националисты стремятся к вольности казачьей и лучшей казачьей жизни. Живет национальное Казачество, а казачий народ старше, чем его земля. И даст Бог (ведь он не без милости, а казак не без доли)

Где орлы лишь гнезда свои вьют,

Облака где о вершины рвутся —

Кто они, что смело так идут?

Казаки! ущелья отозвучат...

(Слова К. К. Полякова из ст. «Казачья Кровь»).

И так хочется, чтобы скорее сбылись слова Донского гимна: «В боевое грозно время»...

Походному Атаману нашей национальной казачьей армии и всем окружающим, станичным и хуторским атаман — Слава!

Дальше говорит инж. **А. Г. Кожевников:**

«Станичники! В этот день, день 20-летнего юбилея казачьей борьбы, мы собрались сегодня для того, чтобы просмотреть и изучить прошлую борьбу за свое существование, определить ее положительные и отрицательные стороны и изучить все ее ошибки, чтобы в предстоящей борьбе не повторять их.

20 лет тому назад у казаков была блестящая возможность воспользоваться российским хаосом и восстановить свою независимость. Но казаки, вместо того, чтобы сбросить чужую им опеку, продолжали течь в старом русле, русле российском, защищая чужие им интересы.

Не хотели казаки осознать самих себя и как «измельчало Казачество за тех триста лет — тяжела, знать, российская палка»...

Я вспоминаю, как происходили события у нас, на Яике. Казаки постепенно, точно пробуждаясь от тяжелого сна, начали осознавать себя и разбираться в ситуации. Был созван Круг, выбран Атаман и с 2-3 полками «домашнего» (вновь набранного) войска, ожидали уральские полки с фронта, охранявшие так усердно чуждые им границы. Ну, а пока их ждали, большевистские орды лезли со всех сторон... Грабили и обессиливали неорганизованную массу казачьего населения. Здесь то и нужны были боевые полки с фронта, но полки эти, дождавшись там пропаганды товарищей, начали возвращаться домой, кто как смог. Пришли с честью и с оружием только 3-4 полка... Остальные вернулись без оружия и без чести. Пришли и залегли по печам. «Пускай, дескать, повоюют другие, а мы посмотрим»...

Посмотрели, да не удачно, так как пришедший враг не пощадил и их (как щадили казаки)...

В тот момент, когда в первый период войны происходили восстания, Яицкое Казачество потеряло лучших своих борцов за свободу. Пали вожди, политики и храброе казачье студенчество, пали истинные сыны Яика. Погиб герой Яика полк. Курин, пал и Атаман ген. Мартынов. Погиб почти весь кадр Яицких борцов за казачью правду, за Яицкую волю, за родную степь, за седой Яик.

Слава и вечная память храбрым героям — сынам Яика! Пусть легка им родная ковыльная степь и пусть седой Яик тихо и печально поет вечную память своим наилучшим сынам...

Остановившись подробно на описании борьбы на фронте, отдав должное неурядицам в тылу, помогшим провалить казачье дело, оратор заканчивает свое слово пожеланием еще больше сплотиться сейчас под знаменем ВК идеи, зовет идти впредь только за Казачью Правду, за Родимый Край... Я уверен, — говорит он, — что возродится родное Казачество, а раз возродится Казачество, возродится и наш славный Седой Яик Горынович!

Слава Казачеству!

Слово станичника М. Амракова:

«Я, как калмык-националист, сегодня позволю себе сказать несколько слов в день 20-летнего юбилея казачьей армии. Каждый из нас знает, что партизанство было выдвинуто самой жизнью в первые годы большевистского нашествия. Значение партизанства огромно. Оно дает выход накопившейся в народе ненависти против тиранического режима, поддерживает и воспитывает в массах волю к борьбе, доказывая, что народ еще жив, что не сломлен его дух, что не угасла в нем жажда борьбы за освобождение.

Высоко развитая жертвенность и чувство подвига характеризуют собой донских партизан.

Во время революции подавляющей физической силе большевиков было противопоставлена ни с чем несравнимая красота величия духа калмыцкого и казачьего народов.

Станичники, станичники и уважаемые гости! Я позволю себе сказать вам несколько слов из истории калмыцкого народа. С 1642 г., с момента заключения договора между Доном и калмыцким народом, — калмыки жертвенно поддерживали казачий народ в трудные минуты его жизни. Так, например: история говорит нам о том, что калмыки в рядах войск Атамана С. Т. Разина, Е. Пугачева и др. неоднократно служили Казачеству.

События последней нашей общей борьбы за свободу с московскими красными войсками подтверждают прочность наших братских отношений на вечные времена. Во время революции было у нас, калмыков, два самостоятельных полка — Зюнгарский и 3-й калмыцкий полки. Среди наших калмыков было много героев, которые отдали свою жизнь на благо родины. Много жертв стояло особенно нам, калмыкам, эта война. Калмыки бились до последней капли крови и поэтому мы больше всех пострадали...

Невольно встает вопрос другого порядка: а что делали в это время наши «вожди»?

На этот вопрос следует ответить, что они ничего не делали и не сделали. Их деятельность была настолько бесцветна, что даже стыдно об этом говорить.

Одно только могу сказать, что они сделали много вреда калмыцкому и казачьему народам.

Вечная память, вечная слава всем героям, погиб-

шим за честь и славу, за калмыцкий и за казачий народы!

Затем выступил ст. В. В. Фролов:

«Уважаемые гости, станичники и станичники, двадцать лет тому назад Казачество, храпя свою историческую боевую традицию, снова показало миру беспримерную жертвенность, которую принесло на алтарь казачьей свободы, за право жить и самоуправляться.

Казачья армия, обессиленная и обескровленная трехлетней мировой войной, возвратясь к своим родным очагам, увидела распоясавшийся в красном хаосе русский народ-богоносец, который громял храмы, хулил Бога, убивал священников и грабил не им нажитое.

Большая часть русских офицеров, спасая свои жизни, перешла на сторону большевиков и только незначительная часть их бежала в казачьи земли...

Более чем сотысячная казачья армия боролась два с половиною года, истекая кровью, за свой Порог и Угол...

Вспоминая сегодня казачью армию и ее боевую доблесть, мы, казаки националисты, благоговейно преклоняем свои головы перед знаменами, овеванными славой побед...

Пусть малые и большие враги наши не служат панихиду по Казачеству. Мы еще живем, жив в нас дух казачий и мы победим!

Слава Казачьей национальной армии! Слава Казачеству!

Потом говорит ст. В. К. Галкин:

«Станичники, станичники и уважаемые гости! Сегодня день юбилея нашей казачьей армии. Всем нам, казакам националистам, известно, что мы были под Россией на положении колонии. С 1709 г. мы были лишены всех казачьих прав до 1917 года. В 1917 году мы, казаки, хотели освободиться из-под ига русского народа. Создали себе армию для защиты своей Земли.

Я хочу сказать вам, станичники, хочу спросить вас: хотела ли наша казачья армия воевать с Россией? Хотели ли мы, казаки, наступать на Москву? Хотели ли мы защищать русских помещиков?

Отвечаю: нет! Казаки не хотели всего этого. Мы хотели только защитить свое казачье государство и жить с соседями по-хорошему.

Несмотря на тяжелое положение, казаки создали себе Войсковые Круги и Рады. Они избрали себе вождей и сказали им: ведите вы нас, наши Атаманы, на защиту Казачества. К сожалению, казаки не были политически подготовлены и избрали себе вождей не таких, каких надо было. Некоторые члены Кругов и Рад и некоторые казачьи генералы вели предательскую политику. Они прикрывались интересами Казачества, а сами вредили ему. Оказалось, что они служили не Казачеству, а России...

По моему, станичники, не разбили нас большевики, а разбили нас некоторые наши единонедельмские генералы и наши правительства. И поэтому и погибла наша казачья армия и казачьи бойцы, а остатки их за границей и физическим тяжелым трудом добывают себе кусок хлеба.

Но казаки неутомимы. Они снова хотят вернуть свои степи и создать свое Казачье государство, жить у себя дома и быть хозяином своего куреня. Час этот уже близится. Вернем свои родные края, создадим себе свое казачье государство и вновь создадим казачью армию.

Слава и вечная память нашим братьям казакам, павшим на поле брани! Слава казачьей национальной идее! Слава нашим казачьим национальным вождям! Слава казакам националистам!

Затем выступает Походный Атаман ВК, который благодарит турчанинцев за приветствие и говорит:

Ст. К. К. Поляков просил меня передать привет от вашего имени всем казачьим национальным организациям, у которых я буду. Сделаю это, как и сейчас передаю вам привет от организаций, у которых я уже был.

Обращаясь к настоящей аудитории, я полагаю, что, наверное, среди присутствующих есть и станичники, еще не состоящие в наших рядах. По этому поводу я хочу сказать несколько слов и рассказать вам об одном характерном явлении, имеющем место в нашей жизни и работе. На устраиваемых нами сборах часто присутствуют, как гости, и так наз. русские казаки, кото-

грамму, но, заражаясь, в конце концов, нашей идеей, со всеми вольными казаками провозглашают «Слава Казачеству!» и переживают все так же глубоко, как переживают казаки националисты. Это, несомненно, говорит и свидетельствует о том, что выдвинутая нами казачья национальная программа принимается даже и теми казаками, которые по тем или иным причинам еще не вступили в ВК движение. Все это говорит о том, что в решительный момент, когда начнется реальная борьба за лучшие судьбы Казачества, все они станут на наш путь, который является единственно правильным и спасительным для всего казачьего народа.

Но, говоря об этом радостном и утешительном для нас явлении, не могу не сказать нескольких слов и о нашем недавнем прошлом, имевшем место 20 лет тому назад.

Была борьба. Борьба, по существу, между русским народом и народом казачьим. Как окончилась эта борьба, вы сами знаете. Мы ее проиграли. Возникает вопрос: почему она была проиграна? Главными причинами нашего проигрыша являются, с одной стороны, наша политическая неподготовленность, а с другой, — ответственные наши политические возглавители тянули казаков на не казачьи пути. А результатом всего этого было полнейшее раз'единение казачьих сил.

Отсутствие казачьей национальной программы вызвало политический хаос и раз'единение казачьих сил. Вот эти ошибки в прошлом и привели наши казачьи героические армии к катастрофе. Теперь мы можем сказать, что жизнь в изгнании научила нас тому, как надо делать прежде всего свое дело...

Выступления сегодняшних докладчиков свидетельствуют о том, что мы научились правильно понимать и делать свое дело и это является гарантией того, что ошибок прошлого мы не повторим в будущем. И мы знаем, что все здравомыслящее, патриотически настроенное Казачество убедится в том, что залогом свободной, лучшей жизни нашего народа является единение наших сил. Призываю вас, станичники, к единению вокруг единственно правильной для нас, казаков, программы — программы ВК.

Слава Казакии! Слава Казачеству!

Громкими криками Слава! отвечают станичники на речь своего Походного Атамана.

Потом ст. К. К. Поляков объявляет перерыв на 10 минут.

После перерыва снова выступает П. Атаман:

— Сегодня докладчики, — говорит Походный Атаман, — если и не охватили в своих докладах всего того, что относится к 20-летию казачьих армий (да это и невозможно сделать на одном сборе), то существенное и главное, все же сказали...

Поблагодарив докладчиков за проявленный труд, Походный Атаман обращается к присутствующим украинцам и приветствует их. Говорит о том, как народы, борющиеся за свою независимость с общим противником, проиграли эту борьбу в прошлом. Не было сговоренности, а если и намечалась она, то уже поздно.

В этом месте Походный Атаман вспоминает о своем посещении казачьих частей, находившихся (в 1920 году) в составе украинской армии и о своей встрече с присутствующим на сегодняшнем сборе б. командующим украинской армией ген. **Омеляновичем-Павленко**.

Не следует нам повторять ошибок прошлого, когда мы договаривались два года спустя после начала борьбы. Нам следовало бы договориться хотя бы за два-три года как будто и отрицают нашу национальную программу до начала борьбы.

Ошибка наших соседей заключалась в том, что они нас меньше знают, чем мы их. Поэтому ознакомление наших соседей с казачьим вопросом является в интересах не только наших, но так же и в интересах их.

Будем верить в то, что будущую борьбу мы встретим более объединенными, в тесном союзе, который нам поможет достигнуть общей для всех нас цели — независимости наших народов.

Потом Походный Атаман на чешском языке приветствует присутствующих гостей чехов....

Далее ст. К. К. Поляков приветствует присутствующих гостей — чехов и украинцев — и предоставляет слово б. командующему украинской армией ген. **Омелянович-Павленко**.

Ген. Омелянович-Павленко то же самое вспоминает свою первую встречу с нашим Походным Атаманом на украинском фронте и вообще свои встречи с казаками. В задушевных словах выражает он свои лучшие чувства к казакам и утверждает, что единение украинцев и казаков является залогом освобождения этих народов. (Станичники горячо приветствуют б. командующего украинской армией).

Потом ст. К. К. Поляков предоставляет слово ген. украинской армии **Петриву**, который в темпераментной речи говорит об ошибках в далеком прошлом. Вспомнив борьбу Атамана Булагина с Москвой, указав на то, как ближайшие соседи казачества помогали Москве в борьбе против донцов, которые фактически являлись их союзниками. Выступления Разина и Пугачева тоже не были поддержаны, хотя они и старались провести в жизнь наши идеи.

Этого в будущем не должно быть, повышая голос, говорит ген. Петрив. Повторение этого будет гибелью наших народов.

Степной дух, общий для наших народов и Воля — общий их идеал, объединят наши народные силы и помогут нам восстановить нашу свободу.

(Громким приветствием: Слава! отвечают казаки ген. Петриву на его речь).

Ст. К. К. Поляков, обращается с заключительным словом к Походному Атаману:

Наш Походный Атаман! Сегодня Вы оставите нас для того, чтобы продолжать путь борьбы за лучшее будущее нашего народа и за его свободу. Можете ехать спокойно. Казаки националисты-турчанinovцы твердо стоят на своем посту. Они крепко держат казачье национальное знамя и не дадут ему коснуться земли. Пусть наш казачий Бог хранит Вас на Вашем пути.

(Походный Атаман и ст. К. К. Поляков обмениваются рукопожатием под громкое, долго несмолкаемое, приветствие станичников — Слава! Слава! Слава!).

Потом ст. К. К. Поляков благодарит гостей за внимание, станичников за дисциплинированный сбор и закрывает 18-й сбор казаков националистов в Праге. Хор станичников исполняет традиционную песню. Присутствие Походного Атамана явно подняло дух станичников. В зале прекрасный резонанс. В этот раз еще более торжественно и волнующе звучат мощные слова: «Не застыла в нас кровь казачья и как бить врага не забыли мы!»...

Еще несколько своих любимых песен исполнил хор турчанinovцев своему Походному Атаману. Станичники заметно не хотели расставаться со своим Походным Атаманом. Но, время не ждет. Не ждет и работа. В 11 час. вечера ст. К. К. Поляков и д-р С. У. Степанов провожали Походного Атамана в дальнейший путь....

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО — ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШЕЙ СЛУЖБОЙ СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ВНЕШНИЙ МИР С КАЗАЧЕСТВОМ РАЗЪЕДИНЕННЫМ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ. ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ТО, ЧТО ВНЕШНИЙ МИР БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ С ЕГО ИНТЕРЕСАМИ, ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВНЕШНЕГО МИРА В БОРЬБЕ СО СВОИМИ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ.

Нельзя молчать

Передо мною два документа «Главы донских вольных казаков».

Первый «документ» — письмо г. Кудинова атаману ВК хутора Ермакова от 29-1-38. Не буду приводить его в целом. Но есть там такое место: «Билый пришел в Софию и остановился в отеле «Болгария, где платил 500 л. в сутки, скрывается, как вор, от казаков. Рабы — Ковалев, Лаврухин и чистейший мужик Лапкин довольствуются крошками, падающими со стола барина...».

Какая наглая ложь! И все это пишет «претендент» на возглавление великим казачьим национальным движением.

Как живой свидетель всего бывшего в Софии, скажу:

Походный Атаман ВК инж. Билый до 31 января включительно принял, как у себя в отеле, так и в др. местах, одновременно достаточное число представителей различных казачьих группировок, даже и т. наз. «оппозиционеров»... Все они нашли и время и место, где с ним встретиться и поговорить. И только г. Кудинов, как голодный волк, рыскал по городу, ожидая специального приглашения...

Все это показывает, что Походный Атаман не только не скрывался, но — не успевал заканчивать беседу с одним, как являлся к нему другой...

О довольствии Ковалева, Лаврухина и Лапкина знают они сами и казаки г. Лесковец, Софии и Сладка-Вода. Не знает всего даже Походный Атаман.

Несколько о «мужике» Лапкине, не в качестве защитника (защитить себя он сумеет и сам), а хочу только сказать, на что способны иногда тщеславные, но безнадёжные кандидаты... Мне кажется, что в крови, пролитой есаулом Лапкиным за Казачество, может захлебнуться всякий клеветущий на него, — в том числе и большой Кудинов.

Второе, если бы ес. Лапкин дорожил крошками, падающими со стола Билого, то он, наверное, не отказался бы от кусков, падавших ему со стола других... А, насколько мне известно, несмотря на то, что он с одной рукой, он не пошел ни перед кем преклоняться, а честным трудом добывает себе кусок хлеба, перенося все невзгоды изгнания и не плача на судьбу.

Да и Вы, г. Кудинов, кажется, совсем недавно, не прочь были, чтобы этот «мужик» стал сотрудником Вашего «Вольного Дона»?

Дальше в письме г. Кудинов просит «описать подробности приезда Билого в Лесковец», по возможности — припомнить все слова, высказанные им, чтобы он, Кудинов, имел возможность составить «сводку его пребывания в Болгарии».

Так как хуторской атаман Пискунов, возможно, не сможет описать точно обо всем, то я беру на себя смелость помочь ему и «просящему».

Итак, 25 января 1938 г. в два с половиной часа дня на станции Горно-Ореховица Походный Атаман был встречен мной и ес. Лапкиным. Последний за 8 часов раньше приехал ко мне в Лесковец. От имени казаков хутора Ермакова, я пригласил Походного Атамана хотя бы на несколько часов (до следующего поезда) проехать в Лесковец (это в 7 кил. от станции Горно-Ореховица).

Походный Атаман дал свое согласие и через час мы уже были у квартиры хут. атамана Пискунова.

Получив известие о его приезде в Софию через Горно-Ореховицу, казаки пожелали видеть и поговорить с ним, так как представителя на его доклад и совещание в Софию послать не могли из-за недостатка средств.

Хуторской Атаман попросил меня принять Походного Атамана у себя на квартире, пока он соберет казаков. И на этот раз казаки Ермаковцы показали свою дисциплинированность. К 6 часам вечера слетелись почти все члены хутора ко мне на квартиру и решили здесь же остаться для беседы.

Несмотря на то, что Походный Атаман не отдыхал (да и отдыхать было некогда), на множество самых различных вопросов он давал исчерпывающие ответы.

В 7 часов он начал доклад, который казаки выслу-

шали так же, как и г. Кудинов и все остальные казаки, присутствовавшие на докладе в Софии 30 января с. г. (темы были разные). За доклад и беседу благодарил его казаки так же, как и перед глазами г. Кудинова в Софии. Благодарил его даже те, кто были еще вчера непримиримыми... И ни один из них, подобно персоне г. Кудинова, после доклада не вобрал головы в воротник пальто, не ушел, скрываясь от взглядов даже своих вчерашних соратников, а после двухчасового доклада в шумной беседе провели время до часу ночи, когда настало время расстаться с дорогим гостем и проводить его на станцию.

Конечно, наша беда в том, что мы, при подобных встречах, не можем закатывать банкетов. Г. Кудинов, это и сам знает, т. к. посещал нас. В этом нас даже обвиняют наши противники. Но, что делать — бедность... А Билый, хотя и носит мешок з золотом, как уверяет Кудинов, но не того...

Пусть простят меня читатели, что я так откровенничаю, но, ведь, просит человек описать все подробно, а я брехать не научился, хотя г. Кудинов и учил меня этому и не мало.

Итак, проводили казаки Ермаковцы своего Походного Атамана, оставшись довольными его посещением. С какими впечатлениями уехал он из Лесковца, никто не добивался узнать от него, хотя я, как «раб», проводил его до самого поезда.

Вот все подробности. Точней не могу. Теперь немного о другом письме. Получено оно было уже после отъезда Походного Атамана из Софии, которого Кудинов там видел и слышал, но в этом втором письме о нем уже ни слова.

Письмо славным Ермаковцам в Лесковец:

«Как видно, угасло все — и пыл и героизм. Остался только призыв сохранить союз и принять самое активное участие в выборах Донского Атамана, т. к. большинство донцов за кандидатуру Попова, то и вам советую тоже, но с условием, что при Атамане будет избрано правительство, которое будет следить за ним (значит, он не так уже надежен! Н. К.) и в случае, если он не будет исполнять нашу волю, то нам не долго повернуть оглобли и отказаться от него, от этого мы ничем не страдаем. Как донской казак, я тоже люблю Дон и донские традиции. Думаю, что и каждый сын Дона, не вкусивший соблазна матушки кременной, любит его».

Вопрос, как должны будут отнестись донцы, состоящие в рядах ВК, к предстоящим «выборам Донского Атамана», решить не трудно. Мне кажется, что и на этот раз казаки поступят, как и в 1935 году. Думаю, — не ошибутся.

Для меня не понятно: как можно участвовать в выборах, но потом не подчиняться избранному, в случае, если им окажется тот, за которого мы не будем голосовать?

Допустим, даже, что в Атаманы будет избрано желательное нам лицо. Будет избрано и правительство Донского Войска. Что же должны будут делать тогда казаки остальных Войск, состоящие в рядах ВК? Должны будут брать свои пожитки и идти искать правительства. Так, что ли? Этого, т. е. раздела ВК движения давно ждут уже противники Казачества, противники казачьего национального дела.

Утопающий хватается за соломинку. Так и «вождь донских вольных казаков». Ушел от Билого, пошел в Балыковскую компанию. Ушли его оттуда, образовал «самостоятельный Дон». Не вышло с Доном, начал основывать еще нечто новое, а теперь зовет на «Московский Дон с Атаманом»... Завтра, очевидно, придумает еще что нибудь, а вы, казаки, только поспешайте за ним.

Прав был ст. Лосев — не угоняйтесь...

Я посоветовал бы г. Кудинову одно верное средство: Остановитесь, отдохните немного. Ведь, Бог знает, что может случиться от переутомления. Спокойная жизнь вернет Вам силы, улягутся в мозг мысли, а тогда с Божьей помощью в добрый час и дальше...

Н. Ковалев.

Принимается подписка на 1938 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	50 фр.	100 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.